

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Вера Сытник

Волонтер10

Валерий Бродовский

Закованный в горы 54

Юрий Козлов

Мраморное одеяло154

ПОЭЗИЯ

Сергей Овсянников

Стихотворения 3

Алена Рейман

Стихотворения50

Станислав Ливинский

Стихотворения148

Александр Мосиенко

Избранное 223

КРАЕВЕДЕНИЕ

Алексей Кругов

Олег Парфенов

Поколение победителей 230

КУЛЬТУРА

Николай Блохин

Эра Островского 247

Главный редактор

Владимир Бутенко

*Литературное
Ставрополье
№ 2 (2025)*

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)6
Л64

Редакционная коллегия:

В. Бродовский, О. Воропаев,
Е. Гончарова, А. Кругов, Р. Нутрихин,
Е. Полумискова, С. Скрипаль,
О. Страшкова

Литературное Ставрополье. Альманах
Л64 № 2 (2025). – Воронеж: ООО «СЛАВЯНОЧКА»,
2025. – 260 с.
ISBN 978-5-6053326-9-5

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)6

Адрес редакции:
355033, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел. (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

ISBN 978-5-6053326-9-5

9 785605 332695 >

Я резервный солдат России,
Чьё оружие – блокнот и стило.
А случись что... найду в себе
силы.
Стану в строй как боец СВО.

На военной тропе тернистой
Прозвучит всем врагам назло,
Вперемешку с грозой
неистойвой –
Во спасенье – РСЗО.

Во спасенье – пора
рассчитаться
С теми, кто захотев «перемог»,
Докатился вдруг
до святотатства,
Обезумел, стал глух и жесток;

Чья всегдашняя утлая память
Не способна была сохранить
И святое победное знамя,
И корней общих крепкую
нить.

Я резервный боец. Будь
моложе,
Со своей бы поспорил судьбой.
Пусть нам трудно сегодня.

И всё же,
Будь спокойна, страна.
Я с тобой!

**Сергей
ОВСЯННИКОВ**

Поэзия

ЗА ДАЛЬЮ МОИХ ПОЛЕЙ

Вот он, славный тот старый большак, –
Вдрызг разбитая путь-дорога.
Для одних – трудно сделать шаг,
Для меня – всё не так уж плохо.

Буду шествовать пешим ходом
Мимо заводов, камышей
В хутор Смыков, оттуда я родом.
Хорошо-то как на душе!

Пусть навстречу – горячий ветер.
На лице капли пота крупней...
Всех дороже дорог на свете
Та, что с детства знакома мне:

Чуть заметна в степи грунтовка,
Где, куда только ни взглянёшь,
Куропатки да перепёлки,
И кусты земляники сплошь.

Перелески, подъёмы, спуски.
Или – прямо, как в сказке, вдруг, –
Лента узкая речки Русской.
Я узнаю её на слух...

Позади уже километры.
Чувство радости всё сильней.
Там, за далью моих полей,
Хуторочек стоит заветный.

Живой простор.
Знакомый голос.
И ветра тёплое крыло,
И пряный запах свежих борозд –
Страницы детства моего.

Линейки лесополос стройных –
Приюты птичьи и зверья,
Где по ночам не молкнет в кронах
Песнь удалая соловья.

Здесь, в шапках бархатных туманов,
Хранители былых веков –
Кочуют скифские курганы
На фоне редких облаков.

Степная чудная планета
Отца родного – плугаря.
Моя земля.
Мой край заветный.
Святая Родина моя!

ВАЛЕНТИНЕ СЛЯДНЕВОЙ

Хороши поля и межи,
Дальних далей глубина,
Где стоит твоя Надежда,
Детства трудного страна.

Ива стройная у тына,
В длинных косах седина.

Валентина, Валентина!
По тебе грустит она.

Приподнялась поросль рядом.
Та же стать, да только вот,
Сложно словом ей и взглядом
Достигать твоих высот.

Знают ветры-непоседы,
Где б ты только ни жила,
Всё равно село Надежда
Всех столиц родней была.

Ставропольский край былинный,
Много дней и много лет
Твоей песней лебединой
Был обласкан и согрет.

Валентина, Валентина!
Ты и в песнях, и в стихах.
Отчего тогда у тына
Ива нынче вся в слезах?..

Вновь обнажая душу,
Где-то во мгле Вселенной,
Словно щенок заблудший,
Ветер скулит осенний.
Ветер, осенний ветер,
Отрок природы милой,
Сам я надеждой бредил,
Где б меня ни носило...

Думой охвачен горькой,
Припоминаю с болью,
Кто подал хлеба корку,
Кто одарил любовью.
В дольном пути тернистом,
Кто успевал делиться
Праздником сердца искренним,
Что собирал по крупичкам.
В замети истин скользких,
В облачном диком Поле
Кто столько сделал просек,
Кто столько света пролил...
Мне в конуре бетонной
Вот и сейчас несладко:
Калейдоскоп бессонницы
Вымучил глаз сетчатку.
Но дорожу, о ветер,
Связью с любимым краем.
Белый ломоть мне светит
Лунного каравая.

Прошив жилище житным духом,
Теплом родных равнинных мест,
Ржаного хлебушка краюха
Явилась радугой небес.

И над столешницей дубовой,
Как сон, как полая вода,
Мечтой гонимы и судьбою,
Мои промчались поезда.

Мелькнули города и веси,
Разъезды, станции разлук,
Когда я клялся всем на свете,
Что разорву привычный круг.

В скитаньях за насущным хлебом
Не позабуду край чудес,
Где отражают своды неба
Озёр и рек жемчужный блеск.

И в звоне суматошных дней
Связь не прервётся с глушью чуткой,
Волнующей – высоким чувством
И покаяньем – в тишине.

Там, где в давнюю мечту о новой доле
Песня жаворонка звонко вплетена,
Ярового ячменя – в широком поле –
Цвета золота колыхается волна.

На высоких разлохмаченных курганах
Настоялся, забродил июльский зной,
И таит невыразимо сладкий запах
Небо, словно колокольчик луговой.

Речка Русская чиста и, слава Богу,
Не осталась без станиц и хуторов,
Без красавиц – белых цапель «одноногих» –
В малахитовой оправе берегов.

Свет янтарного полуденного солнца
Проливается искрящимся дождём.

Лишь грустит журавлик старого колодца
На земле, что малой Родиной зовём.

Да святятся родные места,
Где полощутся зори полынные,
Где уносятся вдаль поезда
Отправлением из Изобильного.
Приглашает пройти на перрон
Юность – ветреная полуночница.
В неизвестность лететь не впервой,
Но никак расставаться не хочется.
Нас влечёт непрестанно к себе
С родниками, с курганами скифскими
Очарованный странник степей –
Россиянин – район Изобильненский.
Память сердца надёжно хранит
Золотое раздолье пшеничное,
Где прокосных копён янтари
Дух бодрят хлеборобскими притчами.
Сверен с пульсом вселенских глубин,
Первородного чувства высокого,
Газопромысла чудится гимн,
Тонет степь в перепёлочных отзвуках.
Да святятся родные места,
Где рождалась под ветрами хлёсткими
Нашей юной мечты высота –
Беспокойная ГРЭС Ставропольская.
В красках вольного южного дня
Запоздалой рассветной зарницею
Скачет конь вдоль казачьей провинции,
Бубенцами всё громче звеня.

ВОЛОНТЕР

Рассказ

I.

Конец трудового дня в типографии ощущается по тому, как быстро начинает переходить из цеха в цех Мария Петровна, заместитель директора. Она сердито цокает каблуками по кафельному полу и всех потирапливает, раздавая команды и, вообще, ведёт себя агрессивно. Ей положено по статусу так себя вести, – почти враждебно – по отношению к сотрудникам, ибо коллектив молодой, к работе не привычный. Все, за исключением Сергея, которому пятьдесят семь, в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет. То есть каждому приблизительно столько, сколько Сер-

Вера
СЫТНИК

Проза

гей здесь работает. Ребята только родились, а он уже разбирает и собирал печатные машины.

Наладчик полиграфического оборудования – должность хлопотная, но интересная, любимая. Знать, что от тебя, твоих знаний и сноровки зависит качество газеты или книги, наполняет Сергея чувством гордости. Когда он видит в киосках «Союзпечати» продукцию своей типографии или книги в магазине, он думает о том, что мир не смог бы развиваться, если бы Иоганн Гутенберг не изобрёл печатный станок в 15 веке. Теперешние современные цифровые технологии не идут ни в какое сравнение с тем огромным ящиком. Это-то и удивляет, и восхищает Сергея: то, как стремительно развивается человеческая мысль, как она сама себя подгоняет, когда толкает человека к созданию изумительных печатных машин.

Сергей пришёл в типографию после окончания института и по сей день на своей должности. Остальные часто уходят в другую область деятельности, а те, кто прижился, готовы при удобном случае улизнуть с рабочего места. Он же появляется первым и оставляет служебное помещение последним. Но и при этом Мария Петровна умудряется быть им недовольной: ей кажется, что Сергей из-за её молодости (а Марии Петровне двадцать пять) не уважает и втайне подвергает критике любое её решение или приказ. Поэтому Мария Петровна вынуждена быть с ним нарочито суровой. Ей это плохо удаётся, но молодая женщина старается не показывать вида, что готова

заплакать, когда нужно за чем-нибудь обратиться к Сергею.

Вот и сегодня прежде, чем это сделать, приостановилась, набрала воздуха в лёгкие, выдохнула и громко, так, чтобы все услышали, как она командует самым старшим работником, сказала:

– Сергей Фёдорович! Завтра с утра нужно заехать на склад, посмотреть в каком состоянии принтеры. Их вчера привезли с завода.

– Будет сделано, Мария Петровна! – дружелюбно ответил Сергей.

Мария Петровна покраснела. Ей бы хотелось, чтобы Сергей проявил хоть каплю непослушания, хотя бы долю скептицизма, как это делают другие при разговорах с ней. Но Сергей всегда проявляет полнейшее согласие, чем ещё больше смущает Марию Петровну. Вот и сейчас – всем своим видом выразил готовность выполнить приказ начальницы.

– Заеду, не беспокойтесь, – подтвердил Сергей.

Дождавшись, когда Мария Петровна, а вслед за ней и другие покинут производственные цеха, он прошёлся по всем закоулкам. Убедился, что всё отключено, и, кинув на ходу сторожу: «До завтра, Сан Саныч», – вышел на улицу.

II.

Тепло майского вечера, наполненного запахом распускающихся деревьев, приятно окутало Сергея. На душе разлилось благостное настроение

от ощущения плодотворного рабочего дня, оставшегося позади, от хорошей погоды, от ожидания вкусного семейного ужина, короткой прогулки и просмотра новостей. Редкое, странное ощущение в последнее время! Почти беспричинная радость – откуда она? Сергей давно привык, что каждая минута жизни наполнена волнением и ожиданием весточки от старшего сына, который два года находится в зоне действий СВО. Всё сердце изболелось. Телефонные сообщения приходят редко. Про обстановку на фронте они с женой узнают из скудных новостей по телевизору.

Идёт Великий пост. В сравнении с другими постами Сергей как-то особенно выделял эти почти пятьдесят дней. Может быть, потому что впереди ждала Пасха, любимый с детства праздник, который когда-то устраивала бабушка. Квартира накануне Пасхи сияла и пропитывалась запахом заранее испечённых куличей. На столе, под салфеткой, ждали своего часа крашеные яйца, в холодильнике остывала буженина, на балконе – брусничный компот в огромном кувшине. Они с сестрой кругами ходили вокруг конфет в блестящих обёртках, горкой лежавших в вазочке, но бабушка грозила пальцем: завтра, завтра! «Не спешите, проказники, – строго произносила она. – В ожидании – сладость! А в терпении – награда. Ступайте, почитайте книжку, да подумайте, как будете родителей поздравлять». Подавая пример трудолюбия и молитвенности, она наставляла Сергея на путь духовного и теле-

сного воздержания и научила получать от поста ни с чем не сравнимую радость.

Помня бабушку, Сергей старался провести два строгих месяца с пользой для души и тела: постился, молился, ограничивал себя в желаниях, сосредотачивался на внутреннем, что давало ощущение стабильности и уверенности в себе. Но с уходом Михаила на войну всё нарушилось. Пост перестал даваться и внутренне, и внешне. Стало трудно концентрироваться на молитвах. Их перебивал постоянный страх за Мишку. Чёрные мысли бежали, сменяя одна другую. Картины кровавого, смертельного боя мелькали перед глазами и днём, и ночью. Вместе с эмоциональным напряжением появился неукротимый аппетит: они ели с женой всё без разбору, тем самым увеличивая чувство собственной вины за невозможность справиться с чревоугодием. Земля уходила из-под ног. Ощущение духовной стабильности, даруемое постом, исчезло и не восстанавливалось. Сергей пытался читать Евангелие и акафисты, однако и это не помогало.

Чтобы хоть как-то обозначить пост и порадовать ради Христа, Сергей взял на себя послушание не смотреть сериалы и развлекательные программы, от которых уже воротило душу. И от новостей бы отказался, но нельзя. Поэтому – быстрее домой! Может, Мишка что-нибудь супруге написал? Сергей завёл машину. Мельком глянул в календарь, приклеенный над бардачком. До конца Великого поста осталось три недели. Это значит, что скоро отпуск.

Сразу после Пасхи собрались ехать в соседний город к младшему сыну в гости, пообщаться с трёхлетней внучкой. Как раз на сегодня наметили покупку билетов. Может быть, потому так неожиданно радостно и легко на душе? Оттого, что впереди Пасха, а там и отпуск? Но нет: никакая встреча с внучкой и даже Светлый праздник не могли затмить волнение, которое въелось в каждую клеточку организма, растворилось, растеклось по жилам и страшным комом поселилось в сердце. Тут что-то другое, непонятное... а потому – опять тревожное. Словно за радостью скрывается какой-то подвох.

Будучи от природы весёлым человеком, Сергей отвык от смеха и положительных эмоций. Вместо них осталось одно лишь зловещее ощущение опасности, что естественным образом отразилось на его внешности. Рослый, широкоплечий, с крупной головой и широкими бровями, он производил впечатление надёжного, крепкого человека. Впечатление усиливали глаза. Они у Сергея были глубокими, серого цвета. В них плескалась ирония, готовая вырваться наружу и рассмешить любого, кто был поблизости. Теперь же высокий рост превратил фигуру Сергея в вопросительный знак. Он как-то весь ссутулился, голова клонилась вниз, а глаза глядели настороженно и хмуро. От бывшего жизнелюбия не осталось и следа. Может быть, ещё и поэтому Мария Петровна смущалась Сергея. Знала, что у того сын на фронте, внутренне сочувствовала, но не умела подбодрить, понимая неуместность вторжения в переживания Сергея.

III.

Он доехал до церкви, возле которой часто останавливался по пути домой, заглушил машину и торопливо взбежал по ступенькам, чтобы успеть до закрытия. Перекрестился, зашёл внутрь. Написал записки о здравии, зажёл свечи, немного постоял, прислушиваясь к тому, как тревожащая душу радость становилась всё более звучной, ощутимой. «Странно, – пронеслась в голове мысль. – Можно подумать, что Мишка снова в отпуск собирается». Такое же чувство подъёма они с женой испытали, когда в прошлом году сын сообщил, что приедет в отпуск на пять дней. Но теперь-то? Всё тихо, Мишка молчит.

Сергей направился к выходу. По пути задержался у доски с информацией, чтобы уточнить расписание служб на следующую неделю. И увидел в самом центре объявление, на котором значилось: «Требуются волонтеры в Мариуполь для восстановления домов, желательно со строительными профессиями. Приветствуются и те, кто таковых не имеет и согласен на подсобные работы. Оплата, проезд, проживание, орудия труда – за счёт прихода. Выезд третьего апреля, сборный пункт – у церкви. Обращаться ...» И указан телефон.

Беспокойно-радостный ком, стоящий где-то в горле, так и взорвался. Сергей непроизвольно выдохнул, словно стряхнул с себя нечто тяжёлое. Нет, никакого подвоха не было. Он, видимо, предчувствовал поездку волонтером. Идея давно витала в воздухе, тревожа неясными мыслями,

но не могла оформиться в конкретное желание. Вот оно что! Волонтером в Мариуполь! Конечно, да, обязательно. Потрудиться во время Великого поста ради Христа, на пользу людям. Душа, оказывается, просила конкретных событий. Звала Сергея на добрые дела. Он-то думал, что творит добро, отсылая на фронт посылки сыну со снаряжением и продуктами. А оно, вон оно как обернулось! Судьба дарит возможность поучаствовать в общем благом деле. Решено, поедет!

Воодушевлённый, будто омытый небесным светом, он помчался домой.

– От Мишки ничего не было? – с порога спросил жену.

Та отрицательно покачала головой и рукой указала на стол, где под крышкой в тарелке стоял приготовленный для Сергея ужин.

– А ты?

– Не хочу. Тоска берёт. Быстрее бы поехать к Никите, побыть с внучкой.

– Маруся, придётся тебе ехать одной... Я через пять дней отправляюсь волонтером в Мариуполь. В церкви увидел объявление. На две недели. Вообще-то все по неделям ездят. Но я хочу на две. Непокорно мне, всего крутит. Места себе не нахожу. Работа на ум не идёт. Возьму отпуск, думаю, отпустят пораньше, и поеду. А ты уж, одна...

– Как так, Серёжа? Мы же договорились! Я уже и поезд присмотрела, ведь собирались билеты купить... Что же, Мишка на фронте, ты в волонтеры, Никита в другом городе, а я одна останусь?

На глазах круглолицей Марии закипели слёзы, слышались всхлипывания, перешедшие в глухие стенания. Плакала она больше не из-за того, что муж без неё принял решение ехать, она знала, его невозможно переубедить. Плакала оттого, что не плакать было невозможно, оттого что от сына давно не было известий, что жизнь превратилась в сплошное ожидание, и что не было этому конца ... Нарыдавшись, вяло произнесла:

– Через пять дней, говоришь... Ну, успеем собраться.

И столько в её голосе было тихой покорности, столько безропотной святости, вдруг проступившей во всём её усталом облике, и всегда поразившей Сергея, что он отложил вилку. Погладил жену по спине.

– Маруся, я не могу не ехать. Ты же помнишь, мы согласились, что из семьи на СВО поедет кто-то один. У Никитки – дочка совсем маленькая была, я тебя не мог оставить с твоей инвалидностью, поехал Мишка. Помнишь, он так рвался, что остановить его было невозможно. На том и порешили. Но сейчас я не могу не ехать. Стыдно только, что не сделал этого раньше, а всё чего-то ждал. Отсиживался, пока сын воюет. Слава Богу, слава Богу, что еду! На душе полегчало, как вышел из церкви, прямо так и отлегло.

– Серёжа, а может, ты там Мишу увидишь? – Маруся слегка оживилась. – Повидаешься! Я гостинец снаряжу...

– Вряд ли. Слишком разные у нас с ним задачи. Но как знать? Пути Господни неисповедимы.

IV.

Третьего апреля ранним утром Сергей сидел в автобусе, который отправлялся от Никольской церкви напрямик в Ростов-на-Дону. Салон был полон разного возраста мужчинами. Все они, ободрённые общим проектом, в котором собрались участвовать, знакомились и говорили о том, кто что умеет делать. Сосед Сергея справа, Василий, назвался плотником. Слева, Антон – механиком. Сергей сказал, что умеет забивать гвозди, водить грузовик, орудовать лопатой и намерен стать разнорабочим.

– Самая почётная должность! – засмеялся Василий.

В обед приехали в Ростов-на-Дону и через город вышли на трассу, ведущую в Мариуполь. По дороге стали попадаться колонны с бронетранспортёрами и крытые зелёным брезентом грузовики. Обогнав несколько полевых кухонь. Проехали мимо бронеавтомобиля. Волонтёры главели на военную технику, и в их глазах прибавлялось серьёзности, а руки непроизвольно сжимались в кулаки. Заметив это, Сергей подумал о том, что здесь собрались люди с пылкими и добрыми сердцами, готовые прийти на помощь. Собственно, они и спешили на помощь. Таких людей он встречал нечасто и теперь переживал

странное ощущение, сродни тому, что испытывал, когда пел в хоре.

Было в его жизни такое – пел в школьном хоре и был счастлив чувствовать плечо товарища и ощущать себя в полнейшем единении с коллективом. Неопишное ликование владело им, когда, стоя на сцене, хор исполнял «Катюшу». Так и сейчас – ликование от понимания того, что рядом с тобой не просто единомышленники, а почти друзья. Сергей любил всех, кто сидел в автобусе и чувствовал любовь каждого из них к себе. И это было совсем по-христиански, совсем по заповедям, когда говорится: «Возлюби ближнего своего».

«Коллектив делает человека сильным, – подумал он. – А сила коллектива складывается из силы конкретных людей. Взаимодействие частного и общего даёт потрясающий эффект. Как жаль, что теперь это утрачено. Люди сидят по своим норам, собственные интересы защищают. Глядят, чтобы, упаси Бог, никто не позарился на твою свободу и не позвал бы привести двор в порядок. Индивидуализм пустил глубокие корни в обществе и ничем его не сковырнёшь. Но правильно в народе говорят, не было бы счастья да несчастье помогло. Как вот сейчас: беда одних эхом отозвалась в душах других. Значит, не всё потеряно, значит, не исчезло сострадание, о чём уже можно было подумать, глядя на то, как матери бросают маленьких детей, а дети, когда вырастут, бросают родителей».

Сергей вспомнил о сыне и порадовался тому, что в географическом плане стал ближе к нему. Михаилу тоже, наверняка, будет приятно, когда узнает о волонтерстве отца. Для них обоих это было важно, потому что отношения между ними не клеились. Нежелание Михаила учиться и работать раздражало Сергея. Парень вечно попадал в неприятные истории, раза два почти из тюрьмы вытаскивали. Его так и тянуло вниз, к каким-то тёмным личностям, к дракам, в узкие переулки. Сергей отчаялся ругаться. К церкви его, как ни старался, не приучил. Пока был маленьким, носил на руках, потом водил к причастию. А вырос и как отрезало. С началом СВО прямо загорелся весь! Воевать, бежать – это было по его характеру. А за что воевать, об этом не задумывался, главное, получить настоящее оружие. Уехал и даже иконки с собой не взял. Маруся плакала, умоляла, а он в ответ заладил, как попугай:

– Твоя картонка, мама, не поможет. Кому суждено быть убитым, тот не утонет. Всё уже предрешиено.

– Всё и все в руках Бога, сынок, – стояла на своём Маруся, – ничто не предрешиено, если уповать на Него. Ангела-хранителя тебе, Мишенька.

Михаил, недовольно сморщившись, отмахнулся. На том и расстались.

– Будем молиться за него, вдвойне молиться, – сказал Сергей – Ничем мы не в силах помочь сыну, кроме как молитвой. Авось, Господь услышит...

И они молились.

Дома постоянно горела лампадка. Вставляли перед ней, по одному или вдвоём, и шептали слова молитвы, и посылали к небу свои слёзы. Иногда Сергей просыпался среди ночи и видел жену, стоящую в ночной рубашке. Красный свет от лампадки падал на её лицо, и в темноте оно казалось сошедшим с древней иконы. Лицо у Маруси круглое, нежное, с маленьким ртом и узким подбородком. Волосы разделены на пробор и гладко зачёсаны к затылку. И сама она округлая, маленькая, как голубка. Голосок тихий, мягкий. Когда молится, голову склонит, глаза опустит, всё внешнее перестаёт для неё существовать. Сергей, бывало, посмотрит на неё в такие минуты, и болью сожмётся его сердце...

Верно Господь сказал: что попросят двое на земле, будет им от Отца небесного. Их совместные молитвы были услышаны. В отпуск Михаил приехал сильно изменившимся. Отпустил бороду, похудел, почернел, выглядел старше своих лет, казался почти ровесником отцу. Пронзительный взгляд запавших глаз насмерть испугал Марусю. «Словно чужой стал... Нам тяжело, а каково ему там, на фронте?» – улучив минутку, горячо шептала она Сергею.

Они не узнавали сына. Куда девалась юношеская бравада, дерзость и желание всему перечить? В нём поселилась неизбывная тревога, которую он всячески скрывал от родителей, в чём Сергей и Маруся усмотрели заботу о них. Это их поразило: Михаил оберегал их от чего-то жуткого, чего им знать не надо было. Ел он мало, в основном спал

или просто лежал с котом, гладил его и о чём-то думал. Уезжая снова на СВО, взял с собой картонную иконку, которую в прошлый раз предлагала Маруся. Сам взял, без напоминаний. Нашёл среди других иконок в серванте и положил в нагрудный карман. Прощаясь, попросил:

– Благословите, мама... батя...

Они не стали расспрашивать, с чем связаны такие перемены. Решили: взял и слава Богу. Молча порадовались. В души словно влили елее, стало легче, но вместе с тем и более тревожно. СВО продолжалась, страх за сына увеличивался. К этому чувству невозможно было привыкнуть, можно было только приспособиться, приловчиться и воспринимать как нечто неизбежное, которое когда-то закончится. Но чем закончится? В ту сторону не нужно смотреть, а лучше – молиться, молиться.

V.

В думах о сыне незаметно пролетели четыре часа. По трассе всё чаще проносились бронетехника, одиночная или небольшими колоннами. Местами, вдали, клубился чёрный дым, и гарь достигала автобуса – дыхание фронта. Временами, очень гулко, долетало эхо далёких выстрелов – реальных, конкретных, дающих зримое объяснение разрушенному Мариуполю. Услышав, Сергей подумал про сына. Он-то, Мишка, как раз там, где гремят выстрелы. Близко сын, в двух часах езды от Мариуполя, но встретиться не получится. Волонтёрам строго-настрого приказа-

но не использовать гуманитарную командировку для личных целей, не устраивать свиданий с родственниками. Об этом написано в инструкции, которую все подписали.

Наконец показался Мариуполь. Сергей ожидал увидеть разруху, но то, что открылось его глазам, не поддавалось никаким описаниям и было похоже на фотографии времён Отечественной войны. Повсюду валялись груды кирпичей, лопнувшие стены, разбитый шифер, сломанные столбы, порванные линии электропередачи, вырванные с корнем деревья. Приходилось объезжать развороченные участки дорог и покорёженные автомобили.

К счастью, оказалось, что полумиллионный город разрушен не весь. Были районы, где сохранились здания и уцелели дороги. Совсем недавно здесь тоже стреляли и убивали, и разрушительный дух войны всё ещё витал над улицами. Тем не менее, везде ощущалась активная жизнь: машины развозили строительные материалы, группами и поодиночке передвигались волонтеры, некоторые – в одинаковой форме, клубились дымком крохотные полевые кухни, где-то визжали пилы, слышался грохот падающих камней.

Все сорок волонтеров, выйдя из автобуса, выгрузили ящики с кока-колой и мешки с картошкой. В автобус тотчас ринулись те, на смену которым они приехали.

– Принимай вахту! – слышались голоса. – Освободили для вас жильё. Кому скучно по жизни, тому тут в самый раз. Не заскучаешь!

Их поселили в огромную брезентовую палатку синего цвета. Земляной пол тоже был застлан брезентом – серым. Стояли грубые деревянные раскладушки с непонятным тряпьем на них и больше ничего. С боковой стороны к палатке была пристроена гофрированного вида труба от небольшого устройства.

Это для тепла. Ночью будет подаваться горячий воздух, чтобы не замёрзнуть, – пояснил прораб по имени Иван, который не раз уже здесь бывал. Когда, ещё в автобусе, он представился волонтерам, сказал о себе: «Окончил Московский инженерно-строительный институт по направлению строительства тепловых и атомных электростанций, что практику проходил на Украине, участвовал в строительстве Запорожской АЭС», – все тотчас прониклись к нему уважением.

– Будем крыть крыши домов шифером, – продолжил Иван. – Дело в том, что разрушенные многоэтажки взяли под крыло крупные строительные компании. Им удобно заниматься масштабной работой. А до частного сектора руки ни у кого не доходят. Вот он весь наш и есть. До вас подсчитали, что восстановлению подлежат более двадцати тысяч домов, остальное нацели разбомбили в хлам. Работы всем хватит. В основном поносило крыши, повалило ворота, выбило окна. Будем поднимать, закрывать. Учтите, местные жутко напуганы. Бывает, и на контакт не идут. Не верят, что мы бесплатно работаем. Некоторые прямо отказываются от нашей помощи. Говорят, мол, вы испортите стройматериалы, а больше

нам никто их не даст. Вы уж с ними поделикатней. Не хотят – не настаивайте, идите к другому дому. Люди на вас посмотрят, кто как работает, потом сами придут, позовут к себе. Доверие надо ещё заслужить.

– Разве не все понимают цели нашего здесь присутствия? – хмуро спросил седой мужчина с усами, в крупных очках. Казалось, у него одного из всех отсутствовал энтузиазм на лице, а, напротив, проглядывалось нечто жестокое.

– Нет, не все. Кто приехал сюда мстить, тому лучше обратно. Ещё успеете в автобус. Помните, мы приехали помогать мирным. Никакой политики и, упаси Бог, навязывания мнений. Замечу, кто спорит, отправлю назад, без разговоров и права на дальнейшее участие в волонтерстве. Держите нервы в кулаке. Только так. На враждебность отвечайте улыбкой.

– Как оно было тогда, когда проходили практику на Запорожской станции? – спросил Анатолий, плотник, пожалуй, самый молодой в коллективе. Его простодушные круглые глаза выражали любопытство. – Уже тогда ненавидели русских?

– Да быть такого не было! – недовольно воскликнул Иван и даже поморщился, отчего тотчас превратился в старика. Ему было лет шестьдесят, а, может, и больше. Обычный русский мужик, пожилой, ничем не примечательный: мясистый нос, простоватое лицо, израненное оспинками, выпирающий живот. В магазине встретишь у кассы, примешь за огородника. А он – инженер-стро-

итель атомных электростанций! «Такие, – подумалось Сергею, – крепче камня. Даром, что мягкий на вид, как дедушка Мазай. Но скажет слово и станет понятно, что – кремь».

– Вообразите, – Иван смягчил тон. – Работали мы тогда с рассвета до темноты, на выходных жарили шашлыки, ездили купаться на Каховское водохранилище. Все разговаривали на русском, ну, кое-кто разговлял на мове, но все прекрасно понимали друг друга, и проблем в общении не было. А тут... Такое натворили, что вдруг стали врагами. Однако делать нечего. Давно известно, что между родственниками случаются самые жестокие ссоры.

Сергей огляделся. Улица, в конце которой примостилась их брезентовая палатка, почти вся была разрушена. С десятков домов, без крыш, с дырами в каменных заборах казались обитаемыми. Из них выходили люди, в основном старики – серые, печальные, согбенные, ни даже намёка на улыбку при встрече приезжих. Хмуро глядели на то, как те выгрузились из автобуса, и на их «Здрассьте!» неохотно отвечали кивком головы. К старикам присоединились молодые мужики, из которых два были на костылях, а четыре – с забинтованными руками, у одного голову закрывала повязка.

– А чего это они? – спросил лохматый, с бычьим лбом высокий парень, который всю дорогу фотографировал волонтеров, а сейчас улицу, стариков и этих мужиков. – Все забинтованные...

– Следы осколочных ранений, – пояснил Иван. – А вот ты-то чего? Зачем в глаза людям лезешь? Кто по специальности? Как звать?

– Я блогер, Степан.

– И с какой целью ты здесь, блогер Степан?

– Ну, типа, поснимать хочу. Потом расскажу людям. У меня сто тысяч подписчиков, сразу прославиться!

– Вообще-то, мы не за славой сюда, – голос Ивана налился сталью. – А ты, значит, на крышу лезть не хочешь? Только фотографировать? Так выходит?

– Имею право. Зарабатываю деньги как умею.

– Ну, ну. Смотри, не путайся под ногами, а на крышу за хорошим ракурсом, и правда, не лезь. Ненароком поскользнёшься.

Слушавшие разговор волонтеры расхохотались.

VI.

– Пошли, покажу, над чем будете трудиться, – сказал Иван и двинулся по улице. – Лопаты, молотки, гвозди, ломы и другую полезную вам утварь, шифер и доски берите у деда Егора, вон его дом, с дыркой в стене. Мы у него в сарае устроили склад. Орудия труда на вес золота! Передаём из смены в смену. Разбивайтесь на тройки и вперёд, на крыши. Вернее, на то, что от них осталось. Работаем до темноты, подъём в шесть. Еда два раза в день, чай, перекур – по совести, не злоупотреблять. Готовить будем по

очереди. Чья очередь, тот встаёт в четыре часа и на весь день, на всю команду варит похлёбку, кашу, что сумеет. Из круп – гречка и перловка, консервы имеются, хлеб будут подвозить. За город не ходить, вообще, в незнакомые места не соваться, всё заминировано.

Иван указал на десять домов, стоявших вразнобой на улице. Все они были без крыш, некоторые без окон, а на месте дверей висели грязные одеяла.

– Как же в них люди живут? Почему не уезжают? Дети... – Сергей, шедший рядом с Иваном, указал рукой на двух задрипанного вида мальчишек, лет по пяти.

– Так и живут. К примеру, в прошлый раз мы покрыли дом, где жила мать с грудным ребёнком и её родители. Муж погиб. Когда шёл дождь, взрослые по очереди держали тазик над малышом, чтобы туда стекала вода. Перенести кроватку было некуда, везде мокро. А сами, когда ложились спать, укрывались полиэтиленовой плёнкой. Другие зимой печку топили книгами. Ходили в развороченную библиотеку, набирали, на санки и в огонь. Ведь ни дров, ни угля нет. Но не уезжают. У кого родственники есть, уехали. Да почти весь город выехал. Много осталось по частным домам. Квартиру легче бросить, чем дом, землю. Да и куда податься? Тут хотя бы огородишко. Привыкли к земле, что она кормит, и боятся оторваться. Опасаются стать полностью зависимыми от чужих людей, не верят ничему и никому. Украинская власть не сильно-то их баловала. Город

застрял в семидесятих годах прошлого века. Всё, что Советский Союз оставил, рассыпалось, нового ничего не строилось, не ремонтировалось. Но люди привыкли к месту.

– Что это – полнейшая безысходность или упрямство? Или стойкость характера? Или такой махровый пофигизм? Или непонимание обстановки, а значит, и ответственности? – спросил потрясённый Сергей.

– Ни то, ни другое, ни третье. Я уже год здесь бываю наездами: давно на пенсии. Привык. Силы пока есть, езжу. Когда понял, что без нас, без меня тут не управятся, решил, буду ездить. Благое дело наша церковь затеяла – собирать добровольцев. Понимаю ваше удивление. Почему не уезжают? Наблюдаю за местными и не могу понять, в чём тут загвоздка. Какая-то гипертрофированная покорность обстоятельствам! Можно и так подумывать: они, как стадо баранов без пастуха. Где гроза застала, там и будут стоять до седьмого потопы. Но, с другой стороны, в этой покорности – правда. Соль жизни! Закваска. Жернова, которые перемелют любой страх. Не будь её, этой солёной правды, приправленной страданиями, не будет самой жизни. Её можно сравнить ...

Был я когда-то в Иерусалиме. Поехал из любопытства. В Бога тогда не верил. А подышал духом ветхозаветной дубравы, и что-то шевельнулось в душе. Позже пришло такое на ум... Я ведь атомщик, компьютерщик. Как-то вдруг открылось, что только глупые сомневаются в Боге. Ведь люди – это ячейки в космическом компьютере.

Одна ячейка, одна деталь выйдет из строя, может полететь весь компьютер или его часть. Не так ли в обществе? Недавняя пандемия всё подтвердила. Заболел один, заболел весь шар земной. Сломался компьютер, мастер его чинит. Разбирает, чистит, меняет детали. А если человек? Тогда он молится, шлёт сигналы Богу. Бог замечает, что идёт сигнал от ячейки-человека. В виде молитвы сигнал. И Бог реагирует. Или тотчас помогает прямым образом, или косвенно, посылает помощь через другую ячейку. Как только я это понял, все сомнения отпали.

Иван перевёл дух.

– Я не утомил вас? – спросил он Сергея.

– Продолжайте. Впервые слышу такую теорию. И поражён, как доходчиво вы объясняете. Для меня Бог – во всём. Он со мной с детства. А вы открыли Его для себя недавно путём рациональных размышлений. Мы по-разному смотрим на одно и то же, что доказывает Его существование. Впрочем, слово «доказывает» тут неприемлемо. Мы привыкли к тому, что надо что-то кому-то доказывать. Часто даже проповеди звучат, как желание доказать, что Бог есть. А Бог не нуждается в доказательствах, а лишь в защите от фарисеев и в нашей любви. Согласитесь, ведь мы не живём в Боге, мы где-то рядом, сбоку, но не в Нём. А если бы в Нём, так и доказывать нечего! Но продолжайте, прошу вас. Извините, что перебил. Я не был в Иерусалиме.

– Так вот, стоял я под Мамврийским дубом, которому пять тысяч лет, глядел и поражался.

От него остался обрубок и на нём – свеженькие ветки, росточки, которые суть продолжение могучего дуба, могучей дубравы, выдавшей нашего праотца Авраама. Ведь дуб бы давно погиб, если не покорился обстоятельствам: жаре, ветрам. Не сопротивлялся, не тратил силы на борьбу, а только на то, чтобы сохранить росточек, который появлялся, говорят, раз в несколько десятков лет.

Местные люди росли в землю. Вырви и погибнут. У меня есть знакомый батюшка, который несколько раз привозил жёлуди от Мамврийского дуба в надежде, что приживутся у него на подворье. Ничего подобного. Дуб, тот, ветхозаветный, живёт только в своей среде. Как и люди. Если хотите, в их покорности обстоятельствам – нравственная чистота, которую мы, глядя на них со стороны, воспринимаем за быдло, за тупую покорность обстоятельствам в то время, как они выше, намного выше тех, кто жирует. Они – корень. А мы росточки.

VII.

Иван и Сергей отстали от группы и пришли к дому деда Егора, когда ребята, взяв орудия труда, уже разошлись. Дед Егор оказался не дедом, а мужчиной лет пятидесяти. Правда, у него была длинная борода, как у лешего, а седые волосы взяты в хвостик под затылком. «Похож на монаха», – подумал Сергей. Будто услышав его мысли, дед Егор поздоровался и сказал:

– Вижу по вашим глазам, Иван не объяснил, к кому привёл вас. Я трудник. Даром тружусь тут от сибирского монастыря. Вроде как в командировке нахожусь второй год. Крою крышу шифером да заведу инвентарём. Хата свободная, хозяева уехали, потому что полдома разнесло. С Божьей помощью отремонтирую. А духовно окормляюсь, ежели вас интересует, в соборе архистратига Божия Михаила. Ведь чудо: есть в городе полностью разрушенные районы, а в центре – нетронутые храмы стоят. Так и живу. Компанию мне составляет Дружок, понимаем друг друга с полуслова. Правда, Дружок?

Пёс, крутившийся по двору, радостно тявкнул и подбежал к хозяину.

Дед Егор открыл сарай.

– Возьмите багор для начала, – посоветовал Иван. – Завалы на домах разбирать. Удобно растаскивать доски. И верхонки, верхонки берите!

В ответ на непонимающий взгляд Сергея с улыбкой пояснил:

– Это рабочие рукавицы. На Севере, откуда я родом, их верхонками называют. Берите. Если своих нет. Ребята в кровь руки раздирают даже в перчатках.

Обратно шли, выбирая дом. Волонтёры рассредоточились по группам в три человека и приступили к работе. Было по-вечернему светло, никому и в голову не пришло отдыхать после долгой дороги. Наскоро перекусив домашними бутербродами, взялись за дело. Азарт плескался

во взглядах ребят, которыми они обменивались, засучивая рукава курток и ветровок, задом наперёд надевая кепки.

Сергей невольно подумал о своих ленивых интеллигентного вида коллегах по типографскому делу. Тех, бывало, не допросишься стул передвинуть, чтобы не мешался. И всё они чем-то недовольны: зарплатой, начальником, погодой, любовницей или женой. Вечно ворчат, между собой разговаривают через губу, словно забили рот кашей. Втихаря смеются над начальником, который шепелявит и брызгается слюной, когда разговаривает. Оно понятно, неприятно, когда близко стоишь. Однако всем известно, что шепелявит начальник не просто так: у него была травма челюсти. Она плохо закрывается и не даёт произносить некоторые звуки. Марию Петровну за глаза называют обезьяной за то, что женщина любит бананы. А эти – в стоптанных кроссовках, драных джинсах, в хилых курточках и в дырявых перчатках, рады-радешеньки поработать бесплатно. Ещё и спорят, кому первым лезть на крышу, так всем не терпится постучать молотком.

Иван остановился у дома, у которого полностью отсутствовала крыша. С двух сторон торчали балки, между ними зияла пустота. Сам дом, сделанный из красного кирпича, уцелел. Окна были затянуты полиэтиленом. Во дворе валялись остатки шифера, дерева и брезента. Неподдалёку виднелся деревянный домишко в одно окно – летняя кухня. Оттуда слышался

шум. Волонтёр, тот самый мрачный мужчина, вытаскивал из гаража длинную расшатанную лестницу, чтобы залезть на крышу, и при этом что-то резко выговаривал блогеру Степану, бывшему поблизости и державшему наготове камеру в руках. Видимо, просил не фотографировать. С недовольным видом Степан убрал камеру за спину и пошёл искать хозяев. Ими оказались мужчина в кепке со сломанным козырьком и женщина в сером платке. Они с подозрением смотрели на волонтёров. Из дома выбежали дети: три девочки и два мальчика. Они прижались к взрослым и со страхом уставились на незнакомцев.

– Доброго вечера вам, хозяева, – сказал Иван. – Ваша заявка о ремонте крыши принята и одобрена. Встречайте ещё одного работника. – И повернулся к Сергею: – Вы здесь, будете третьим. Если какие вопросы, обращайтесь, я тут – на участке.

Иван ушёл.

На вопрос Степана, есть ли поблизости колонка, женщина хмуро ответила:

– Нету, разбомбили...

Чувствуя, куда клонится разговор, Сергей поспешил вмешаться:

– Давайте познакомимся, – приветливо улыбнулся. – Меня звать Сергеем, я буду разнорабочим на подхвате вот у этих товарищей. – и кивнул мрачному мужчине, жестом предлагая присоединиться к разговору. Тот бросил лестницу, подошёл ближе.

– Ну... Жора я. По профессии кровельщик. Будьте спокойны, крышу покроем как надо. Ни капли дождя не просочится.

– А я, вообще-то, маляр-штукатур. Работаю на стройке, но основной мой заработок – в Интернете. Веду блог, – охотно сообщил Степан.

– О чём? – поинтересовался Сергей, видя, что хозяева потеплели лицами.

– Обо всём. О жизни. Могу о вас рассказать своим подписчикам. Вот сфотографирую только...

И принялся открывать фотоаппарат.

– Погодь, погодь! – враждебно отозвался мужчина. – Нам не до финтифлюшек. Нам бы с нашим горем справиться. Крыша – это, конечно, гарно, хорошо, детям нужно тепло. Но тут другое...

Он отвернулся и вытер глаза.

– Хлопцы, – вмешалась в разговор женщина. – Работайте, мешать не будем. На нас, стариков, внимания не обращайтесь. Меня звать Нина, а мужа Василём кличут. Дуже важко нам, горе у нас. Сын на фронте погиб, а невестка прямо здесь, во дворе. Снаряд врезался в крышу, а её осколком... Остались внуки...

Она, как и муж, говорила на русском, но с сильным акцентом, выдававшим в них жителей Украины. Нина обняла ребятишек.

– Почему не эвакуировались? – спросил Степан.

– Обстрел города начался так внезапно. Хотели бежать. Кинулись – а в какую сторону?

В нашу – азовцы не пускают. Грозятся убить. В вашу – страшно. Куда было деваться? Притаились... Внуки живы, слава Богу... А воду мы носим из колодца через два квартала. Чудом уцелел. Если вёдра будут нужны, берите, не стесняйтесь. Чайку вскипятить заходите, электричество есть, – и обратилась к внукам:

– Пошли в дом, пострелята.

Она подтолкнула детей к двери:

– Незачем паяться, нехай работают, не мешайте.

Хозяева ушли.

– Ну, командуйте, – обратился Сергей к Жоре. – Готов к выполнению заданий!

VIII.

В последующие три вечера Сергей едва добирался до кровати. Работали с семи утра и до девяти вечера с коротким перерывом на обед. Отвыкший от физического труда, он комом валился на кровать и моментально засыпал. Правда, после того, как по привычке падать на мягкий домашний матрас, упал на деревянную, покрытую тонким одеялом раскладушку и отбил себе бока, стал ложиться с большей осторожностью. Поспав часок, вставал и шёл ужинать. Так многие делали, потому что усталость оказывалась сильнее голода. Но через четыре дня все привыкли к нагрузке и вечерами подолгу разговаривали, покуривая и попивая чай. Спать, конечно, хотелось, но больше, чем спать, хотелось пообщаться.

Воодушевлённые общим трудом, ребята долго не могли утомониться.

Каждый осознавал значимость личного труда и видел его конкретные результаты. Тихая гордость от своей нужности светилась в глазах, но никто ни единым словом не выдавал гордости, а только особенно энергично, громко и радостно рассказывал о том, что «сегодня чуть не навернулся с крыши, да друган удержал», о том, что «вместе с Петром положили и закрепили пять листов шифера и успели поменять одну оконную раму», что «дома ждёт невеста. Она была против, чтобы я ехал, теперь шлёт сердечные СМС-ки». И много ещё о чём говорят волонтёры, но никогда – о войне, последствия которой им пришлось увидеть.

– А что, если нам встретиться где-нибудь вместе? После этой командировки? – как-то спросил Виктор, студент политехнического института.

Сессия была в разгаре, но он отпросился в деканате, сказав, что не может думать об учёбе, когда людям в Мариуполе негде приткнуться голову. Его отпустили с условием, что по приезду он через два дня сдаст то, что пропустит в учёбе. Теперь Виктор, у которого разыгрались волонтёрские аппетиты, мечтал снова сюда приехать.

– Съехаться куда-нибудь проблематично, – возразил ему Евгений, айтишник из банка. – Мы же из разных городов. Но можем встретиться здесь, ты прав, Виктор.

Сергей смотрел на ребят, слушал их разговоры, овеванные романтикой коллективного труда,

и удивлялся тому, что всё это исходит от молодёжи, не знавшей социалистического воспитания. «Но странное дело, – снова думал он, имея в виду своих типографских коллег, – у нас никто никогда не разговаривает друг с другом, тем более, не делится сокровенным. А тут усталые, полуголодные парни готовы сидеть ночь напролёт лишь бы послушать друг друга и поделиться тем, сколько успели сделать за день!

В разговорах не принимал участие только Жора. После смены он быстро ужинал и ложился спать. Просыпался раньше всех и делал несколько кругов вокруг жилого комплекса. Теперь здесь был целый палаточный городок. Приехали две команды волонтёров из Москвы – все в одинаковой форме: в красных толстовках и синих кепках – молодые, от двадцати до тридцати лет, задорные, шумные. Раскинули палатки, какие используют в передвижных госпиталях, и кинулись работать. Тут Жора и бегал.

– Зачем? – спросил его Сергей. – Неужели работы мало?

– Бег, как и работа, – только работа и бег! – здорово отвлекает от мыслей.

Сон в эту связку не попал, из чего Сергей сделал вывод, что Жора только делает вид, что спит. На самом деле о чём-то думает. И чтобы спастись от дум, бегают с утра пораньше, а потом вкалывают на крышах за двоих. Но лезть с расспросами не стал, подозревая в напарнике те же проблемы, что и у него самого: СВО, дети, семья.

IX.

Как-то, уже совсем перед сном, Сергей вышел из палатки дыхнуть свежего воздуха. У входа на скамейке, наспех сколоченной из остатков стро-пил, сидел Иван. Сергей пристроился рядом.

– Пройдут два дня и надо уезжать, – с чув-ством сожаления произнёс Иван. – Через месяц вернусь с новой группой. Это будет пятая за пол-года. Ребята, я слышал, многие хотят ещё раз при-ехать. Хотя и недолго вместе были, а расставать-ся грустно. Тут быстро привыкаешь друг к другу. Сближение происходит стремительно, потому что в экстремальных условиях человек раскры-вается моментально. И, как правило, сюда едут люди, имеющие нечто общее в характере, в душе. А именно – потребность сделать добро. Имеющие отзывчивость, неравнодушные. До поездки сюда я не знал современную молодёжь. Считал, что это сплошь циники и эгоисты. Однако посмотрите, что они творят! Какими темпами, боясь, что не успеют доделать, работают!

– Да, здесь работа – огонь! Искры летят не от сварки, а от скорости движений, от взглядов! Не устали? Не надоело? – спросил Сергей. – Как дома к этому относятся. У меня жена расстрои-лась: я нарушил совместные планы.

– Устал, конечно. Возраст сказывается. Но усталость – дело преходящее. Это же не то же самое, что сидеть в окопах и стрелять из орудий. Я-то знаю, когда конец поездки, а кто воюет? День за днём, ночь за ночью – одни залпы. Как в Отечественную – никто не знал, когда войне

конец, но все шли к победе день за днём. А насчёт «надоело»... Нет, не надоело. Как может надо-есть то, что подпитывает тебя энергией и придаёт смысл жизни? Поверите ли, уеду, несколько дней побуду дома и назад тянет, к живой работе. Здесь же – жизнь! Вот ведь парадокс, чем труднее, тем человек более цепляется за неё. Её истоки – от Бога. А уж о её предназначении вовсе не задумываемся. Жизнь – чудо. Люди требуют от Бога чудес, а того не понимают, что сами они и есть проявление чуда.

– Ребята, те, кто сидят за нашей спиной в палатке, это поняли. Им выпало узнать, насколько хрупка жизнь. А те, кто на передовой, те пони-мают ценность одной минуты, в отличие от сидя-щих в офисах и танцующих на сценах. Тем жизнь кажется бесконечной сказкой. Всё относительно, но мало кто хочет видеть относительность, кото-рая не в их пользу.

Иван накинул на себя куртку, лежавшую на скамейке. Стало ощутимо холоднее, а из палатки тянуло жаром: труба исправно подавала тепло. Ночами иногда было невыносимо душно, Сергей просыпался с головной болью. Пробовали отклю-чать подачу воздуха, но в таком случае не хвата-ло одеял, чтобы согреться. Из палатки доносился шум разговора. Иван на секунду прислушался и продолжил:

– Мы, наше общество, долго находились в спячке. Страшно и непонятно одно, почему, что-бы очнуться от неё, надо произойти такому явле-нию, как СВО? Не думали об этом?

– Как не думать? Вы имеете в виду, почему в мирное время человек так не ценит жизнь, как это бывает в военное время? Мне думается, наоборот. В войну человек жертвует собой, если имеет идею или веру в душе. Когда этого нет, умирать тяжело. Во всяком случае, выходцам из СССР понятны Божьи заповеди. Они воспитаны на подобном. А нынешняя молодёжь воспитывается на необходимости любить себя и ставить свои интересы превыше общественных.

– Да, так и есть. Гляжу на тридцатилетних и мне их жалко. Вот почему, спрашивается, в военное время, затем в послевоенное полуголодное и – дальше, когда поднимал советский народ страну из разрухи, были силы вырваться в космос, строить гидроэлектростанции? На строительство одних ГРЭС и атомных электростанций, – мне ли, атомщику, об этом не знать! – требовалось десятки, сотни строительных профессий. Такие люди находились, станции возводились в кратчайшие сроки, и страна жила! Возможно ли такое сейчас? Эх, да что там говорить...

– Вы спрашиваете, возможно ли? – оживился Сергей. Он встал, чтобы лучше видеть лицо Ивана, освещаемое тонкой полоской света, идущей из палатки. – Разумеется, возможно! Но для этого нужна мотивация. Люди должны быть мотивированы или на скорый коммунизм, как это было при советской власти, или на высокие зарплаты, или высокую идею служения родине, Богу. В людях это надо воспитывать с детства. С детства давать

высокие ориентиры, к которым нужно тянуться, а не заботиться только о том, чтобы набить брюхо.

Иван тоже встал. Теперь они стояли напротив друг друга и в этот непривычно тихий, без отголосков далёких выстрелов и запаха гари вечер чувствовали себя братьями. Если не братьями, то близкими людьми. Оба ощущали странность этого чувства, ибо кто они друг другу? Случайные люди, и только разговор, совсем не случайный, роднил их. Так бывает: иная минута подарит больше, чем вся жизнь. Что и произошло. Вдруг обнаруженное единство взглядов и полное взаимопонимание немного смущало своей неожиданной очевидностью. Желая это скрыть, Иван кашлянул:

– Да... Каждому поколению достаётся своё... Вот и наши ребята, кто воюет. А эти, что в палатке... Они ведь ничем не мотивированы, но, однако, пришли помогать несчастным. По зову души, как это ни высокопарно звучит. Значит, сохраняется в русском народе ядро, которое удерживает общество в равновесии, которое, как ядро в Ваньке-встаньке, не даёт завалиться набок и разбиться, пропасть. Мало их, но... Пойдёмте, пойдёмте!

Х.

Иван и Сергей вошли в палатку, которая освещалась тусклой лампочкой под невысоким потолком. Было жарко и душно. Все были раздеты, некоторые до трусов. Прямо под лампочкой, в жёлтом кругу электрического света, на полу сидел

Степан, красный, взволнованный, он перебирал какие-то вещи. Стоявшие вокруг него волонтеры возмущенно гудели.

– Глянь, взводный, – так ребята обращались к Ивану, – сколько блогер наворовал!

– Не воровал я, всё это валялось... Просто подобрал... – пытался оправдаться Степан, но по его потрёпанному виду и виноватым глазам можно было догадаться, что ему уже досталось от парней.

– Что это? – Иван с Сергеем шагнули под лампочку.

На полу лежало несколько книг на украинском языке с портретами нацистов на обложках, шевроны, трезубцы, значки и медали.

– Где взял? – нахмурился Иван.

– В разбитой школе. Там, видать, азовцы сидели. Много чего валяется. Стены исписаны призывами убивать москалей. Я выбрал немного... Буду подписчикам показывать. Взял как доказательство, что есть фашизм на Украине. Некоторые до сих пор сомневаются.

– Ты и на завод ходил? – Иван с брезгливостью взял двумя пальцами чёрную нашивку. – Вот за этим? Но у нас, вроде, другой договор был? Забыл про инструкцию, с которой ты согласился и, как и все, подписал?

– Не забыл, – набычился Степан. – А что тут криминального? У нас что, военная дисциплина? Я кому-то обязан отчитываться? Пусть люди видят, что нацисты сделали.

– Ага, «пусть люди видят», – передразнил блогера студент, – а тебе пусть денежка капает. Хорошо устроился – зарабатывать на войне.

– Твоё какое дело? – огрызнулся Степан.

– Да, конечно, нам никакого дела до тебя нет, – возвысил голос Иван. – Что ты? Тут ведь каждый сам по себе! И до твоего блога нет дела. И, да, криминала тут нет. Ну, подобрал и подобрал. И даже показать людям – тоже надо, чтобы знали. Но! Ты прав, тут не армия. С одной стороны! Но с другой, – больше, чем армия! Потому что армия всё-таки воюет, а мы – мирноосцы. И мы договаривались, что с рабочего участка и с места проживания – ни ногой! Выходит, бросал рабочее место и гулял неизвестно где? А там – мины. Случись что, кто виноват? И это бы ладно, твоя дурь в конце концов. Но за тобой другие попрутся! Зачем тогда это всё? На нас местные смотрят. Как это никто не заметил, что ты с рабочего места слинял?

Иван обернулся к Сергею.

– Всегда на месте был, – недоумевал Сергей. Он чувствовал себя неловко, хоть и не был ни в чём виноват. – Я ведь часто ездил за шифером...

– Я – во время обеда... И да, когда Сергея не было. Дядь Жора вечно молчит, ему не до меня, вот я и уходил, – признался Степан.

– Шустёр же ты! – снова влез в разговор студент.

– Пусть катится отсюда! – крикнул айтишник.

– Прокатиться он всегда успеет, – возразил Иван и ткнул Степана в плечо: – Утром сходишь в гуманитарный центр, сдашь там всё для будущего музея. Понятно?! Повторяю – завтра весь этот нацистский хлам отнесешь в музей!

Недовольно ворча себе под нос, Степан собрал вещи и ушёл в свой угол. Утром, когда проснулись, блогера на месте не было.

– Неужели, сволочь, сбежал? – удивился айтишник.

– Может, всё-таки пошёл в центр? – предположил Иван.

– Посмотрим, взводный, посмотрим.

После обеда о блогере, чуждом и затаенном человеке, больше не вспоминали, тем более, что потихоньку стали готовиться к отъезду. Все знали, что на вторую смену остаётся только Сергей, и смотрели на него как на подвижника: семь дней без душа и других цивилизных условий с непривычки напрягали. А Сергей был доволен. За физической нагрузкой немного отлегло от сердца. Временами ловил себя на том, что не думает ни про Марусю, ни про Мишку.

Маруся один раз позвонила, сказала, что получила от сына несколько СМС: жив-здоров, просил передать бельё и конфет. Узнав, что отец ушёл волонтером, прислал смайлик в виде поднятого вверх большого пальца, о чём Маруся грустно сообщила мужу. «Негусто», – усмехнулся Сергей, но и на том спасибо. У них было заведено, что с сыном переписывалась Маруся. У Сергея не скла-

дывалось и телефонное общение с Михаилом. Оба ощущали некоторую скованность и по мелочам раздражались друг на друга. Сергей с трудом удерживался, чтобы не воспитывать сына, тот это чувствовал и замолкал. Так что все новости Сергей узнавал через жену.

XI.

На работе, как оказалось, все очень ждали Сергея. Он даже удивился тому, как обрадовались ребята при его появлении. Посыпались вопросы. Сергей не успевал отвечать.

– Погодите, погодите! Не хором!

– Да, дайте Сергею Фёдоровичу осмотреться после отпуска, закружили голову человеку, – озаботилась Мария Петровна.

– Если бы это был обычный отпуск, мы бы и глазом в сторону Сергея Фёдоровича не моргнули, – заметила Валечка, верстальщица. – Это же волонтерство!

С нажимом произнесла редкое в употреблении слово, широко раскрыв глаза.

– Может быть, я тоже захочу туда? – она с ожиданием смотрела на Сергея. – Берут туда женщин?

– Не видел.

– Но кто-то же вам должен готовить еду? – настаивала Валечка, а Мария Петровна согласно кивала. – Принимать заявки, выдавать квитанции. Я слышала, что девушки уже едут. Чтобы

улучшить вашу производительность, чтобы вам не отвлекаться на приготовление пищи.

– Расскажите, Сергей Фёдорович!

– Давайте после работы? – предложил Сергей. – А то мы дневной план запорем, и будут у нас проблемы.

Он взглянул на Марию Петровну. Она казалась более смелой и не покраснела, когда поймала взгляд Сергея. Возможно, увидела в нём человека не просто гораздо её старше, что всегда её смущало, а всеобщего друга, которому можно доверять. В конце рабочего дня она как всегда пробежалась по цехам. Каблучки её туфель цокали бодро и радостно. Она никого не подгоняла, но шептала:

– Все остаёмся на встречу с волонтером. Я приготовила торт и цветы. Вручим, поздравим, поговорим. Закругляйтесь, ребятки. И Афанасий Владиславович будет. Он сказал, что на время оторвётся от директорства и спустится к нам в цех.

Действительно, по окончании работы никто не разошёлся. Разговор получился длинным. Сергей впервые видел своих коллег такими: с открытыми лицами и заинтересованными взглядами. Было ощущение, что он никого не знал и со всеми знакомился заново. «Не может быть, – мелькнула мысль, – чтобы это были те же люди! Выходит, я возводил напраслину на них, полагая, что все они пофигисты, равнодушные к обществу люди. Внешне – да, но – какая пылкость сердца! Молодым не хватает романтики. Каждое поколение

ищет её в новых обстоятельствах. Эти, кажется, увидели её в волонтерстве».

Засиделись допоздна и расходились неохотно.

А наавтра была Пасха. В доме, как когда-то в детстве, пахло сдобой. Маруся с утра пораньше, при зажжённом свете, возилась на кухне. До Сергея долетал стук вилок, тарелок. Маруся накрывала на стол. Подал сигнал телефон. Сергей глянул в Вацап. Пришло сообщение от Мишки: «Батя! Христос воскрес!» Секунду помедлив, сглотнув ком в горле, Сергей ответил: «Воистину воскрес, сынок!»

СЕСТРА СОЛДАТА

1

Постоянно ты, брат, мне
снишься...
Ты – бесстрашен во снах,
бессмертен.
К рубежу огневому мчишься...
Солнце ярче и ярче светит...

А потом – ослепление взрыва!
И от страха я просыпаюсь.
И смотрю я в окно
безотрывно,
Километры к тебе считая...

Я завидую всем дорогам,
Ведь они тебя провожают!
Они видят тебя – живого,
Каждый шаг твой отважный
знают!

Просыпаюсь я с тихим
плачем...
Всё тревожней душе к
рассвету.
Пусть хранит тебя бог и удача,
Пусть заря принесет нам
победу!

**Алена
РЕЙМАН**

Поэзия

2

Взгрустнулось мне сегодня, брат.
Я – здесь, в тепле, а ты – в окопах.
Ты тишине минутной рад,
Пока я в будничных заботах.

Ты там, где смерчи и война,
Ты бьёшься праведно и свято!
Ты – брат мой. С нами – вся страна.
Я заодно с тобой – в солдатах.

Иного нет у нас пути,
В такое время каждый – воин.
Но ты, герой мой, впереди!
Ты званья этого достоин.

Благодарю за то, родной,
Что не летят в наш дом снаряды.
Ещё – за счастье быть сестрой
Простого русского солдата!

3

Затишье на передовой.
Взгляд бросишь в небо из окопа:
Друзья погибли, ты – живой.
Но не вини себя до гроба.

Пускай Господь тебя хранит
Во всяком дне на поле боя!
Живых и мёртвых наградит
Священным званием героя.

Солдат без веры – не солдат.
У Бога промысел – особый.
Кто верой в нашу Русь богат,
Тот победить и смерть способен!

Я люблю возвращаться домой,
Где простор и нельзя надыхаться
Тонким запахом трав и акаций,
Где всегда благодатный покой.

Я люблю возвращаться домой
После долгой и грустной разлуки.
Я люблю, когда мамины руки
Пахнут так же, как сад наш весной.

Я хочу быть всегда здесь родной...
Знать, куда мне опять возвратиться.
Как и все перелётные птицы,
Я стремлюсь всей душою домой!

... И богатств на земле не каплю:
Есть свой дом и поля, и дорога...
Что просить мне у щедрого Бога?
Всё, что есть, я всем сердцем люблю!

Всё медлит поезд отходящий
И, как в кино,
Прощаясь, мы глядим иначе –
Через окно.

Нас давит мир немою грустью
Со всех сторон,
Снега штрихуют густо-густо
Ночной перрон.
Проходят люди торопливо,
Не видя нас.
А мы как будто у обрыва
В предсмертный час...
Глаза не в силах отвести –
О, сколько мук!
И никому нас не спасти
От всех разлук...

Слава Богу, что я не знавала войны,
Что любимых в бою не теряла.
Не видала в пожарах и ранах страны,
Разве только – в кино и журналах.

Фронтовые стихи из потрёпанных книг
Всех учебников сердцу дороже.
Тот, кто их написал, жизни тайны
постиг,
Хоть на свете немного он прожил.

Я теперь перед ним в неоплатном долгу,
Годы-птицы промчались – мгновенно.
Я не знала войны, потому берегу
Строчку каждую в сердце нетленно!

ЗАКОВАННЫЙ В ГОРАХ

Повесть

1

Черный внедорожник, нарушив сонную тишину полуденного леса, выскочил из-за поворота. Следом, подпрыгивая и раскачиваясь на ухабах, неслась старенькая «Нива», оставляя за собой широкий хвост дорожной пыли. Подминая траву, автомобили преодолели небольшой взгорок и, въехав во двор старой двухэтажной постройки из силикатного кирпича, резко остановились перед широким, с бетонными колоннами подъездом, заставив тормозами.

Потрявоженный шумом двигателей, Игорь вздрогнул, с трудом разлепил тяжелые, словно чутунные, веки. Взгляд

**Валерий
БРОДОВСКИЙ**

Проза

упал на цепь, стальной змейкой свернувшуюся у края дощатого настила, поверх которого он возлежал на толстом ватном матрасе.

Зима давно уступила календарное время весне, но с вершин окрестных гор, местами все еще укрытых снежным покрывалом, веяло прохладой. Сырой ветер, влетев в приоткрытую форточку, пружинисто ударился о стенку, словно играючи подхватил с пола залежавшуюся там с осени сопревшую листву и закружил ее в беззвучном танце. Почти в тот же миг снизу донесся скрип иссохшей, разбитой ветрами и провисшей от времени входной двери. По ступенькам ритмично, будто стрелка часов отбивала секунды, гулко застучали тяжелые шаги.словно испугавшись их, ветерок порывисто скользнул обратно к окну, прочертив на полу дорожку из осенней падалицы.

Игорь нехотя стянул с плеча одеяло и медленно повернулся к двери. Даже небольшое движение вызывало во всем теле боль. Суставы ломило, точно они были наполнены битым в крошку стеклом. Сильнее всего беспокоила левая нога, цепью пристегнутая к торчащей из стены старой водопроводной трубе. Он попытался сесть, но сил хватило лишь подпереть рукой голову. Горькая усмешка скривила рот: «Черт, еще и четверть века не прожил, а уже разваливаюсь»...

В эту глухую горную местность, куда, очевидно, редко заходили даже лесники, его привезли два дня назад, схватив поздним вечером прямо на одной из окраинных улиц Ставрополя. Злоумышленников было двое. Заклеив широким

скотчем рот, чтобы своими криками не привлекал внимания случайных прохожих, они стянули ему руки и ноги и, бросив на заднее сиденье джипа, направили автомобиль в сторону Карачаево-Черкесии. Действовали похитители слаженно и быстро. По всему было видно, что заранее готовились к этой акции. Лишь когда выехали на трассу, сидевший справа от водителя мужчина обернулся и сорвал с его губ липкую ленту, давая возможность свободнее дышать.

Несмотря на полумрак салона, Игорь успел разглядеть его лицо. Этого человека он видел впервые и вначале сильно испугался, посчитав, что попал в руки конкурентов. Он не понаслышке знал, что в том «бизнесе», в котором ему приходилось крутиться, царили весьма жестокие правила. Немного отдышавшись, Игорь передвинулся чуть в сторону, чтобы лучше рассмотреть сидевшего за рулем. Узнав его в профиль, он облегченно вздохнул. Этот мужчина к его «бизнесу» никакого отношения не имел.

– Ты?! Неожиданно! И что все это значит? Немедленно отпусти, чтобы потом не пожалеть!

Ответа не последовало. Потеряв терпение, он изловчился и с силой пнул стянутыми скотчем ногами спинку водительского сиденья, продолжая осыпать угрозами. Однако попытка запугать успехом не увенчалась. Злоумышленники упорно продолжали молчать.

Происходящее казалось ему чем-то нереальным, чудовищным сном. Сорвав голос, Игорь наконец затих. Всю оставшуюся долгую дорогу

и затем здесь, куда его привезли, никто из похитителей так с ним и не заговорил. Даже между собой мужчины почти не общались, ограничиваясь редкими скупыми фразами. Приковав пленника к трубе, они тотчас удалились. И теперь, спустя двое суток, он напряженно ожидал встречи. В душе, вместе с надеждой, что скоро весь этот спектакль закончится и его, конечно же, немедленно отвезут обратно в Ставрополь, росло и негодование: «Я что им дикое животное, чтобы на цепи держать?»

Игорь чувствовал себя совершенно разбитым. Но облегчить свое состояние он мог только в городе. Только там было средство для его скорейшего восстановления. Главное сейчас – вырваться из этой треклятой дыры.

2

Подъем на второй этаж пятидесятилетнему Борису Силкову давался с трудом. Чем выше он поднимался по выщербленным от времени ступенькам, тем сильнее колотилось сердце. Казалось, еще немного и оно вырвется, выпорхнет из груди, как испуганный воробей. Борис почувствовал в ногах слабость, но виной тому были отнюдь не тяжелые баулы, которые нес. Он знал: наверху его появления ждут. В голове одна за другой рождались фразы, с которых ему следовало начать непростой разговор. Важно было не ошибиться, правильно подобрать тон и то, самое первое слово, с которого и начнется их диалог.

Поднявшись на площадку перед помещением, в котором содержался пленник, Сиров остановился, чтобы перевести дух и окончательно собраться с мыслями. Прислонившись плечом к стене с осыпавшейся штукатуркой, он взглянул в окно, расположенное на лестничном марше. Сквозь полуистлевший деревянный скелет рамы, на котором каким-то чудом еще держались несколько стекол, далеко вперед просматривались горы с раскинувшимся на их склонах сосновым лесом. Его молодая поросль, подступив вплотную к корпусам бывшего санатория, почти полностью скрывала развалины старой кочегарки, стоявшей чуть в стороне.

Когда-то в этом месте проходили реабилитацию пациенты, переболевшие туберкулезом. Чистый горный воздух, густо напоенный ароматом хвои, и кобылье молоко, доставляемое из долины, где располагался большой конезавод, способствовали скорейшему восстановлению сил. С закатом советской эпохи сначала закрылся конезавод, питомцев которого новые хозяева быстро распродали по бросовой цене, а землю в живописной долине, разбив на участки, пустили под индивидуальное жилищное строительство. Вскоре перестал существовать и санаторий. Разграбленные жителями окрестных сел, пустующие корпуса быстро обветшали. Заглохла, затянулась травой и ведущая сюда лесная дорога, некогда укатанная толстым слоем щебня. И сейчас уже мало кто помнил об этом заповедном уголке природы Северного Кавказа.

Борис отвел взгляд от солнечного диска, цеплявшегося за вершины гор. В голове по-прежнему тяжело ворочались мысли. Наконец он толкнул ногой чудом сохранившуюся целую дверь и решительно шагнул вперед. В нос тотчас ударил тяжелый, зловонный запах испражнений. Заглянув в немигающие, выпученные глаза парня и убедившись, что с ним все в порядке, Борис, не произнеся ни слова, прошел к дальней от входа стене, опустил на пол тяжелые сумки, скинул с плеч рюкзак. В небольшом помещении, бывшем номере санатория, из мебели сохранились лишь колченогий столик с нетронутыми продуктами, оставленными им в прошлый раз, да стул со сломанной спинкой.

Опустошающее чувство бессилия охватило Бориса. В горле пересохло. Все заранее продуманные фразы куда-то исчезли, выветрились из головы. Наконец он, с трудом отлепив язык от нёба, заговорил сиплым, простуженным голосом:

– Что, еда не нравится? Или голодовку решил объявить? Ах, да! – Он ухмыльнулся. – Ты же наркотой питаешься!

Игорь с трудом преодолел желание ответить колкостью на колкость. От его внимательного взгляда не ускользнуло, как за то время, что они не виделись, – если не считать ночную встречу два дня назад, – сильно осунулось лицо мужчины да прибавилось седых волос. В глубоко ввалившихся в орбиту глазах, – когда-то они светились жизнерадостным огоньком, – теперь поселилась безграничная тоска. Игорь вдруг осознал, что

отчасти в этом был повинен и он, и на мгновение ощутил сострадание к своему похитителю. Но уже в следующую секунду наружу диким воплем выплеснулась накопившаяся за последние дни озлобленность:

– Какого черта ты держишь меня здесь на привязи, как собаку?

Дыша во всю хрипящую грудь, он начал угрожать похитителям полицией и судом.

– Суд?! – Борис смерил пленника полным презрения взглядом. – О каком суде ты лопочешь, ничтожество? Это я буду тебя судить!

С большим трудом пересиливая боль во всем теле, Игорь поднялся на ноги, ожесточенно загремел цепью, в который раз безуспешно пытаясь вырвать ее из стены:

– Да-а?! И за что, не скажешь? За что судить?

Тощей грудью он попытался навалиться на остановившегося напротив Бориса, но тот легким толчком отправил его обратно на пол.

– За все! За смерть Светланы, за гибель Володи. Это ведь ты их свел в могилу. Вот теперь и ответишь за все, мразота!

Последнюю фразу Борис произнес жестко, не оставляя никаких сомнений: отвечать придется.

Слова эти больнее пощечины хлестнули Игоря. Поймав на себе испепеляющий взгляд мужчины, он привстал на четвереньки и, сдерживаемый цепью, зарычал, словно одержимый бесом:

– Хы-ы! Хы-ы! Что ты несешь? Ну, что ты несешь?! – Он был напуган. Стараясь не показывать, как леденящий душу страх овладевает им,

Игорь махнул рукой, словно надоедливую муху отгонял. – Тоже мне, судья нашелся.

Разлившаяся по телу боль становилась невыносимой. По-прежнему стоя на четвереньках, Игорь, точно молодой бычок, боднул пару раз головой воздух, после чего упал на бок и громко застонал, пытаясь вызвать сочувствие:

– Врача мне, врача!..

Но Борис Силев эту его хитрость разгадал и с презрением взирал сверху на распростертое перед ним тело.

Поняв, что своим жалким видом ожидаемого результата не достиг, Игорь сел, сведя ноги.

– А где второй? – Гадкая ухмылка скользнула по его лицу. – Вас же двое было! Что, тоже хочет на зону? Вместе будете парашу нюхать?

Борис крепче сжал челюсти. Пальцы на руках произвольно сжались в кулаки.

Перехватив его тяжелый, осуждающий взгляд, Игорь, словно устыдившись своих слов, вновь заскулил:

– Бред, бред! Никого я не убивал! Зачем ты так со мной? Вовка сам выпал из окна. Меня, если хочешь знать, в тот день вообще в городе не было. Ой, плохо мне, плохо!.. Болен я!.. Мне к врачу... срочно...

Взгляд Бориса немного потеплел:

– Поздно просить сахар, когда чай уже весь выпит!

Подхватив ведро, в которое пленник справлял нужду, он двинулся к выходу.

– Бросаешь меня, да? – донеслось жалкое всхлипывание вслед.

3

Силов спустился во двор и знакомым маршрутом запетлял между молодых сосен, озаренных холодным апрельским солнцем, к бежавшему неподалеку ручью. Две недели назад он уже бывал здесь вместе с Павлом Игнатовым, который и познакомил с этими местами.

Тщательно ополоснув в роднике помойное ведро, Борис отставил его в сторону и присел на небольшой валун. Тихое журчание талой, с горных ледников воды, мягко перекатывавшейся по камешкам, мысленно унесло его в прошлое, где он был счастлив как супруг и отец...

– Ну, что, поговорили? – вывел его из задумчивости Игнатов, неслышно подойдя сзади.

Борис неопределенно повел плечом, с грустью в голосе ответил:

– Кажется, я совсем не умею разговаривать с молодежью. – Повернувшись лицом, он просительно заглянул в его глаза: – Слушай, Павел, а может, ты с ним поговоришь? Опыт-то у тебя в этом деле имеется.

Игнатов присел на соседний валун, зацепил взглядом маленькую, с кривым стволом сосну, прижившуюся на камнях в зеленой шерстке мха.

– Э, нет, дружище, это твое личное дело, – отмахнулся он. – Разве что совет могу дать: чем жестче поведешь себя сейчас, тем лучше потом.

А что касается моего опыта... – Зачерпнув ладонью студеной воды, Павел пролил ее на лысеющую голову и стал растирать пятерней, будто бальзам целебный наносил. – Да какой там, к черту, опыт?! Просто, когда однажды в мой дом постучалась беда, поневоле пришлось самому взять судьбу за горло.

– И у тебя все получилось.

– Да, кажется, получилось. Мне тогда некоторые из знакомых говорили: «Смирись. Видать, карма у тебя такая – страдать». Глупые людишки! Чего только не начитаются, чтобы потом «особыми знаниями» щеголять, поучая всех налево и направо. Многие ведь думают, что карма – это судьба. Мол, как начертано на челе, так и случится. Но один буддист, целитель из Тибета, – я встречался с ним в Элисте во время его приезда – пояснил мне, что карма – это действие. Человеку зачастую самому следует приложить некоторое усилие, чтобы изменить ход своей жизни. Впрочем, я тебе об этом уже как-то рассказывал.

– Да, я помню.

Борис знал: несколько лет назад семья Павла столкнулась с серьезной проблемой, и ему пришлось почти в одиночку бороться с ней.

Игнатов вновь зачерпнул сложенными ковшиком ладонями воду и обмыл лицо.

– Ох, подведешь ты меня под монастырь, дружище! – Вздохнул он тяжело. – Я уж думал, что больше никогда не придется вступать в конфликт с законом, но твоя настойчивость...

– Дрейфишь? – безжизненная улыбка коснулась губ Бориса. – Боишься уголовного преследования?

– Боюсь, – честно признался Павел, переведя взгляд на старую сосну, ствол которой был причудливо закручен ветрами. – За такое по головке не погладят. Кому сказать – человека похитили!

– Не переживай, я тебя не выдам. Даже думать забудь об этом.

– Ты, может, и не выдашь, а он? – Игнатов кивнул в сторону здания, где находился пленник. – Ладно, чего уж теперь. Как говорится: назвался груздем – полезай в кузов! Ну, не будем время тянуть. Пора приступать к экзекуции. Пойду, подготовлю все необходимое. – Встав с камня, Павел многозначительно подмигнул Борису: – Пареньку еще та пытка предстоит!

Силов поднялся следом. У площадки, где стояли их автомобили, он протянул Павлу руку:

– Спасибо тебе, док. Сам бы я не справился.

– Потом благодарить будешь, а пока за дело. К сожалению, времени у меня немного. На работе неделю дали. Сказал, что нужно по семейным обстоятельствам.

Знакомы они с Игнатовым были немногим больше месяца, но с самых первых дней общения Бориса не покидало стойкое ощущение, будто они давно вместе, так много общего было в их взглядах на жизнь, в их характерах.

Достав из салона «Нивы» увесистую сумку, Павел отправился к соседнему корпусу, где еще

раньше облюбовал себе место на ближайшие дни. Дождавшись, когда он скроется в дальнем здании, Борис потянул из багажника джипа обернутую в ветошь старую двустволку. Он не хотел, чтобы оружие попало доктору на глаза.

Вернувшись к пленнику, Силов прислонил ружье к стене и подошел к столу, на котором по-прежнему оставались нетронутыми продукты.

– Что ж, это даже к лучшему, – щелкнул он языком. – На пустой желудок тебе будет проще перенести...

Притихший было Игорь закопошился на своем ложе. Вид огнестрельного оружия привел его в смятение.

– Перенести что? – перебил он.

Подвинув стул, Силов сел напротив молодого человека и, тщательно подбирая слова, заговорил, пристально заглядывая в глаза:

– Игорь, выслушай меня внимательно. В этом ружье два заряда. Каждым можно медведя уложить. Один из патронов – твой. Другой я припас для себя. Так что никакой тюрьмы, о которой ты талдычишь, не будет.

Изогнувшись дугой, брови молодого человека поползли вверх.

– Ты с ума сошел? Хочешь сказать, что сможешь выстрелить в меня?

Борис развел руками:

– Ты мне не оставляешь выбора.

– В меня? – Губы парня дрогнули. – В своего сына?

Кровь прилила к вискам Бориса. Он давно готовился произнести эти жестокие, убийственные по своей разрушительной силе слова самому дорогому на свете человеку, прекрасно отдавая себе отчет, что может окончательно испортить их отношения, и без того почти сошедшие на нет. Ему стоило большого труда выдержать длинную паузу, прежде чем снова заговорить глухим, задрожавшим от волнения голосом:

– Ты помнишь, когда мы с твоей матерью впервые уличили тебя в употреблении наркотиков? Тогда это стало страшным ударом для нас. Но мы надеялись, что эта беда не станет вечным спутником нашей семьи, и с матерью делали все, чтобы помочь тебе избавиться от этой пагубной привычки. И поначалу казалось, что справляемся. К сожалению, мы обманулись, и не раз. Нам так и не удалось вытащить тебя из той трясины, куда занесло. А однажды ты пропал. Просто взял и исчез. С тех пор я часто задавался вопросом, почему так произошло. Вскоре погиб твой брат Володя, потом и Светлана ушла, и я возненавидел тебя. Но отцовские чувства оказались сильнее ненависти. Я все еще искал способ, как помочь, вырвать сына из замкнутого круга. А тем временем ты, начинавший как обычный потребитель дурмана, «дорос» до распространителя, втравливая в эту грязь других людей, особенно подростков. А вот это уже за гранью. Ниже пасть некуда. Понимаешь, о чем я? – Голос Бориса с каждой фразой становился тверже, а взгляд пронзительнее. – Вовлекая молодых, ты и тебе подобные

мрази не задумываетесь, что можете разрушить и даже уничтожить чью-то семью, точно так же, как кто-то погубил нашу. Вот я и решил положить этому конец: найти и наказать тебя. Не хочу, чтобы теперь мой сын был виновником чьих-то страданий. Надеюсь, я не сильно опоздал.

Игорь скривился:

– С чего ты взял, что я распространяю наркотику? Что ты вообще знаешь обо мне?..

Борис резким движением руки остановил его:

– Знаю! Мне твои ставропольские дружки-наркоманы многое поведали. Не скрою, было нелегко. Но когда я вышел на них – вцепился мертвой хваткой. Надавил так, что у них языки быстро развязались. Это через них я разыскал тебя.

Речь отца, произносимая с нескрываемой ненавистью, будто плетью стегала Игоря. Поняв, что изворачиваться бессмысленно, он стал суетливо кутаться в одеяло, бормоча в свое оправдание:

– Да я... я... Просто у меня не оставалось денег... долги... Устроиться на работу я не мог. Куда? Подсобным рабочим на стройку, что ли? Так уже и здоровье не то. Вот я и подумал: заработаю немного денег на перевозке и брошу это дело, начну жить по-новому. – Он поднял глаза на отца. – Я брошу, обещаю!

– Обещал уже. Много раз обещал, но так и не бросил. Теперь уже не бросишь, не дадут твои хозяева. Ты, сынок, обречён, только понять этого не можешь, поскольку голова дурью затуманена.

Знаешь, чем для тебя все закончится? Вариантов не так уж много. Рано или поздно ради очередной дозы ты пойдешь на преступление. Это же так просто, правда, – ограбить какую-нибудь слабую, незащищенную старушку или старика? В итоге, или сгниешь в тюрьме, или закончишь бесславно где-нибудь в подворотне от передоза.

Игорь ухмыльнулся, демонстративно зевнул:

– Пап, да ты просто сказочник! Такого напророчил мне! – В душе Сиров-младший признавал правоту отца. Слушая его, невольно устыдился невидимой никому собственной слабости. Игорь понимал: одному ему со своей зависимостью не справиться, но гордыня не позволяла в этом признаваться. – Да не собираюсь я садиться в тюрьму! И помирать не собираюсь!

Борис смолк, наблюдая, как тонкий солнечный лучик, проникший внутрь помещения через окно, уперся в стенку напротив, и по нему заройлись золотые от солнца пылинки.

Нелегко давался ему этот разговор. Истрадавшееся сердце отца отчаянно билось в тесной груди. Руки порывались обнять сына, крепко прижать к груди, как в детстве, когда тот огорчался, сломав очередную игрушку. Для него Игорь оставался все тем же малышом, который, еще не научившись ходить, любил ползать по спине отца. Все тем же Игорьком, немело держащим удочку в их первый поход на рыбалку. Подростком, ликующим после победы в боксерском турнире в школе Олимпийского резерва. Студентом, блестяще сдавшим экзаме-

ны в престижный ВУЗ. Тем сыном, на кого он, Борис Сиров, возлагал большие надежды. Вместе с этим росло и понимание: сейчас перед ним больной, безвольный, погибающий от наркотиков родной человек, которого он обязан спасти, защитить от беды. Но все возможности, казалось, были исчерпаны. Оставалась единственная надежда на Павла Игнатову, доктора, сумевшего вылечить от наркозависимости собственного сына.

Солнце покатилося дальше. Лучик пропал. Вместе с ним исчезли и золотые пылинки. На плечи Бориса опять свалилась свинцовая тяжесть мучительных переживаний. Бросив по-прежнему осуждающий взгляд на Игоря, он снова заговорил.

– У меня на земле никого дороже тебя не осталось. Заводить новую семью и пытаться начать жизнь заново мне уже поздно, да и, признаться, желания нет. Вот и пришло решение: если и в этот раз не сумею вытащить тебя из болота, значит, вместе потонем. Иного выхода не вижу, – повторил он уже однажды сказанное. – Но губить жизни других людей я тебе не позволю.

– Как это – потонем? – Игорь полоснул взглядом из-под бровей. – Хочешь сказать, что и вправду меня убьешь? – Распаясь от собственной озлобленности, он скатился с матраса, больно ударившись головой о бетонный пол. Но не эта боль пронзила, – другая, сердечная, что не оставляет видимых кровоподтеков. – Думаешь, у тебя есть право лишать кого-то жизни? – Нерв-

ная гримаса исказила его лицо. – Решил примерить на себя роль Тараса Бульбы, кончившего собственного сына?

– Хм! Классику вспомнил? Похвально. – Борис удовлетворенно кивнул. – Значит, еще не совсем мозги прохудились.

– А сможешь?

Восприняв эти слова как подстрекательство к действию, Борис выдохнул:

– Даже не сомневайся.

Не в силах выдержать отцовского испепеляющего взгляда, Игорь отвернулся, пробормотал первое, что пришло на ум:

– Мне бы в больницу... полечиться...

– Хватит, лечился уже. И всякий раз после этого клятвенно обещал завязать с наркотиками. Чем все заканчивалось, мы с тобой оба хорошо знаем. Очередной срыв и все сначала. – Борис заметил, как тяжело, с присвистом, задышал Игорь, но продолжал вбивать каждое слово в его сознание, словно гвоздь молотком. – Со мной здесь доктор Игнатов. Он считает, что у тебя есть шанс побороться. Врач поможет очистить твой организм, оздоровить его. Естественно, при условии, что ты этого сам захочешь. Но одного желания будет мало. Необходима еще железная воля и дисциплина. Готов отказаться от наркотиков и вернуться к нормальной жизни?

– К черту врачей! – вновь взорвался Игорь...

С детства он был характером непостоянен: то ласков бывал, то вдруг свирепел ни с чего. Дав-

но привыкший к резким перепадам в настроении сына, Борис не обращал на это внимания.

– Захочу – сам справлюсь! – Сжав кулаки, Игорь потряс ими перед собой, демонстрируя, что еще силен. – Эти доктора травят меня всякой гадостью. Я после их лечения в овощ превращаюсь. – На лбу парня обозначились глубокие, как у старика, морщины, обостряя внутренние переживания. – Говорили: печень сдает, сердце слабеет. Да печень сама может восстанавливаться, я знаю, я читал!

– Ну, так это если перестать ее дальше травить.

Игорь истерично захохотал:

– А знаешь, я не боюсь смерти! Вон, попы говорят, что ее нет и нас всех ждет загробная жизнь. Может, мне там лучше будет, а?

Борис хмуро ожидал, когда сын насладится своей шуткой.

– Ты стал опасен для людей, – напомнил он. – Опасен, как заразная болезнь, от которой не всем есть спасение.

Игорь замолк, скрестил по-татарски ноги и величественно подбоченился, демонстративно показывая, что готов выслушивать и дальше бред отца.

– Чем опасен? В конце концов, это личное дело каждого, употреблять наркотики или нет. Я никого не заставляю.

Борис прикрыл ладонью глаза в темных обводках, с силой потер висок, пытаясь унять нарастающую головную боль.

– Хорошо, я напомним тебе еще кое о чем, – вновь заговорил он. – Когда из нашего дома стали пропадать вещи, мать об этом долго умалчивала, не говорила мне. Догадывалась, конечно, на что идут вырученные тобой за них средства. Затем, когда выносить стало нечего, – ну, не диван же с телевизором, в самом деле! – ты перешел к откровенному шантажу. Стал стращать, что наложишь на себя руки, если она не будет давать денег. Видя, как страдаешь, Светлана, конечно, давала, по-прежнему утаивая от меня. Уже потом, после Володиной смерти, как-то проговорила, что боялась скандалов в семье. В тот день она много чего мне поведала. – Борис опустил голову, не хотел, чтобы сын увидел, как увлажнились его глаза. – Я тогда не понял, что это она перед смертью решила открыться. Вроде как каялась, что ли. Ей бы сразу мне все рассказать, но Светлана была истинной хранительницей семейного покоя...

Вспомнив мать, покончившую с собой, наглотавшись снотворного, Игорь сник.

– Когда я впервые узнал о твоей зависимости, – продолжал Борис, – у нас с ней был тяжелый разговор. Тогда ей удалось меня успокоить, убедить, что сама сумеет выкрутить ситуацию как мать, как педагог. – Силов качнул головой. – Ох, уж эта ее самоуверенность! В общем, я поверил. Она продолжала ваше с братом воспитание, а я продолжал развивать бизнес. Хотел лучшей доли для вас. Не такой, какая досталась мне, подкидыву, отданному в сиротский приют какой-то непутевой

тевой женщиной. Я даже не знаю, кем была моя мать! Может, алкоголичкой или наркоманкой. Разве в здравом уме женщины бросают своих детей? Ненавижу алкоголиков! Ненавижу наркоманов!..

Он никогда не рассказывал о своем детстве близким. На все вопросы жены и детей отвечал односложно: родители погибли в автокатастрофе, когда был еще младенцем. Сейчас же вдруг ощутил неодолимую потребность выговориться. Выплеснуть все, что годами хранил в затаенных глубинах памяти.

Борис встал, подошел к окну и долго всматривался вдаль, на разномастные пики горного хребта. Там, на стылых вершинах, местами затянутых сизым туманом, среди снегов, вряд ли было холоднее, чем в эту минуту в его душе. Он корил себя. Знал бы с самого начала, как изовьется, искрутится жизнь каждого из членов его семьи, действовал бы активнее. Но тогда Борис, действительно, всецело доверился жене.

– Ты говоришь: это личное дело каждого – употреблять наркотики или нет. Ошибаешься, дружок! Непутевая жизнь людей опустившихся, слабовольных часто калечит судьбы их близких. Отсутствие самой обычной материнской или отцовской любви исковеркало жизни многих моих детдомовских товарищей, поселило в них различные комплексы неполноценности. В интернате, где я рос, среди воспитателей не было ни одного выпивающего. Даже дворники и кочегары были непьющие. Руководство постаралось.

Но после того, как нас выпустили, многие мои друзья крепко запили, а кто и в тюрьму попал. Они не сумели найти своего места в свободной от четкого расписания дня жизни. Ведь теперь все решения предстояло принимать самому. Это были хорошие люди, но оказались слабыми, как и ты, не сумевший противостоять злу. Я думаю, это потому, что мы с твоей матерью слишком сильно опекали тебя в детстве. И в этом моя вина, и я ее с себя не снимаю.

– Каждый человек сам решает, как ему жить! – упорствовал Игорь. – Я – не исключение.

Борис обернулся, строго глянул. Он вдруг осознал, что все его откровения оказались напрасны. Очевидно, современным молодым людям неинтересны были прежние истины, успевшие покрыться коростой.

– Ты так ничего и не понял. Но я не буду ждать, когда чей-то сын или дочь станет, как некогда ты, грабить собственных родителей, чтобы хватило на очередную дозу. Этак кто-то и до убийства дойдет.

– Скажешь тоже, убийства! – нервно хихикнул Игорь.

– Ты уже убил, заразив своим примером младшего брата! Разве не от наркоты в итоге погиб Володя? Оба вы и мать до смерти довели. Когда же ты это поймешь?!

Игорь стал растерянно озираться по сторонам, словно искал чьей-то поддержки.

– Разве я заставлял Вовку глотать «колеса»?

– Верно, не заставлял. Этого и не нужно было делать. Ты всегда был для него примером во всем: и когда в школьные годы занимался боксом и заступался за брата перед его обидчиками, и потом, когда студентом стал. Видимо, и тогда, когда впервые закурил. – Борис безнадежно махнул рукой: – Ладно, чего зря воздух волновать! Мне давно ясно: с тобой все разговоры бесполезны. Только Полинку жаль, девушку твою. Бедная, она до последнего верила, что ты сумеешь выкарабкаться.

При упоминании имени бывшей возлюбленной, лицо Игоря дрогнуло.

– Ага, верила, – проронил он с нескрываемой обидой в голосе. – Да она бросила меня!

Борис не стал жалеть сына. Отвернувшись, снова стал вглядываться вдаль, на порыжевшие от солнечного света вершины кавказского хребта. В наступившей тишине было слышно, как неподалеку, шоркаясь о бережки, журчал напоенный весенними водами ручей.

– Я прекрасно ее понимаю! Устала любить, устала ждать, устала бороться за тебя. Так бывает. Девушкам хочется иметь нормальную семью: надежного и заботливого мужа, детишек. А что ты мог дать ей, кроме бесконечных проблем?

– Хм, теперь, небось, другого любит! Все они такие! – с горечью проговорил Игорь.

Борис почувствовал, как стало студено в груди.

– Дурак! – только и вымолвил он. – Дурак.

И снова в комнате воцарилась тишина. За открытым окном все так же продолжал шуметь ручей. Тихо постанывали трущиеся под легкими порывами ветра ветки старого бука, росшего у воды.

Разговор о младшем брате до спазма в горле всколыхнул в Игоре тягостные воспоминания о его гибели. Не сумев сдержать слез, он простонал:

– Я любил Вовку! Когда мама бранилась, он всегда заступался за меня. Уже потом, когда оставались с ним вдвоем, выговаривал, что я бываю с ней груб, что часто не прав. Малой был, но все понимал. – Прикрыв лицо ладонями, Игорь рыдался. – И зачем он только связался с этой шпаной!

– Ты знал его дружков? – Борис напрягся, стараясь не пропустить ни слова.

– Кое-кого. Авторитетом у них Мишка Молотков был, сын доцента из медакадемии. Все знали, что он на «колесах» сидел. – Игорь говорил прерывисто, пытаясь сдерживать волнение. – Никак не пойму, что подвигло Вову с ним связаться?

Глядя, как тряслись его худые, почти детские плечи, Борис и сам с трудом сдержался, чтобы не зареветь белугой.

– Думаю, сменился ориентир, – с досадой произнес он. – Сперва старший брат был для него авторитетом, и это нормально. Потом, когда ты перестал обращать на него внимание, этот самый Мишка стал. Не он, так кто-нибудь другой бы нашелся. Слабые всегда за сильными тянутся.

Игорь утер уголком одеяла слезы:

– Вовчик не был слабаком!

Борис обернулся.

– Допустим, в первый раз Володя попробовал наркоту из чистого любопытства. Решил: раз брат, такой умный, пользуется, почему бы и мне не попробовать. Дальше – больше.

– Знаешь, сколько раз я просил его бросить курить, еще вначале, когда он только кальяном стал увлекаться? Даже поругались как-то, но он меня перестал слушаться.

– Правильно. Я же говорю: в его глазах ты к тому времени уже не был авторитетом, как прежде.

Что-то коротко пробубнив себе в оправдание, Игорь смолк.

– Стоит ли говорить, как потрясла нас со Светланой его гибель? – продолжал Борис. – Если бы ты в этот момент оказался рядом с матерью, поддерживал ее...

Игоря била дрожь.

– Следовательно, который вел дело Володи, полагал, что его падение с окна могло быть случайным. Да и дружки, находившиеся в тот момент рядом, рассказывали, что он, закулив, присел на подоконник и... То ли голова от конопли закружилась, то ли повернулся неловко...

Игорь поднял мокрое от слез лицо:

– Почему же ты меня обвиняешь в его смерти?

По скулам Бориса забежали тяжелые желваки:

– А ты вину с себя не снимай! Виноват, потому как не уследил за братом. Мы все в этом виноваты.

– Как просто у тебя все получается. В смерти матери тоже меня обвиняешь? Она из-за Вовки отравилась.

– От беспомощности! – поправил Силлов сына. – И от отчаяния. От того, что вы не оправдали ее доверия. Педагог, у которого оба сына наркоманы! Что она должна была испытывать? Ты хоть раз об этом подумал?

С глаз Игоря продолжали катиться слезы:

– Как бы я хотел все вернуть, исправить, изменить!..

– Поздно! – в отчаянии махнул рукой Борис и подошел к стене, где стояло ружье. Подхватив его, он решительным шагом направился к выходу. Уже в дверях, остановившись, обернулся, бросил на пол ближе к ногам сына ключ от замка. Сказал жестко, словно острой саблей рубанул: – Того, что случилось, нам уже не исправить. Жду тебя внизу.

4

Силлов не помнил, как сбежал по ступенькам во двор. В ушах все еще слышался крик сына, бросившего ему вслед: «Прости!» Такое простое и вместе с тем столь важное для отца слово! Не всякий человек в этом возрасте способен произнести его вслух. Сказать – значит признать себя виновным. Слово это, одно из величайших, способно вернуть доверие, помирить, дать возможность сделать навстречу друг другу первый шаг. Борис и прежде слышал его от сына. Но всякий

раз оно оказывалось лишь пустым звуком. Вот и сейчас его «прости» не вызвало в нем доверия...

В первый раз Игорь попросил прощения в тот самый день, когда Борис, заподозрив сына-старшеклассника в употреблении наркотических средств, решил обыскать его комнату. Заметив в руках отца знакомый пакетик с таблетками, который прятал на полке за книгами, Игорь вымучил улыбку.

– Да это обычные энергетики, чтобы мышцы выносливее были! – попытался он оправдаться. – Безобидные, честное слово! Их все спортсмены принимают.

Однако Силлов не был столь наивен, как полагал его сын. Обида сжала горло, перехватила дыхание. «Наркотики! Как же так?! У кого угодно, только не в его семье могло такое случиться! Чего ему не хватало? » – думал он, впервые в жизни беря в руки ремень.

Детские годы, проведенные в интернате, приучили Бориса все вопросы решать немедленно, зачастую радикально. Со свистом рассекая воздух, он принялся стегать Игоря. Осознание, что в этот момент допускает страшную, непростительную ошибку, пришло не сразу. «Наверное, достаточно было поговорить по душам, – размышлял Борис позже, когда вернулась способность здраво мыслить. – Попытаться по-отцовски объяснить, что наркотики пагубны для организма человека. Привести какие-то примеры. Подобрать нужные статьи, фильмы». Но тогда ему не хватило сдер-

жанности и, – к чему себя обманывать?! – разума. Столкновение с наркотиками в собственной семье оказалось слишком неожиданным для него.

Попытка в воспитательных целях физически воздействовать на сына сыграла отрицательную роль в их отношениях. Игорь замкнулся, почти перестал общаться с отцом.

Борис почувствовал напряжение и в отношениях с супругой. В тот день, увидев в руках мужа ремень, Светлана, привыкшая, что в их доме всегда царят спокойствие и взаимопонимание, на какой-то миг оцепенела. Скоро в ней проснулся самый обыкновенный природный инстинкт материнства. Повиснув на руке мужа, она попыталась остановить насилие над своим ребенком. Но Борис отступил лишь тогда, когда перехватил взгляд Игоря – полный удивления, боли, страха и... ненависти. Ругнувшись, он отшвырнул ремень в сторону и поспешно покинул квартиру.

Ранним утром следующего дня Светлана появилась в офисе мужа, где тот заночевал. Найдя его в крайне расстроенных чувствах, женщина стала успокаивать, уверять, что сын еще не успел крепко подсесть на наркотики и что они обязательно с этим справятся. «Доверься мне! Я все сделаю сама, – убеждала она супруга. – Обещаю, что все будет хорошо».

Кроме материнской любви, у школьного учителя Светланы Силовой была еще одна немаловажная причина как можно скорее забыть о конфликте в их семье. Женщина боялась, что слухи

о сыне-наркомане подорвут ее репутацию педагога.

Тот период их жизни был тяжелым для Бориса. Небольшое швейное производство, которое он незадолго до этого открыл, не приносило ожидаемых дивидендов. Пытаясь его расширить, Борис нередко выезжал в соседние города и регионы, чтобы наладить и упрочить новые связи. Это отнимало много сил, и на семью практически не оставалось времени. Ему пришлось всецело довериться жене. Конечно, он не забывал справляться о старшем сыне всякий раз, когда возвращался домой, и был рад услышать от жены, что у Игоря все налаживается: учеба, тренировки. По-прежнему радовал хорошими оценками и младший сын Владимир. Подросток всерьез задумывался посвятить свою жизнь физике, которую любил.

Дождавшись, когда Игорь окончит школу, Борис отправил его в Москву учиться на бизнес-руководителя, намереваясь в дальнейшем передать сыну свое дело. К тому времени его швейное производство значительно расширилось, и семья стала достаточно обеспеченной.

5

Жизнь в большом городе, вдали от постоянного родительского контроля, быстро затянула Игоря. Слишком много соблазнов поджидало в столице молодого, с еще не окрепшим характером, человека. К тому же, несмотря на данное отцу

слово, Игорь не смог отказаться от запрещенных препаратов, лишь научился умело скрываться.

В Москве, чтобы достать наркотики, необходимо было обзавестись нужными знакомствами, и скоро у Игоря появились новые друзья.

Как же ошибался Борис, доверившись супруге! Требовательная к своим ученикам, Светлана не сумела подобрать ключ к собственному сыну, побороть его пристрастие. Долгое время она не решалась признаться в этом мужу. Не позволяла профессиональная гордыня. Занятый продвижением бизнеса, Борис редко навещал сына в Москве. Светлана делала это чаще, каждый раз находя Игоря во все более удручающем состоянии. Она пыталась облагородить сына, предлагала лечь в клинику, но ее разговоры только раздражали его. «Я не наркоман, как ты не понимаешь?! – возмущался юноша. – Если захочу – брошу в любое время». Обманывая себя, что сын сдержит слово и рано или поздно бросит пагубную страсть, Светлана в очередной раз отступала.

Так прошло почти два года. Игорь все реже приезжал домой, ссылаясь на занятость. А когда появлялся, всегда был весел, много шутил. Рассказывал о своих планах, коих у него было множество. Бориса это радовало. Особых изменений в сыне он не замечал, разве что в глазах появился какой-то нездоровый блеск. Игорь отшучивался. Говорил, что много времени уделяет учебникам и работе за компьютером, от того глаза и болят. Если бы Борис был чуточку внимательнее...

Как-то, в очередной раз обнаружив в вещах Игоря пакетик с белым порошком, Светлана окончательно поняла, что проиграла. Дальше скрывать от мужа не было смысла. Борис, только что вернувшийся из очередной командировки, был взбешен. Разругавшись с супругой, он немедленно выехал в Москву за сбежавшим после скандала с матерью сыном и вернул его домой. Как позже выяснилось, Игорь давно забросил учебу, ловко вводя родителей в заблуждение.

Но и в родном городе спокойной жизни он им не дал, вновь связавшись со старыми друзьями-наркоманами. Борис начал борьбу за сына, обратившись к местным врачам-наркологам. Большую помощь им со Светланой в этом оказывала и Полина, возлюбленная Игоря еще со школьной скамьи. Все свободное от учебы в хореографическом училище время девушка посвящала ему. Но их совместные усилия с врачами оказались тщетны. Наркотический паразит крепко овладел разумом Игоря.

Сознавая, что с зависимостью сына им не справиться, Борис отвез его в столицу, на этот раз в специализированную клинику. После успешно проведенного – как уверяли врачи – лечения, Игорь вскоре вновь сорвался. Светлана была в отчаянии. Борис не сдавался. Набрав необходимую сумму, он повез Игоря в соседний Казахстан, где обратился к именитому доктору, который, кроме медицинских препаратов, использовал в лечении и гипноз. Но и здесь их постигла неудача. Именитость доктора оказалась дутой.

Время шло. Физическое состояние Игоря ухудшалось. Слабый и безвольный на вид, он, однако, прибегнув к хитрости, умудрился сбежать из очередного закрытого стационара, куда его снова определил отец.

Затраты на лечение в дорогих клиниках отразились на семейном бюджете. Борис занервничал. Вдруг перестало ладиться и на работе. Он стал все чаще срывать свой гнев на супруге, обвиняя ее в мягкотелости и неспособности повлиять на сына, ставя под сомнение ее профессионализм как педагога. Светлана обижалась, но старалась не показывать этого, все больше уходя в себя. Бориса потянуло к спиртному. Казалось, оно хоть на время способно расслабить, отвлечь от навалившихся проблем. Но быстро понял – это самообман. Вдвоем с супругой они зачастили в храм, прося Господа о помощи. Но и в церкви Борис не нашел душевного отдохновения.

Однажды кто-то из знакомых сообщил, что видел телерепортаж, в котором рассказывали, как известные медийные лица страны, страдавшие наркозависимостью, успешно пролечились в Таиланде. Пребывание в одной из самых дорогих клиник здесь обходилось недешево. Все еще надеясь на помощь, Силов, не без труда собрав необходимую сумму, решил попытать удачу на Востоке.

Главный врач клиники, с которым они встретились, честно предупредил: «Конечно, мы поможем. Но пациент сам должен очень захотеть

изменить себя, свое отношение к жизни, к наркотикам, отказаться от них, только тогда наше лечение пойдет на пользу».

Борис был разочарован. Эти же слова он слышал от всех врачей, к кому обращался на родине. И все же он оставил сына в закрытой, усиленно охраняемой клинике.

Трехмесячное лечение с применением особых препаратов, массажа, дыхательных упражнений, йоги, посещений бассейна, психолога, сеансов гипноза и много чего другого не прошло даром. Родители не могли нарадоваться, глядя на возвратившегося домой окрепшего, с лучистым ясным взором сына. «Теперь все в моей жизни будет по-другому, – твердо пообещал Игорь. – Столько всего хочется сделать!» Рядом с ним снова была Полина.

На этот раз он продержался чуть дольше прежнего, после чего, неожиданно для всех, исчез, оставив на кухонном столе записку, написанную явно второпях: «Спасибо за все. Не ищите. Я устал от бесконечных ограничений и зажимов. У меня своя жизнь, и буду сам решать, как ее прожить».

Страшная обида жгла Бориса изнутри. Вложить в сына столько сил, средств, времени, нервов, а в ответ такая неблагодарность! С бегством Игоря из дома пропала и немалая сумма денег, которые он откладывал, чтобы покрыть накопившиеся за лечение долги. К обиде и разочарованию добавилась и злость. В полном отчая-

нии Борис бросился на поиски сына, но они ни к чему не привели. Игорь исчез, не предупредив об этом даже Полину.

Пройдет немного времени, и в семье Силowych случится страшная трагедия – погибнет младший сын, Владимир. К тому времени юноша уже был студентом первого курса университета. В крови молодого человека, выпавшего из окна восьмого этажа, эксперты обнаружат следы алкоголя и легких наркотиков.

Не пережив смерть сына, Светлана покончит с собой, приняв большую дозу снотворного. Борис останется один со своим горем. Бегство сына и его отсутствие на похоронах младшего брата и матери он воспримет как предательство семьи и решит во что бы то ни стало найти Игоря. Тогда он еще не задумывался о каре. Поиски затянутся почти на год. За это время Борис сумел немного изучить адов круг, в котором оказался Игорь, узнать, как, примерно, устроена структура наркобизнеса, где дельцы зарабатывали огромные состояния на горе и смерти людей.

Оказавшись снова в столице, безденежный, но смысленный паренек из провинции очень скоро приглянулся московским воротилам, подбивавшим среди молодежи себе помощников. Новые «друзья» быстро взяли Игоря, умевшего легко сходиться с нужными людьми, в оборот. Внешне выглядевший респектабельно, с правильной речью, молодой курьер стал посланником в южные районы страны. За эту работу Иго-

рю неплохо платили. Впрочем, тот образ жизни, который он стал вести – покер, рестораны, девушки – быстро опустошал его карманы. Денег вечно не хватало.

За своими «гонцами» кураторы следили строго. Игорю не позволяли сесть на «ширку» – наркотик для внутривенного употребления. Снять ценного кадра с иглы всегда хлопотнее, чем не допустить до этого. Проявивший незаурядные способности в распространении наркотиков, Игорь им нужен был относительно здоровым, без «трясучки». Ему разрешались только курительные миксы – джараш, индусик, спайсы... Редко, и только в присутствии старших товарищей, – «балтийский коктейль» из водки с кокаином. Но со временем коки становилось больше. Ее он позволял себе, будучи в «командировках», где за ним не было глаза.

Лишь через несколько месяцев, встретив совершенно случайно знакомого из Ставрополя, Игорь узнает о гибели своих близких. Шокированный этой страшной новостью, он захочет немедленно вернуться в родной город, чтобы посетить могилы. Но вскоре передумает, опасаясь встречи с отцом.

6

Спрятав обратно в багажник двустволку, Борис закрыл машину и подошел к Игнатову, колдующему неподалеку у очага, сложенного из камня-плитняка, над которым висело ведро с чистой водой.

– Зачем тебе ружье? – поинтересовался Павел, следя за тем, как жадно языки пламени лижут стенки ведра. – Никак поохотиться собрался? Смотри, здесь с этим строго. Только по сезону.

– Да какой из меня охотник?! – отмахнулся Борис, ругая себя за оплошность. Он не хотел, чтобы доктор видел оружие, но в запале от разговора с сыном забыл обернуть ружье ветошью. – Так, купил при случае у одного древнего деда. Для охраны. Мало ли что.

– Не бойся! Страшнее человека здесь зверя не встретишь, – пошутил Игнатов.

Борис через силу улыбнулся:

– А как же медведи, кабаны, волки?

Внимание мужчин привлек скрип открываемой двери. На площадке подъезда появился Игорь. Дождавшись, когда подойдет ближе, Игнатов протянул руку для знакомства:

– Меня Павлом Сергеевичем зовут! Буду лечить тебя по просьбе твоего отца.

Игорь в недоумении заломил бровь:

– Здесь? В горах?

– А что?! Как говаривали древние: «Натура санат, медикус курат!» – продолжал улыбаться Игнатов. – «Врач лечит, а природа исцеляет». Здесь ее хоть килограммами ешь, эту самую природу.

– Хм. В таких «шикарных» условиях меня еще не лечили: без душа, без теплого сортира, без ресторанной кухни.

– У тебя уже были и душ, и сортир, – злобно хмыкнул Борис.

Игорь бросил на отца короткий, полный укоризны взгляд, затем вновь перевел его на Игнатова.

– А вы, собственно, какой врач? Или народный умелец? Так отец уже возил меня к одному знахарю. Тот меня всего оплевал, пока заговоры свои читал. Еще хотел, чтобы я какую-то мочу пил, придурок.

– Не мочу, а отвары трав, – поправил его Борис.

– Врач-врач, не сомневайся. – Павел снял с огня ведро с нагретой водой. – Извини, диплом не прихватил. При случае обязательно покажу. А пока приступим к делу.

Махнув рукой, чтобы следовали за ним, доктор направился к ручью.

Игорю, тяжело переносившему абстинентный синдром, эти несколько десятков шагов дались с трудом. От слабости дрожали ноги. Сердце учащенно билось. Боль по-прежнему тонкой иглой пронизывала каждую клетку организма.

Обычно ломка начиналась с повышения температуры и сильной боли в мышцах. Суставы ломило, словно кто-то невидимый их безжалостно выкручивал. Тело покрывалось липким потом. В такие минуты Игоря иногда посещала мысль о самоубийстве. Ее он боялся. Боялся, что однажды не выдержит и совершит суицид.

Оказавшись у ручья, он смахнул со лба выступившие капли пота и схватил за руку остановившегося рядом отца:

– Надеюсь, мне не придется купаться в холодной воде?

– Слушай Павла Сергеевича и выполняй все, что он велит, – отмахнулся старший Силов.

Вечерело. Солнце начало свое падение за рваные, остроконечные хребты Кавказских гор, окрашивая склоны в кроваво-багровые тона. Там же, где отлоги покрывались сосняком, их ярко-зеленый оттенок сменялся на темно-болотный, вызывая у Игоря ощущение необъяснимой тревоги.

По берегам широкого, но мелководного ручья исполинскими стражами тянулись ввысь вековые сосны. Игорь оглянулся: позади сиротливо оставались стоять корпуса бывшего санатория, подслеповато всматриваясь в окружающий мир темными глазницами окон.

Опустив ведро с водой на землю, Игнатов достал из висевшей на плече небольшой матерчатой сумки двухлитровую флягу, плеснул в кружку из нержавейки немного коричневой жидкости и протянул ее парню:

– Выпей залпом! После сразу набирай из ведра воды и пей как можно больше. Это неприятно, но не смертельно.

Едва Игорь поднес кружку ко рту, как в нос ударил резкий запах чего-то тухлого. Поймав на себе требовательный взгляд отца, он, долго не раздумывая, двумя глотками проглотил снадобье и тут же почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Несколько кружек теплой воды поло-

жение не спасли: желудок почти сразу отторг выпитое.

– На этом этапе детоксикации от тебя требуется немного терпения, – подлив в кружку еще темной густой жидкости, предупредил Игнатов.

Едва Игорь, сделав очередной глоток препарата, успевал выпить воду, как организм снова избавлялся от нее. От напряжения живот стянуло судорогой, из глаз и носа потекло.

Борис, с состраданием глядевший на согнувшегося пополам над ручьем сына, не выдержал, отвернулся.

– Пей! Пей, пока ведро не опустеет! – нетерпеливо покрикивал Игнатов.

Наконец до Бориса донесся его веселый голос:

– Молодец, Игорь! Всю воду прокачал через себя. – Он одобрительно похлопал парня по плечу. – Что чувствуешь?

Схватив протянутое полотенце, тот вытер им мокрое лицо, зачерпнув кружкой воды из ручья, прополоснул рот и только после этого выдавил из себя:

– Ничего. Нормально. Живот только болит.

– Еще бы, такая тренировка для пресса! – засмеялся Игнатов. – Горло тоже поболит немного, но это не страшно. Есть хочешь?

Игорь замотал отрицательно головой. Почувствовав сильную, до дрожи, усталость в ногах, стал оглядываться, куда бы присесть.

Не давая времени на отдых, Игнатов подтолкнул его в сторону корпусов.

– Некогда расслаживаться. Идем обратно. Сейчас капельницу буду ставить. Это ускорит снятие ломки.

Процедура с промыванием желудка и чисткой кишечника с помощью рвотных и слабительных препаратов повторялась три дня. Все это время врач не оставлял надолго подопечного, ставя одну капельную систему за другой. Следил даже ночью.

Заметив, как резко осунулось и без того худое лицо сына, а в глазах появился странный блеск, Борис встревожился.

– Не помер бы с таким лечением, а! – не скрывая волнения, обратился он к Павлу. – Совсем от еды отказывается.

Они сидели во дворе у очажка. Игнатов сосредоточенно растирал в небольшой деревянной ступе одному ему известные корни с семенами.

– Не волнуйся. Я пока его капельницами подкармливаю. Сейчас самая обычная еда для него словно яд. А аппетит скоро появится, не будешь успевать готовить, – заверил он.

Все свободное от лечебных процедур время Игорь, вконец обессиленный, спал. На четвертые сутки он впервые попросил немного еды.

Обрадовавшись, Борис бросился к сумкам, набитым продуктами. Заметив в его руках рыбные консервы и свиную тушенку, Игнатов преждевременно остановил:

– Для начала приготовь ему легкий супчик...

Неделя, взятая Павлом на работе, подходила к концу. Они сидели у ручья, прислушиваясь, как по камням течет-журчит вода, унося вдаль срывающиеся с деревьев листья. Борис подвигался, удобнее располагаясь на ползущем по поверхности земли воздушном корне старого бука.

– Сегодня уезжаешь?

– Да, пора на работу.

– Значит, одного меня оставляешь? – грустно проговорил Борис.

Игнатов пошевелился, выпрямил каменно-тяжелые ноги. В последнее время колени стали побаливать.

– Ну почему одного? – вздохнул сочувственно. – Это раньше вы были порознь. Теперь же вас двое. И вместе вы – сила.

– Не знаю, не знаю, какая мы сила. Справимся ли? Игоря в стольких клиниках лечили, но так и не добились успеха.

– Сомневаешься в лечении? – Полный скепсиса тон Бориса возмутил Игнатова. – Тогда какого рожна мы все это затеяли? Зачем оторвал меня от семьи, от работы?

– Нет, ты ничего не подумай, – начал было оправдываться Силов. – Я просто в Игоре не уверен.

– Ты знаешь, а я вот уверен! – воскликнул Павел. – Может показаться странным, но, да, уверен! – повторил он, придавая твердости голо-

су. – Сам посуди: за целую неделю он всего-то пару раз заартачился, закапризничал. Да и то в самом начале. И это понятно. Любой бы на его месте скис, когда желудок наизнанку выворачивает, а из кишечника вода литрами льется. Нет, что ни говори, а Игорь молодец! Чувствую, что паренек готов побороться за себя. Думаю, он и сам устал от своего состояния. С моим сыном, Олегом, в первые дни куда как сложнее было. – Игнатов дотронулся до плеча Бориса. – Прими во внимание, что вам обоим еще долго будет тяжело! – предупредил он. – У Игоря будут срывы, истерики, желание всех убить. Будет требовать наркотики, давить на жалость. Так что, папаша, наберись терпения и не давай себе слабину.

– Долго еще терпеть?

Игнатов развел руками:

– У всех по-разному. В твоём случае, думаю, несколько месяцев точно понадобится.

– Так долго? Я думал...

– А ты не думай, – перебил его Павел, жестом руки предлагая пройтись немного по лесу. – Ты действуй. Ничего, справишься. И цепь с Игоря не снимай.

Со стороны заснеженных вершин дул холодный ветер, унося на юг кучевые облака. Вдохнув полной грудью сырого воздуха, напоенного ароматами пропотевшего после утреннего тумана леса, Борис шумно выдохнул:

– Справлюсь. Должен справиться.

– Я ведь своего сына тоже долго вытаскивал. – Павел старательно обошел старый, изрядно про-

гнивший сосновый выворотень, за долгие годы покрывшийся толстым слоем мха. – Признаюсь, хоть и прошло с тех пор немало времени, но все еще сохраняется опасение, как бы он снова не сорвался. Наркозависимость – это такая гадость!

Напуганные появлением людей, с веток, сердито затрепав, взлетели птицы.

– Все собирался спросить: что за отраву ты давал Игорю в первые дни? – придерживаясь за ствол сосны, спросил Борис. – Ну, помнишь, когда его выворачивало наизнанку? Я тогда лишь понюхал и меня самого чуть не стошнило!

– А, это! Спиртовая вытяжка из разных растений. Про чилибуху, рвотный орех слышал? Кое-что еще в настойке было. Растения эти в наших краях не встречаются. Мне их один приятель из Таиланда привез. – Игнатов оторвал от ствола сосны кусочек живицы, бросил в рот. – Скажу тебе – та еще отравка! В малых концентрациях используется как рвотное средство, а если переборщить – может вызвать летальный исход.

– Так рвоту можно и привычным способом вызвать! – удивился Силов. – Два пальца в рот и... Это хоть не опасно для жизни.

Павел ухмыльнулся ржавой истине:

– Да, но пальцы не вызывают отвращение к наркотикам или алкоголю, а эта настойка может привести к стойкому воздержанию. А что касается опасности... Хм, жизнь вообще штука опасная! И всегда заканчивается смертью, не заметил? – засмеялся Павел. – Я, когда Олега своего лечил, столько всего перепробовал. Помню, корень

копытня долго искал. Травник один посоветовал. Между прочим, ботаник, кандидат наук. Говорил, что избавляет от наркотиков раз и навсегда и что в Азии его еще в древности использовали в борьбе с наркоманами, употреблявшими гашиш. Чуть ли не сам Авиценна рецепт открыл. Я сначала на алкоголиках решил попробовать. В нашем гаражном кооперативе много бывших военных собралось. Спивается народ. Скучно им дома сидеть, вот они и копаются в своих старых машинах. Подумал: «Хорошие мужики, почему бы не помочь!» Настоял корень на спирту, велел им принимать по столовой ложке вместе с рюмкой водки. Это должно было вызвать у них стойкое отвращение к спиртному. – Вспомнив старую историю, Игнатов снова рассмеялся в голос. – Какое там отвращение?! Эти чудаки литровую бутылку за один присест втроем выдули. Просили еще принести. Шутили: хорошо пошла, но на горьком перце или на березовых бруньках, мол, лучше. В общем, что тайцу смерть, то русскому забава.

– Жаль, что твоя фляга так быстро опустела, – посетовал Борис. – Игорьку бы подольше почиститься.

– Можно попробовать обычных лесных клопов, – вдруг вспомнив, неожиданно предложил Игнатов. – Красных. Их сейчас как раз много должно быть в сыром лесу. От некоторых видов такое зловоние исходит! Я однажды собрал немного, растер и настоял на водке, а потом этим

раствором пропитал сигареты. Когда просохли, дал выкурить сразу несколько штук одному приятелю, злостному курильщику. Представляешь, его после этого всякий раз тошнить начинало только при одном запахе сигарет. До сих пор не курит. Надо попробовать, – повторил он.

До отъезда Павла еще оставалось время. Покопавшись в карманах, Борис выудил на свет небольшой полиэтиленовый пакетик.

– Тогда не откладываем, прямо сейчас и соберем, – предложил он.

Дорога по лесному чернотропу оказалась не из легких. То и дело приходилось спотыкаться о старый валежник, затянутый густым мшаником, и проваливаться по колено в ямы, укрытые свалившейся за зиму листвой и толстым многолетним настилом из хвойных игл. Углубившись в лес метров на триста, они остановились. Над головами, прыгая с дерева на дерево, щебетали птицы, окропляя людей холодными капельками влаги, скопившейся на листьях. За полчаса им удалось собрать около двух столовых ложек насекомых.

Вернувшись на «базу», Борис, интереса ради, растер несколько клопов и поднес к лицу. В нос ударил резкий, неприятный запах. Игнатов был удовлетворен:

– Не все они с противным душком, но нам, кажется, повезло. Когда подсохнут, разотри в порошок и залей стаканом водки дня на три. – Достав из бардачка своего автомобиля небольшой коробок, он передал его Силову. – Здесь

несколько самокруток с марихуаной. Тщательно пропитаешь их в настойке и высушишь. Будешь давать Игорю по две в день. Пусть выкуривает до конца. Сразу после этого дашь кокаин. Там в пакетике порошка немного, но этого хватит. Если начнет мутить – промывай ему желудок, как в первые дни.

– Где достал все это «богатство»? – удивился Борис.

– Не спрашивай, не скажу.

– Дым же в легкие поступает. Желудок тут при чем?

Павел взглянул на часы. Времени вдаваться в подробности не оставалось.

– Некогда объяснять. Просто доверься восточной медицине. Ну, клопы тебе в помощь! – улыбнулся он, начав собираться в дорогу.

8

Уже больше месяца Борис с сыном находились в горах. За это время Игнатов навещал их дважды, привозя продукты и необходимые медикаменты. Сегодняшний приезд стал неожиданным.

Павел вышел навстречу выскочившему из здания Борису.

– Похоже, у вас тут связь плохо ловит, не смог дозвониться!

– Связь есть, да в телефоне заряд закончился, – заметил ему Силов, протягивая для приветствия руку. – Надо в село спускаться.

Не тратя время на разговоры, Павел поднялся к Игорю. В комнате душно висел стоялый воздух. Приветливо поздоровавшись, он поинтересовался с улыбкой:

– Как чувствуем себя, молодой человек?

Полоснув доктора тяжелым взглядом из-под бровей, младший Силов недовольно буркнул:

– Хорошо чувствуем. Можно в город возвращаться.

Игнатов тщательно прослушал легкие и сердце, прощупал живот и остался доволен.

– Молодец, хорошо держишься. Но в Ставрополь возвращаться тебе еще рановато. – Открыв окно, он охватил взглядом горы и глубоко вдохнул. – Воздух здесь, воздух, что ты! Такого в городе и за деньги не купишь, так что не торопись.

– А когда можно будет? – в голосе Игоря послышались напряженные нотки. – Говорю же: здоров!

Доктор отвечать не стал. Кивнув Борису, чтобы следовал за ним, он спустился во двор и направился по ими же проторенной узкой тропинке к лесу, где остро пахло прелой листвой.

– Все идет хорошо, даже лучше, чем я предполагал, – заговорил он после недолгого молчания. – Я еще лекарства привез. Продолжай в том же духе.

Еще в первую неделю их пребывания здесь Павел научил Бориса ставить капельницы и делать внутримышечные уколы.

Игнатов достал из кармана сложенные вдвое листы бумаги и протянул их Силову.

– Здесь подробно описаны физические упражнения и специальная дыхательная гимнастика. Разучите их с Игорем и почаще гуляйте с ним, чтобы мышцы силой наливались.

– Гуляем, гуляем, – утвердительно закивал Борис. – Вожу на поводке, как собачонку. Неудобно как-то и... противно. Сын все-таки.

– Засунь понятие «неудобно» куда подальше, – бросил раздраженно Игнатов, повернув обратно. Вернувшись к машине, он обратил внимание Бориса на заросший травой двор. – И начинай приучать сына к труду. Пусть уберется здесь, наколет дров. Сам. Физическая нагрузка и настроение улучшает. Кстати, я вам походную баньку привез. Полезная штука, замечу. Особенно после физических нагрузок.

Борис полез в карман, желая возместить траты, но Игнатов взял деньги лишь за лекарства и продукты.

– Палатка вам в подарок. Осталась с моей прошлой жизни. Я в ней Олега отпаривал. Игоря с цепи не снимай! – напомнил он, продолжая с наслаждением вдыхать медовый аромат лабазника, широким желтым рукавом раскинувшегося по соседству на косогоре. – Не рискуй. Сбежит. Наша родительская беда в жалости. Понимаю: тяжело видеть, как мучается твоё чадо, но приходится и нам свою волю укреплять. Олег мой несколько раз срывался. Вот и вчера выпивший пришел домой, гаденыш.

Борису стала ясна причина раздраженности, которая бросилась в глаза с первой минуты.

– Да ладно тебе! Ну, выпил парень пива немного или бокал вина, что тут такого?!

– У них с этого все и начинается. – Сплюнув в сторону, Павел взял себя в руки. – Ладно, разберемся.

Проводив Игнатова, приехавшего одним днем, Борис вернулся к сыну и залез в свой спальник. Несколько минут они провели в полной тишине.

За окном, распушив ветви в колючем убранстве игл, убаюкивающе раскачивались верхушки молодых деревьев. Закутавшись в теплое верблюжье одеяло, как в кокон, Игорь немигающе смотрел на подернутое легкими облачками небо.

Борис украдкой взглянул на сына, на лице которого застыла невыразимая мука. Как же ему хотелось в эту секунду обнять его, прижать крепко к груди, погладить по заросшей голове, как когда-то в детстве. С трудом, но он сдержался, следуя наставлениям Павла не проявлять слабость.

– Игорек, а не поставить ли нам сегодня баньку? – пытаюсь отвлечь сына от дум, предложил Борис, улыбнувшись. Но улыбка вышла мелкой, жалкой...

Место для парилки Силковы выбрали на берегу ручья, напротив самой широкой водяной ямы. Взрослому человеку глубина в этом месте доходила до пояса, и вдвоем они могли удобно разместиться в ней. Борис разжег костер, натаскал из ручья камней размером с кулак. После того, как

огонь погас, а камни разогрелись, принялись за палатку. Ее следовало поставить так, чтобы очажок оставался посредине. Управлялись вместе, помогая друг другу советами, поскольку никто из них раньше этого не делал. Впервые за долгое время Игорь был освобожден от всяких пут, дабы не мешали работать. Когда все было кончено, Борис плеснул на раскаленные камни немного кваса из бутылки, привезенной Игнатовым. В нос ударил горячий пар с густо напоенным запахом хлеба. Зажатые тесным пространством, отец и сын сели рядом. Игорь бросил на отца взгляд исподлобья:

– Хороший жар! До костей пробирает!

Борис откинул немного в сторону полу палатки и впустил внутрь свежего воздуха.

– Замечательный! – согласился он. – Признаться, не ожидал такого от обычной палатки. Знаешь, о чем я сейчас пожалел?

– О чем?

– О том, что с моей работой все недосуг было вывезти вас с братом и мамой на природу. Пожить вот так, в диких условиях. Спасибо Павлу за доставленное удовольствие. Все продумал.

Подхватив с земли палку, Игорь выгреб из глубины угли, набросал их на остывающие камни.

– Дядя Паша, наверное, опытный турист!

Борис усмехнулся.

– Это точно. Он здесь своего сына лечил от той же хвори, что у тебя. Вот опыта и набрался.

– Вот как?! – Услышанное удивило Игоря. – Выходит, сын его тоже кумарил? И как, выле-

чился? Расскажи, как ты познакомился с Игнатовым?..

9

Об Игнатове Борис узнал от Арсения, одного из своих молодых сотрудников. Искренне сочувствуя руководителю, за короткое время потерявшему жену и сына и с горя запившему, он предложил ему встретиться со своим знакомым доктором, намекнув, что это может оказаться полезным для Силова.

Борис не сразу решился обратиться к врачу. В то время он пребывал в крепких объятиях Бахуса, ежедневно напиваясь мертвецки пьяным. Казалось, так проще переносить душившую его боль утрат. Да и чем мог помочь его беде рядовой доктор из обычной городской поликлиники, если даже известные специалисты не сумели справиться с проблемой сына?

До того, как запил, была у Бориса неудачная попытка найти опору в вере. Однажды, зайдя в храм, он заговорил с батюшкой. Но, то ли священнослужитель ему попался не очень расположенный к беседе, то ли судьба решила продолжить испытывать его на крепость, только вышел он из храма с обидой в душе.

Коротко выслушав посетителя о его бедах, батюшка, явно торопившийся по своим делам, бросил на ходу: «Смирись, сын мой! Раз уж судьба так положила, то остается уповать на милость Господа. Терпи и веруй, и Он поможет пронести

этот крест, не сомневайся. И по терпению твоему будет дано тебе Царствие небесное».

Бориса речь батюшки глубоко возмутила. «Зачем мне потом какое-то мифическое царство на небесах, если я сейчас живу, как в аду?»

Однажды ночью, очнувшись от алкогольного забытья, Борис долго сидел на краю кровати, мучительно размышляя над никчемностью своего дальнейшего существования. В какой-то момент, доведенный до полного отчаяния снедающими душу переживаниями, он, пошатываясь, вышел на лоджию и глянул вниз с высоты девятого этажа. Безлунная ночь манила черным провалом. Желание броситься вниз, чтобы разом покончить со всем, что навалилось на него, возникло внезапно, словно кто-то подталкивал его к открытому окну. Борис прикинул расстояние до земли, где в тусклом свете уличных фонарей едва просматривался кусочек тротуара. «Высоко! – подумал. – Как раз то, что надо. Без боли, без реанимации. Шаг – и ты у Бога в гостях!» Представив на мгновение себя лежащим с раскроенным черепом, Борис решил, что будет нелепо смотреться в одних трусах, небритый, с отеком от многодневной пьянки лицом, и отшатнулся назад. «Нет, явиться к Господу со своими вопросами следует в достойном виде», – подсказывал ему затуманенный алкогольными парами разум.

Решив привести себя немного в порядок, Борис вернулся в комнату, включил свет. На глаза попала большая, обрамленная в тонкий багет семейная фотография, висевшая на стене. На ней они с

супругой и сыновьями были запечатлены в городском парке. Подойдя ближе, он долго рассматривал лица сыновей, тогда еще школьников. Из глаз крупными каплями катились слезы. На мгновение подумалось, что в прежней жизни никогда не позволял себе такую слабость. Жена и сыновья должны были видеть в нем сильного мужчину, защитника. Теперь же прятать слезы было не от кого. На сердце тяжелым камнем лежала обида: как же так случилось, что все в его жизни пошло прахом? И почему именно с ними это произошло?

Взгляд остановился на старшем сыне – единственном человеке, ради которого он еще мог задержаться на этом свете. Из подсознания выплыла фамилия «Игнатов», а вместе с ней и призрачная надежда на спасение Игоря. Вспомнив, что еще минуту назад собирался свести счеты с жизнью, Борис устыдился своих мыслей.

Утром, движимый слабой надеждой на помощь врача, о котором рассказывал его сотрудник, он вышел из дому.

Из несвязного, запутанного рассказа пришедшего на прием мужчины доктор Павел Сергеевич Игнатов не сразу понял, чего тот от него хочет. Наконец вспомнив, что слышал о нем от Арсения, товарища своего сына, он устало произнес:

– Долго же вы добирались до меня.

Силов виновато потупил взор:

– Честно говоря, приходил в себя.

– Понимаю. – Изучая его одутловатое от запоя лицо с тяжелыми мешками под глазами,

Игнатов развел руками: – Не представляю, чем могу помочь! Я по специальности невролог, а вам нужен нарколог.

– У наркологов я уже неоднократно лечил сына, – чуть слышно прошептал Борис.

Выслушав из первых уст трагическую историю человека, потерявшего близких, Игнатов задумался. Совсем недавно он пережил личную драму и теперь воспринял боль Силова, как свою собственную.

– Хотел бы вам помочь, но не уверен, что смогу, – начал он осторожно, перехватив полный трагизма взгляд Бориса. – Повторю: наркомания – не мой профиль, не моя специализация, понимаете?

– Арсений говорил, что вам удалось вылечить своего сына. Я подумал: может, и моего возьмется вытащить? Я заплачу, сколько скажете!

– Мне, действительно, удалось справиться с нашей бедой. Правда, бороться пришлось долго и очень тяжело.

– Я понимаю. Доктор, сделайте, пожалуйста, все, что в ваших силах. Я в долгу не останусь, – повторил Борис. – Только возьмитесь. Готов ждать, сколько понадобится.

– Лечение, которое я могу предложить, несет определенный риск для жизни человека, чей организм наверняка ослаблен, – честно предупредил Игнатов. – Я рисковал своим сыном. Он мог умереть. Имею ли я право рисковать вашим?

В сердце Бориса закралась надежда.

– Что ж, на все воля Бога.

Он давно решил для себя: «Игорь скорее умрет, если не вылечить его. Я хотя бы попробую в очередной раз. А уж если что случится, то и мне незачем будет жить».

Давая понять, что разговор окончен, Игнатов встал:

– Мне нужно подумать. Оставьте свой номер телефона, я сообщу о своем решении, а сейчас, извините, у меня прием.

Прощавшись, Борис Силлов покинул кабинет, едва видя очертания стен. Чувство безысходности вновь завладело им.

Ранним утром следующего дня в квартире Бориса Силова зазвонил телефон. Это был Игнатов.

– Я попробую помочь вашему сыну, – сухо произнес он. – Денег брать не буду, поскольку гарантий никаких не даю. Но будет два момента: вашего сына мы вывезем в горы, и вы будете выполнять все мои условия по лечению...

10

– ...Так что, дяде Павлу удалось вылечить сына? – напомнил Игорь, выслушав короткий рассказ отца о его знакомстве с Игнатовым.

– Удалось. И тебе удастся. Только надо принять, что быстрое избавление от наркозависимости невозможно. Иногда лечение затягивается на годы. Наберись терпения.

– И что, все это время мне придется прожить в этой дыре? – возмутился Игорь.

– Сколько надо, столько и пробудешь, – чеканно, сухим тоном, чтобы зря не обнадеживать и не оставлять никаких сомнений в своей решимости, произнес Борис.

– Может, хоть цепь снимешь? Или все еще не доверяешь?

Заметив, как в ожидании ответа напряглось его лицо, Борис не стал лукавить:

– Нет, не доверяю. Боюсь, снова захочешь смыться...

Первую попытку сбежать Игорь предпринял ровно через неделю после начала лечения, сразу после того, как их впервые оставил Игнатов. Вооружившись привезенным с собой топориком, Борис, якобы случайно оставив на видном месте связку ключей, объявил сыну, что собирается сходить в лес по дрова. Шумно спустившись во двор, он быстро разулся, чтобы не греметь обувью, и, мягко ступая по ступенькам, поднялся обратно на второй этаж. Остановившись перед дверью, Борис сквозь щелку видел, как Игорь безуспешно пытается снять с цепи замок.

– Что, не получается? – Придав голосу напускную участливость, Борис шире растворил дверь. – Видимо, я не те ключи оставил.

Догадавшись, что это была проверка, Игорь процедил злобно:

– В следующий раз не ошибись!

Через несколько дней он предпринял новую попытку сбежать. Воспользовавшись моментом,

когда отец был чем-то занят во дворе, Игорь сумел дотянуться до приставленного к стене ружья.

Вернувшись в комнату, Борис увидел нацеленный на него ствол.

– Неужели выстрелишь?

Не обнаружив в глазах отца страха, лишь только разочарование, Игорь, замотав взлохмаченной головой, невольно опустил оружие, но через секунду вскрикнул полным отчаяния голосом:

– Ключи! Отдай мне ключи от замка! Прошу! Не заставляй брать грех на душу.

Кровь ударила Бориса в голову. Делая шаг навстречу, он произнес надтреснутым голосом.

– Давай, стреляй! Стреляй, сынок, не бойся! Никто не узнает, мы ведь с тобой здесь одни. – Достав из кармана ключи от автомобиля, он бросил их на стол. – Держи. Бензина хватит доехать до Ставрополя.

В голове Игоря все перемешалось.

– Уйди! – завизжал он, теряя самообладание. – Уйди, прошу! – Зайдя в истерику, он отбросил в сторону ружье, переломившись в пояснице, упал на пол и зарычал, точно дикий зверь, попавший в капкан. – Уйдииии!

Предупрежденный Игнатовым о приступах агрессии и истерии, часто случающихся у наркоманов, Борис с сочувствием глядел на сына. «А все же не нажал на курок!» – подбирая двустолку, с удовлетворением отметил он про себя.

Некоторое время Игорь лежал неподвижно, свернувшись калачиком. Затем медленно при-

сел с виноватым видом, прошептал, не поднимая головы:

– Па, прости! Нашло что-то.

Борис с пониманием кивнул:

– Ничего, бывает. – Переломив ружье, он обратил внимание сына на пустые стволы. – Ты бы все равно не смог ничего сделать, – вымучил он улыбку.

Брови Игоря сложились домиком.

– Оно что, не заряжено было?

– Нет, конечно. Я еще не выжил из ума.

Борис достал из кармана брюк ранее вынутые патроны и вставил их обратно в ружье.

– Ты снова проверял меня?

В глаза Игоря заглянула смерть. Возмущенный поступком отца и движимый обидой, он, действуя как в горячечном бреду, резко подскочил на ноги и неожиданно выхватил из его рук оружие. Еще мгновение и, зажмурившись, Игорь потянул оба курка на себя. Два громких хлопка прозвучали дуэтом, после чего на несколько секунд воцарилась звенящая тишина. В тот же миг пришло осознание чего-то непоправимого. Едва устояв на задрожавших ногах, Игорь медленно, страхась увидеть роковой финал своему действию, открыл глаза. Перед ним, в легком тумане порохового дыма, стоял невредимый отец. Еще не до конца веря в благополучный исход, Игорь удивленно взглянул на двустволку:

– Как же?.. Я же...

– Будь в патронах полный заряд – лежать мне сейчас с простреленной грудью, – с горечью произнес Борис, отбирая ружье.

Все еще пребывая в шоковом состоянии, Игорь повторял, как в бреду:

– Как же так? Как же так?..

– Я накануне высыпал всю дробь и часть пороха, – объяснил Борис.

Не в силах выдержать полный презрения взгляд отца, Игорь отвернулся...

Вспомнив сейчас тот случай, Борис нервно передернул плечом, словно сгонял с себя картинку прошлого, и выглянул наружу. Над местом, где они разбили баньку, по небу стремительно проносились облака, принимая под напором ветра причудливые формы. Где-то крикнула сойка. В вышине задумчиво кружил орел. С севера, как обычно, тянуло холодом.

Игорь снова стал ворошить угли, выдувая из затухающего костра рой золотых искр.

– Ты видел сына Игнатова?

Борис положил на заискрившиеся угольки несколько сухих веток.

– Нет, не видел. Но Павел говорит, что с ним все хорошо. – Борис повел взглядом по вздыбленной спине стоявшего неподалеку холма, поросшего мелким ельником, откуда донеслись громкие крики чем-то встревоженных птиц. – Я так понимаю: парень духовитым оказался, – продол-

жал он. – С сильным характером. Поставил цель выкарабкаться из болота и своего достиг.

Последние фразы Борис намеренно произнес с определенным восторгом, давая сыну прочувствовать важность сказанных слов, словно вопрошал: «А хватит ли тебе силы духа? Справишься ли?»

Игорь посыл понял, но, сделав вид, что потерял всякий интерес к дальнейшему разговору, нарочито громко зевнул, распрямил спину:

– Может, освежимся?

Не дожидаясь ответа, он выскочил из палатки и полез в полную студеную воды яму.

Солнце клонилось к закату, окрашивая мир в малиновый глянец. Обласкав сына потеплевшими глазами, Борис последовал за ним.

Ужинали во дворе, сидя у костра, от которого на камни падал золотисто-нежный отблеск. Борис поймал себя на мысли, что за последние годы ему впервые выпал пресветлый день, когда не надо было волноваться за судьбу сына. Теперь она была в его руках. А сам Игорь – вот он, рядом.

Смеркалось быстро. Край леса затемнел. Небо, узкой полоской все еще розовеющее на юге, быстро чернело на севере. Приподнявшись, Борис включил походный фонарик, подвешенный над площадкой к вбитому в землю шесту. Несколько раз мигнув, тот внезапно погас. «Надо бы батарейки заменить», – подумал он, но желания подняться на второй этаж не было. После парилки в теле ощущались необыкновенная легкость и приятная усталость.

– Схожу за батарейками, – словно прочитав его мысли, предложил Игорь, вставая с полена, приспособленного под табурет.

– Завтра заменим, – остановил его Борис. Задрав голову, он смотрел, как серебром замерцали в небесной выси звезды. Наступил тихий, спокойный вечер.

11

Игорь проснулся первым, осторожно, стараясь не греметь цепью, подошел к окну и долго смотрел, как на горизонте рыжел хвост зари. Подсвеченные горы оживали, играя красками. Поднимаясь над хребтом, солнце игрой света и тени создало на одной из дальних скал причудливый рисунок, напоминавший лицо горца с густой бородой. День обещал быть сухим и теплым.

Игорь медленно и глубоко дышал, чувствуя, как с каждым вдохом тело наливается силой. Хотелось есть. И если еще недавно его воротило от любой пищи, то теперь все время хотелось есть, что он и делал с удовольствием и часто, но понемногу, как прописал Павел Сергеевич. Доктор советовал заглушать чувство голода большим количеством травяного чая из листьев мяты, земляники и малины, которые они с отцом обнаружили во множестве во время ставшей традиционной прогулки по лесу.

Очередные выходные порадовали обоих Силовых новыми лицами. Вместе с Павлом приехал его сын Олег со своей девушкой Катей.

Доктор, как обычно, торопился. Бегло спросив Игоря о самочувствии и посекретничав накоротке с его отцом, скоро убыл обратно, оставив Олега с Катей, пожелавших провести несколько дней на природе, вдали от городской суеты.

Борис был благодарен Павлу за придуманный им ход. Общение с Олегом, прошедшим в этом месте тот же путь восстановления и возвращения к нормальной жизни, обещало пойти на пользу Игорю. Оставался вопрос: как быть с цепью? Он все еще опасался бегства сына. Даже при ставших привычными совместных прогулках по окрестным горам он привязывал его к своему поясу крепкой бечевкой, отдавая себе отчет, как унижительно это было для сына. Теперь же, в присутствии Олега и его девушки, такое положение узника, прикованного к стене, могло оскорбить сына, свести на нет все их с Павлом старания. Решив рискнуть, Борис, воспользовавшись минутой, когда гости были заняты своими пожитками, быстро пробрался наверх и снял с Игоря цепь.

Уже с первых минут общения Олег повел себя так, словно приехал к старинному приятелю погостить. С Игорем они оказались ровесниками. Сошлись быстро. С какой-то особой теплотой, свойственной людям с открытым и добрым сердцем, отнеслась к парню и Екатерина. Однако при этом никакой жалости ни она, ни Олег к нему не выказывали, за что Игорь был им благодарен.

Почти неделю пробыли молодые в горах. С каждым днем Борис замечал, как крепло не только здоровье сына, но и его воля к победе. Троица часто проводила время в беседах, часами прогуливаясь по горам. Иногда к ним присоединялся и Борис. Взбираясь на ближайшую вершину, они подолгу любовались раскинувшейся далеко внизу, в распадке между гор, живописной долиной, на которой теснилось крохотное, домов на тридцать, селение. Два раза в неделю Борис спускался туда, чтобы в местном минимаркете отовариться необходимыми продуктами. Здесь же продавец разрешал ему зарядить телефон, по которому он мог связаться с внешним миром: с Игнатовым и сотрудниками своей фирмы.

Общение с Олегом и Катей заметно изменило Игоря. Частое немотивированное раздражение сменилось спокойствием и рассудительностью в беседах. Это с удовлетворением отметил и Павел, приехавший через неделю забирать своих.

Отведя его в сторону, Борис поинтересовался:

– Как думаешь, не пора ли снять окончательно с Игоря оковы? Эту неделю я его не пристегивал к цепи. Неудобно было. И, знаешь, ничего! Отлично себя вел.

– Тебе, конечно, виднее, но я бы еще погодил, – немного подумав, ответил Игнатов, высказав сомнение. – Как бы после общения с моими ребятами Игоря не потянуло в город, где молодежь. А там старые дружки, наркотики... Неде-

ля – это не показатель. Понаблюдай еще несколько дней, а там сам реши.

Прощались недолго.

– В следующий раз не скоро появлюсь, – предупредил Игнатов, усаживаясь за руль своей старенькой машины. – Держись!

После отъезда новых друзей Игорь заметно загрустил. Поднявшись в «студию», как иногда в шутку называл комнатку наверху, он лег, отвернувшись к стене, и вскоре забылся тяжелым беспокойным сном. Заметив резкую перемену в настроении сына, Борис решил не беспокоить его разговорами и отправился в лес. Захотелось немного и самому развеяться, перетрясти разбросанные по чердачкам памяти все разговоры с сыном, случавшиеся у них в последнее время.

Над головой, подгоняемые ветром, темными кляксами стали сгущаться тучи, сея мелкий дождь. Первые капли, остужая кожу, окропили вспотевшее от быстрой ходьбы лицо Бориса. Ожидая ливня, он повернул обратно, чтобы успеть дойти до корпуса, но старательно задувший ветер быстро разметал тучи, рассеяв ошметья по всему небосводу. Вновь засветило солнце, яркими лучиками забегав по стволам могучих сосен.

Борис присел на замшелый пенек, зажатый густо растущими деревьями, облокотился спиной о влажный ствол пахнущей живицей сосны. Его почти никогда не оставляли переживания за судьбу сына: ни ночью, когда удавалось ненадолго заснуть чутким сном, ни днем, когда ста-

рался занять себя различными делами. И только слившись с лесом, он мог на время забыться, наслаждаясь щебетом птиц и дыханием деревьев. Никогда прежде Борис не придавал значения силе природы, теперь же все чаще чувствовал себя ее частичкой.

Сомлев под посвист птиц, он несколько раз протяжно зевнул и незаметно провалился в царство Морфея. Сон был недолог. Сорвавшиеся с листьев холодные капли влаги, упавшие за воротник, быстро вернули его в мир, полный суеты и неизвестности.

12

Игорь проснулся от глухого стука топора. Выглянув в окно, увидел отца, суетившегося у очажка за приготовлением пищи. Заметив появившегося в дверях подъезда сына, Борис призывно махнул рукой, приглашая к себе.

Посиделки у костра стали привычными для них обоих. В такие минуты Игорь часто молчал, подолгу наблюдая, как ветерок играет языками пламени. Борис мог лишь догадываться, о чем думал сын в эти минуты. Сам он длительного молчания тяготился, но, не желая быть назойливым, ждал, когда Игорь заговорит первым. Сегодня ожидать не пришлось.

– Я так понимаю: моя свобода закончилась? – поднял голову Игорь, присаживаясь рядом. – Снова прикуешь меня к стене? Правильно! Хотя спать будешь спокойно, а то я заметил, что ты

последние дни места себе не находил, нервничал. – Голос Игоря наполнился сарказмом. – Боялся, что сбегу?

– А ты наблюдательный! – хмыкнул Борис, подкидывая в огонь сухое сучковатое полено. – Знаешь, я пока тут возился, вспомнил, как мы в армии окурки хоронили.

– Окурки? Как это? – оживился Игорь, располагаясь удобнее.

– Тем, кто не служил, этого не понять.

– Ну, сейчас ты мне напомнишь, как отмазывал от армии! – Не вставая с места, Игорь сделал подобие реверанса. – Что ж, спасибо, дорогой родитель...

– Не ерничай, я совсем не к тому, – прервал его Борис.

– А вот надо было отправить, – продолжал Игорь. – Может, уберег бы родного дитятку от наркоты.

– Вон оно что?! Как всегда, во всем виноваты родители? Хм! Вообще-то, это мать просила уберечь тебя от армии. Боялась, что ты не выдержишь нагрузок. Что ж, еще не поздно, какие твои годы. Адрес военкомата я дам. Дорогу сам найдешь или мне подбросить тебя?

Заметив, как нахмурилось лицо сына, Борис, опасаясь наговорить лишнего, замолчал.

– Извини, вырвалось, – прошептал Игорь, придвигаясь ближе и обнимая отца за плечи. – Я не со зла, пап. Нервы!

– Нервы у него! А у меня что, канаты? – Борис ощутил, как от прикосновения сына по его спи-

не прошла теплая волна нежности. Давно позабытое чувство. Его очерстневшее сердце тут же размякло, словно огонь растопил в нем загустевшую кровь, заставив быстрее бежать по сосудам. – Не канаты же?!

– Нет. Тросы! Стальные! – засмеялся Игорь, крепче прижимаясь к нему. – Расскажи про окурки!

Борис был растроган столь неожиданным проявлением любви со стороны сына.

– Да рассказывать, собственно, нечего, – пожал он плечами. – В армии часто дурачатся. Взвод, куда я попал, возглавлял некурящий офицер. А я тогда здорово курил. Вот комвзвода и предупредил нас, только что прибывших в часть, кого, мол, увижу с сигаретой в казарме, заставлю хоронить. Мы, конечно, посмеялись и... в первый же день попались. Ночью, уже после отбоя, сержанты подняли весь взвод, велели вооружиться штыковыми лопатами, фонариками и погнали в ближайший лесок могилку рыть. Яму копали все поочередно, как положено – два метра в длину и столько же в глубину. Можешь представить, сколько всего мы услышали в свой адрес за это время от старослужащих? Они же из-за нас страдали. В общем, побросали мы в ту яму все окурки, собранные на территории части, холмик соорудили. А когда вернулись – получили на орехи от своих же. Кстати, я тогда же и бросил навсегда курить.

Закончив свой нехитрый рассказ, Борис умолк.

– Это ты сейчас к чему вспомнил? – выждав паузу, спросил Игорь.

– А к тому, что, может, пора нам похоронить твою цепь с замками, а? Как думаешь, справишься без нее?

Игорь не сразу ответил. Задумался. В последнее время стало приходить понимание, что самому уйти от наркотиков ему не удастся, как бы прежде не убеждал себя в этом. Хватит ли стойкости противостоять этой пагубной страсти? Здесь нужна не только недюжинная сила воли, необходимо что-то большее. В памяти всплыли мечты из детства и отрочества. Кем хотел стать, к чему стремился? Жить, как до него многие поколения предков жили? Работать, строить карьеру, создать семью, родить детей и постараться стать им таким же отцом, как его родитель... А разве этого мало?

– Не знаю, – замотал он головой и рассмеялся с нервным надрывом: – Осилю ли столько кубометров земли выкопать?

Борис почувствовал, как державшее его все это время напряжение стало ослабевать.

– Столько и не потребуется! – радостно воскликнул он.

После ужина решили прогуляться в гору. Дойдя до окраины леса, откуда брали свое начало широкие, поросшие разнотравьем и кустами рододендрона и азалии луга, остановились. Окрасив каменистую вершину горы в медно-ржавый цвет, догорало солнце, даря последнее теп-

ло остывающей к ночи земле. Любуясь дикой, необузданной красотой, Борис присел у старой, взбравшейся столь высоко березы, стоявшей в отдалении от стройных пушистых елей. Прислонившись к искривленному ветрами стволу, с наслаждением вытянул ноги. Рядом примостился Игорь, вздрагивая от порывов ветра.

– Не простудись! – заботливо подняв воротник у куртки, предупредил он отца.

Пока поднимались в гору, Игорь молчал, и Бориса это беспокоило.

– О чем все думаешь, сынок?

– Так, вспомнились Олег с Катей. Хорошие ребята! Осенью собираются свадьбу сыграть.

Борис уловил в голосе сына легкие нотки зависти.

– Молодцы! Надо бы не забыть поздравить. Рад за них? – спросил напрямик, не юля.

Игорь оторвал травинку, зубами выдавил горьковатый сок.

– Конечно, рад. Ты только ничего не подумай. Мне просто за свою глупость досадно. – Ресницы Игоря запрыгали. – За то, что Полинку потерял. Такую девушку я больше никогда не встречу...

Лес, смягченный вечерними полутонами заходящего солнца, дышал ровно. Они еще немного поговорили, вспоминая время, проведенное с младшим Игнатовым и его невестой.

Обратно спускались еще засветло, пробираясь сквозь скрипящий лес, ведя на ходу пустой, незатейливый разговор. Где-то вдалеке суетливо спорили сороки, выясняя между собой отношения.

Игорь отказался от традиционного вечернего чая, настоящего на успокоительных травах, и, сославшись на усталость, отправился спать. Провожая сына взглядом, Борис отчего-то испытывал неискупное чувство вины перед ним. Немного погодя, он поднялся наверх. Укладываясь рядом, прислушался к ровному дыханию Игоря. В голове тяжелыми каменными жерновами заворачивались мысли о Полине, его бывшей девушке.

13

Семья Полины проживала на соседней улице. С Игорем она училась в одной школе. Когда в старших классах ребята увлеклись друг другом, девушка стала часто появляться в их доме.

Борису Полина нравилась. Внимательная и не по годам рассудительная, она первой обратила внимание на странности в поведении Игоря и забила тревогу. Скоро удалось узнать, что ее возлюбленный, связавшись с сомнительными людьми, подсел на наркотики. Обеспокоившись, она бросилась вытаскивать его из компании, в которой тот оказался. Когда поняла, что сама не справится, решила открыться его ни о чем не догадывавшейся матери, сильно ее шокировав.

После отъезда Игоря в Москву на учебу, Полина поступила в местное хореографическое училище. Теперь их отношения продолжились в переписках, звонках и встречах всякий раз, когда он ненадолго приезжал навестить родителей. Борис отмечал про себя: часто раздражаясь по мелочам,

сын в присутствии Полины становился спокойным, будто состояние умиротворенности передавалось ему от нее.

Со временем их общение становилось все реже, и однажды Игорь перестал отвечать на ее звонки. И только когда Борис вернул сына из столицы в родные места, молодые вновь стали встречаться. Но это продолжалось недолго...

Мысли о бывшей девушке сына не отпускали Силова. Устав ворочаться, он встал и, стараясь не разбудить спящего, спустился во двор, продолжая вести разговор с самим собой.

«Наверное, Полинка сейчас встречается с каким-нибудь молодым человеком, – думал Борис, пытаясь в то же время найти этому оправдание. – Ну, а что, времени-то сколько прошло, как они с Игорем расстались! Не всю же жизнь ей сохнуть по нему». В глубине души он как отец мечтал, чтобы случилось чудо и отношения у сына с его бывшей девушкой каким-то невероятным образом вновь наладились. Но разум умудренного жизнью человека подсказывал, что это вряд ли случится.

Лес вокруг, ошетинившись, стоял угрюмый. Изрядно продрогнув, Борис вернулся в «палату» и залез в еще не остывший спальный мешок. На полу, рядом с его головой, поблескивая сталью, лежала, свернувшись в кучку, цепь. На этот раз сон быстро подкрался к нему. Уже засыпая, он успел подумать, какая сакральная участь ждала поутру эту грудку железа.

К «похоронам» Силовы приступили до завтрака. Все обставили по своему воображению. В ближайшей дождевой промоине немного углубили дно, сбросили туда цепь с замками, завалили землей, сверху поставили камень. Сразу после завтрака решили спуститься в село. Надо было пополнить запасы провианта. Обратно шли через мшистый лес, в котором Борис успел проторить заметную тропу. Со всех сторон их окружали стройные сосны и кружевные ели, величаво упиравшиеся острыми верхушками в небесную синь. Изредка попадались высоченные гладкоствольные чинары и старые, словно из сказки о лесных чудищах, кряжистые дубы. У одного такого великана они остановились, решив немного передохнуть.

– После обеда поеду в город, – объявил Борис, припадая спиной к могучему стволу. – Надо проверить, как идут дела фирмы.

– Можно мне с тобой? – осторожно, словно боясь спугнуть севшую на соседнюю ветку сойку, попросил Игорь. – А то я здесь совсем одичал.

Борис все еще не решался до конца довериться сыну.

– Останешься на хозяйстве. – Ответил сухо, боясь смалодушничать и поддаться его жалобному тону. – Ты теперь свободен. Можешь гулять, где хочешь. Но в город еще рановато. Вернусь – переедем на базу. Тут недалеко, километрах в тридцати. Вот там и будет тебе какая-никакая, а все же цивилизация. Сезон туризма в разгаре, так что будет с кем пообщаться.

Радуюсь, что больше не придется сидеть на приколе, Игорь согласно кивнул:

– Как скажешь.

14

Июль этим летом выдался необычайно жарким. Ставрополь встретил Бориса горячим, обжигающим лицо ветром. Все последние месяцы работу фирмы он контролировал по телефону, оставив доверенным лицом своего зама, а потому первым делом заскочил в офис. Убедившись, что все идет в обычном режиме, он, порадовавшись за слаженную работу преданных их общему делу сотрудников, подписал несколько рабочих документов и покинул здание.

Сразу после этого они встретились с Игнатовым и пообедали в кафе. Разговор, как всегда, вели об Игоре.

– Правильно сделал, что не взял его с собой в город, – заметил Павел. – Рано еще. Но и одичалой жизни с него хватит. Будем постепенно возвращать парня в нормальное общество. Социализировать, так сказать.

Борис кивнул, соглашаясь с ним.

– Я тут базу одну присмотрел в горах. Хочу его туда перевезти, ближе к людям.

– С этого и начнем, – одобрил Игнатов.

Прощавшись, Борис заехал домой, чтобы собрать необходимые вещи. Оставалось еще одно дело, возможно, самое важное, из-за которого, собственно, он и вернулся в Ставрополь...

Хореографическая студия, в которой преподавала Полина, находилась в одном из зданий нового микрорайона. Однажды Борис уже бывал здесь, когда просил девушку помочь вернуть Игоря к прежней, привычной жизни. Тогда Полина согласилась. Все свое свободное от учебы и репетиций время она проводила рядом с любимым, проходящим лечение в местной клинике. Но в тот раз они проиграли. При первой же возможности Игорь сбежал из города и перестал выходить со всеми на связь. Полина посчитала его поступок предательством и заявила, что больше не намерена тратить свою жизнь на него.

Борис помнил ее слова. И все же сейчас, в глубине души, он вновь рассчитывал на ее помощь. Надеялся, что ему удастся упросить Полину хотя бы раз повидаться с Игорем, поговорить, настроить его на желание окончательно изменить свою жизнь. Однако его терзали сомнения: захочет ли она этой встречи? Найдет ли в себе силы повидаться? А главное, остались ли в ней к нему прежние чувства?

Полина не сразу узнала в вошедшем в зал человеке старшего Силова. С тех пор, как они виделись в последний раз, мужчина сильно изменился: заметно похудел, в висках прибавилось седины, а на осунувшемся, мертвенно-бледном лице заметно потускнели большие глаза. Что-то тревожное было во всем его облике.

Забыв ответить на приветствие Бориса, Полина, нерешительно приблизившись, обеспокоенно спросила:

– Что-то с Игорем?

– С ним все хорошо, – торопливо проговорил Силлов, заметив, как дрогнули ее ресницы. – Вот решил проведать тебя. Как поживаешь, Поля?

Девушка неопределенно качнула головой. Отпустив на короткий перерыв студийцев, с которыми проводила репетицию, она предложила ему пройти к распахнутому окну.

– С ним точно все хорошо?

Поймав ее недоверчивый взгляд, Борис перевел свой в окно, за которым, недовольно трясая ветками, словно жалуясь на дерущихся воробьев, росла березка. Он не хотел обманывать ее, сказал правду:

– Почти хорошо. Но мы к этому идем!

Появившийся в глазах Полины свет надежды тотчас погас после услышанных слов. Борис стало очевидно: девушка не настроена на долгий разговор. Немного помявшись, он осторожно поинтересовался:

– Скажи, у тебя кто-то появился?

Полина скрестила руки на груди, словно закрываясь от всего, что было в прошлом.

– А если так?

Борис сник. Знал бы он, какой чудовищной силы ветры бушевали в этот момент в ее груди.

– Если так, то не вижу смысла дальше отрывать тебя от дела, – с болью в голосе проговорил

он. – Я все понимаю, Поля. Время не стоит. Ты девушка видная, без внимания мужчин не осталась бы. Мне не стоило приходить, беспокоить тебя. Извини!

Она молчала. Крепко сжимая в руке ремень от наплечной сумки, застыл и Борис. Когда молчание стало затягиваться, он, чувствуя неловкость, быстро развернулся, намереваясь уйти.

– Нет у меня никого, – услышал Борис тихий голос девушки. – Я все еще не могу его забыть.

Медленно, словно боясь спугнуть удачу, он обернулся. Их глаза встретились. По нежным, в легком румянце щекам девушки торили дорожку слезы. Смахнув их с длинных ресниц, Полина вскинула голову:

– Где он сейчас, в очередной клинике?

– В горах.

– В лечебнице?

Борис через силу улыбнулся:

– Можно и так сказать.

Не вдаваясь в подробности, он поведал Полине о докторе Игнатове и его методике лечения.

Губы девушки недоверчиво искривились:

– Думаете, этот врач сможет помочь Игорю избавиться от проблемы? После всех ваших мытарств мне в это трудно поверить.

– Я очень надеюсь на его помощь. И если бы рядом с Игорем был его любимый человек...

Последняя фраза заставила Полину вздрогнуть.

– Так вот зачем вы здесь? Я долго была рядом с ним и что?! Сколько сил и времени, сколько бессонных ночей и слез! – Она опустила руки, безжалостно выстрелила: – Игорь – наркоман и живет одной лишь мыслью, как бы достать наркотик и забыться, погрузиться в свои грезы. Он не думает о вас, обо мне, о будущем. Сколько таких лежит на кладбище?!

По щекам Бориса забегали желваки:

– А ты жестокая!

– У него научилась быть такой.

Не выдержав ее вызывающе прямого взгляда, Силев отвернулся.

– В сущности, ты права, Полина, права. Но я отец. И как бы там ни было, моя обязанность как родителя помочь сыну. И если не получится и в этот раз...

Договаривать он не стал.

Щеки Полины зарделись:

– Извините, я не должна была говорить это. Сорвалась. – Слабая улыбка осветила ее лицо: – А дерзко вы с ним поступили, посадив на цепь!

– А что было делать? – развел руками Борис. – Ничего другого не оставалось. Но сейчас он свободен от оков...

К удивлению Силова, долго уговаривать Полину не пришлось. Немного подумав, она согласилась навестить бывшего парня.

– Конечно, я поговорю с ним. Только одно условие: я должна буду сразу же вернуться в

Ставрополь, – прощаясь до утра, предупредила она, пояснив: – Готовимся с коллективом к очень важному конкурсу.

Борис не скрывал своей радости. В нем зародилась надежда, что, найдя Игоря заметно изменившимся, сердце Полины дрогнет и, кто знает, может, их чувства снова склеятся.

15

Чтобы успеть до жары, выезжали рано утром. Как ни старался Борис, но завести с Полиной разговор не получалось. Занятая своими мыслями, девушка все больше молчала, отвечая на вопросы односложно, после чего вновь надолго замолкала. Только когда вдалеке показались отливающие синью горы, лицо ее по-детски просияло.

– Боже, какое великолепие! – с восторгом выдохнула она. – Какая красота! А я только однажды была в горах, – призналась она. – Правда, это было давно, еще в школе.

– Как?! Это же совсем близко от нашего города! – искренне удивился Борис. – Ты что, не бывала с родителями в Архызе, Домбае? И Игорь не возил?

– У родителей не получалось, а Игорь... Очевидно, ему не до того было.

Справа от дороги навстречу им бежал шумливый Большой Зеленчук, над которым стлался рваными клочьями легкий туман.

– Да, горы прекрасны! – проговорил Борис, глядя, какими зачарованными глазами девуш-

ка провожает пробежавшие мимо них покрытые мохнатым лесом пологие склоны.

– А вы бывали на Русской равнине? – спросила Полина, сопровождая взглядом стремительные купоросного цвета воды реки, перекатывавшиеся через отшлифованные веками гранитные и базальтовые камни. – Я недавно была в средней полосе России. Тоже очень красиво. У нас там много родственников живет. Вот подумываю переехать в те края.

Столь буднично озвученное Полиной известие о задуманном ею отъезде больно резануло слух Бориса. Тревожное предчувствие чего-то неотвратимого, безвозвратного охватило его. Рушились все надежды на их сближение с Игорем.

– А как же родители?

– Кроме них, меня здесь ничего не держит.

– Как скоро планируешь уехать? – с трудом выговорил Борис.

– Конкурс пройдем и...

– А как же студия?

– Хореографией везде можно заниматься.

– Жаль. Жаль, что покидаешь... э-э... Что не сложится... э-э... – Борис бессвязно забормотал, пытаясь подобрать нужные слова. – Что не знакома с местными красотами. Кавказ... он прекрасен! Здесь каждый уголок... – Почувствовав неловкость от того, что в столь важный для него момент разговора понес всякую несусветицу, Борис насупил брови: – Полина, может, стоит простить Игоря и попробовать начать все заново?

Лицо девушки, до этого момента безмятежное от созерцания красоты, вдруг посуровело. Полноватые, красиво очерченные губы сжались.

– Зачем? Зачем, вообще, я еду? Чтобы снова обмануться? Опять нянчиться с ним, как с малым ребенком? Несколько лет моей жизни прошли в нескончаемом кошмаре. Разве вы не понимаете, что Игоря уже не изменить?! – Ненадолго замолчав, Полина продолжала, но уже менее эмоционально. – В последнюю нашу встречу я увидела его другим. Прежде он был вежлив, обходителен, чуток ко мне. Ни слова матерного не позволял себе. А потом его словно подменили. Иногда я спрашивала себя: зачем мне все это надо? Но я любила его и надеялась на лучшее, поэтому терпела. Оказалось, напрасно. Больше я такого не хочу. Вы просили встретиться с ним? Что ж, может, мне удастся найти несколько слов в поддержку, но на большее не рассчитывайте. Я устала от таких отношений.

Слушая откровения Полины, Борис до боли стиснул зубы. Он не почувствовал, как нога до упора утопила педаль газа. Очнулся, только когда на крутом повороте джип резко бросило вправо, на обочину. С трудом вернув автомобиль на дорогу, Борис сбавил скорость и съехал с дороги. От пережитого волнения – ведь мог угробить не только себя, но и эту девочку, от страха вжавшуюся в кресло! – громко застучало сердце. Задышавшись от нехватки воздуха, он медленно смахнул дрожащей рукой выступивший на лбу пот и, едва

сдерживая готовый вырваться наружу мат, громко выпалил:

– Будь прокляты все, кто губит наших детей! Гореть им в аду! Я бы собственными руками уничтожил всех наркодельцов...

Полина только сейчас вдруг осознала до конца, через какие страдания прошел этот человек, потерявший жену и одного из сыновей и теперь боровшийся за жизнь другого. Разве ее личные переживания могли быть сравнимы с этим? И все же она была уверена: их дальнейшие отношения с Игорем невозможны. И лучше уж сейчас все прояснить.

– Кто-то заметил, что в этом мире ничего случайно не происходит. Все предопределено свыше. Думаю, и ваша с Игорем связь не была случайной, – приходя в себя, произнес Борис, потянувшись к ключу зажигания.

Машина въехала во двор в тот самый момент, когда Игорь суетился у очага, готовя обед. Услышав шум двигателя, он вышел навстречу отцу. Приезд Полины явился для него полной неожиданностью. Увидев ее, он в нерешительности остановился на полпути. Время, что они не виделись, явно пошло девушке на пользу. Полина была хороша в своих облегающих черных джинсах и приталенной светлой кофточке. С нескрываемым восхищением Игорь стал разглядывать ее, ощущая, как почти забытое чувство вновь просыпается в нем.

Заметив на лице Игоря радость, Полина приветливо улыбнулась в ответ.

– Ну, думаю, вам есть о чем потолковать. – Борис ободряюще кивнул сыну. – Покажи Полинке здешние красоты, пока я буду готовить мясо. Хочу накормить вас вкусным шашлыком.

16

Углубившись в лес, Игорь с Полиной уже больше часа отсутствовали. Борис с опаской поглядывал на небо. Грозя проливным дождем, с севера тянулись черные, дымные, похожие на грязную овчинку, тучи. Заметив ребят, торопливо шагавших по тропе, Силов схватился за половник, разливая по мискам горячий шулюм.

– Прошу всех немедленно к столу! – махнул он им рукой. – Сначала немного жидкого, а потом мясо.

– Пожалуйста, отвезите меня обратно! – едва приблизившись, неожиданно попросила Полина. – Пожалуйста! Вы обещали сегодня же вернуть меня в город.

Хмурое лицо девушки красноречиво говорило о том, что их встреча с Игорем вышла не из приятных.

Согнувшись, Борис устало опустил плечи. Его надежда оказалась напрасной. Как можно мягче он предложил:

– Поешь, Поля. Успеем еще вернуться в город. Да и немного отдохнуть не помешает. Второй день за рулем.

Он лукавил, говоря об усталости. В действительности, хотел еще немного времени урвать у судьбы, хоть несколько мгновений, чтобы дать возможность сыну подольше пообщаться. Но Полина была непреклонна.

– Вы обещали...

– Я помню. – Голос Бориса возвысился. – Обещал, значит, отвезу. Поесть-то ты мне дашь?

– Простите! Конечно! – смутилась девушка, отходя от стола. – Я не буду. Не голодна.

– И я сыт, – буркнул Игорь, отправляясь к себе.

Глядя на поникшего, словно мокрая курица, сына, Борис ругнулся про себя и, отшвырнув в сторону половник, зашагал к машине.

Заслышав звук двигателя, Игорь, к тому времени успевший подняться на второй этаж, снова сбежал вниз и бросился к автомобилю, но было поздно. Набирая скорость, иномарка нырнула в лес, чтобы в следующую минуту скрыться за ближайшим поворотом.

Обернувшись назад, Полина видела, как бежал Игорь.

– Кажется, он просит остановиться, – робко произнесла она.

Борис не ответил, лишь сильнее, до скрипа, сжал зубы. И только когда машина спустилась в долину и на большой скорости поехала вдоль реки, отбрасывая от колес щебенку пополам с комьями грязи, громко произнес:

– Поздно! – Занятый своими мыслями, он не сразу услышал, как несколько раз всхлипну-

ла сидевшая за спиной Полина. Свернув к реке, Борис остановился. – Все уже слишком поздно, – в отчаянии повторил он и, оставив девушку одну в салоне, пошел вдоль реки, огибая редкие деревца и выброшенные на берег валуны. У одного из них он остановился. Почувствовав рукой гладкую, холодную поверхность камня, с трудом сдержал готовый вырваться наружу крик беспомощности.

Полина была благодарна Борису за то, что не стал в дороге пытаться о ее разговоре с Игорем. Не лез в душу с советами и наставлениями, ссылаясь на пресловутый жизненный опыт. У каждого он свой, неповторимый багаж удач и неудач, ошибок и верных решений. Достав из сумочки косметичку, она стала приводить себя в порядок.

Услышав сзади шаги, Борис обернулся, кивнул благодарно:

– Спасибо тебе, Поля, что согласилась встретиться с Игорем.

Слабая улыбка коснулась ее губ:

– Почему вы не спрашиваете, о чем мы с ним говорили?

– Зачем? Вмешиваться в ваши отношения я не собирался. Это ваше личное. Вы – взрослые люди, и каждый из вас решает, что для него хорошо, а что плохо.

Подобрав несколько камешков, Полина присела рядом и стала бросать их в воду. Затем, совсем по-детски раскрыв ладошку, протянула оставшиеся Борису, призывая последовать ее примеру.

– Говорят, где-то на земле есть племя, которое топит в воде все свои горести и печали, бросая в нее камни.

Взглянув в ее открытые нараспашку синие глаза, Сиров улыбнулся:

– Если бы все так просто было, я бы утопил целую гору!

Полина пересыпала в его широкую ладонь часть камней.

– Игорь, действительно, изменился. Похоже, ваши с доктором усилия не проходят даром. Только эгоизм его никуда не делся. Мы с ним неплохо пообщались, но под конец меня просто взбесила фраза: «Хочу, чтобы ты всегда была со мной, как раньше».

Не понимая, что могло задеть девушку в этих словах, Борис воскликнул:

– Так это же прекрасно! Значит, он по-прежнему тебя любит!

Полина нахмурилась.

– Вы полагаете? Я ожидала услышать нечто другое. Например: я изменился и хочу дальше по жизни идти рядом с тобой: любить, заботиться. Понимаете разницу? Не я всегда с ним, а мы рядом, в одном направлении!

В словах Полины Сиров увидел главное: она все еще любит его сына. Широко размахнувшись, он бросил все камни в реку:

– Да, ты права. Только для того, чтобы идти дальше, ему необходимо уже сейчас найти новые силы. И если бы ты сумела ему помочь, дать еще один шанс...

Полина встала с холодного камня.

– Что ж, я готова утопить в этой реке все плохое, что было у нас с Игорем. Готова дать еще один шанс. На этот раз, действительно, последний.

Напористый ветер разметал по небу тучи, и погрузневшее перед этим небо снова прояснилось.

– И ты не бросишь нас? Не уедешь на широкую Русскую равнину? – улыбнулся благодарно ей Борис и шутливо подмигнул.

– Очень уж мне горы приглянулись! – ответила ему тем же Полина. – И я не прочь еще раз побывать здесь. А равнина... Что ж, равнина никуда не денется.

17

Из Ставрополя Борис вернулся в сумерках. Не застав сына во дворе, он обошел оба пустующих корпуса, заскочил в бывшую кочегарку. Игоря нигде не было. Подумав, что, возможно, он решил прогуляться, Борис вошел в чуть влажноватый от недавно прошедшего легкого дождя лес, направляясь к большому замшелому камню с остатками древних петроглифов, у которого Игорь любил бывать. Но и здесь он его не застал.

Осыпaeмый падавшими с деревьев каплями влаги Силон вернулся к кочегарке. Здесь, в куче старого битого кирпича, он прятал свое ружье. Достав двустволку, замотанную в промасленную ветошь, несколько минут стоял, размышляя, как быть дальше, затем нерешительной походкой побрел к залитому дождем очагу.

По-стариковски ссутулившись, с ружьем на коленях, Борис довольно долго просидел, устремив свой невидящий взгляд в пустоту и размышляя о своей незавидной доле. Было похоже, что Игорь сбежал, и причиной тому была встреча с Полиной, которую он, Борис, организовал, желая лучшего. Снова пускаться в поиски сына, чтобы все повторить с самого начала, у него не оставалось ни сил, ни желания. Очевидно, девушка была права, когда говорила, что Игоря уже не переделать. Да и можно ли вообще изменить наркомана?

От накрывшей ли сырости или волнения мелкой дробью застучали зубы. Борис передернул плечами, стряхивая с себя нервное напряжение. Нужно было подняться наверх за теплыми вещами, но ноги не слушались. Взгляд скользнул по ружью. «Вот оно спасение! – подумал Борис, представив, как подносит оружие к голове и нажимает на курок. – Раз, и никаких больше проблем!»

Неожиданно прямо перед ним волчьим глазом засветился между деревьями огонек фонарика. Игорь появился, тихо насвистывая нехитрую мелодию. Заметив отца, подошел и сел рядом. Он казался абсолютно спокойным.

– Думал, сегодня уже не ждать тебя. Ну что, отвез Полину?

Измучившийся от переживаний, Борис с облегчением подумал: «Не сбежал! Значит, есть, есть толк в лечении!» Стараясь не показать свою озабоченность долгим отсутствием сына, он утвердительно кивнул:

– Отвез.

– Ну и хорошо. А я решил прогуляться. – Игорь протяжно зевнул, словно показывая этим, что дальнейший разговор о Полине ему безынтересен. – Нашел небольшой водопад, в котором можно купаться. Жаль, что не успею показать тебе.

Борис вспомнил, что по возвращении обещал переехать с ним на лесную туристическую базу.

– Можем с утра сходить, – предложил он. – А после обеда съедем отсюда. В лагере тебе понравится. Там много молодежи собирается: туристы, альпинисты. Поля обещала навестить тебя там.

– Вранье, – скривился Игорь. – Думаю, мы виделись в последний раз. Сказала, что собирается уехать.

– Уже передумала. Уверен: она приедет к тебе.

– Не стоит. И в лагере мне не понравится, – вдруг отрезал Игорь громким, полным крепкого металла голосом. – Так что ни на какую базу я не поеду. В город хочу. Чувствую я себя прекрасно, так что завтра возвращаемся в Ставрополь, – не терпящим возражения тоном сообщил он.

От неожиданности Борис вздрогнул, нервно погладил цевье ружья, по-прежнему лежавшего на коленях.

– Это мне решать, куда ехать, – ответил как можно спокойнее.

Игорь с усмешкой глянул на оружие.

– А то что, стрелять будешь? Так мне все равно помирать.

Борис поднял на сына тяжелый взгляд:

– Поясни!

Игорь отвел глаза.

– Помнишь, я рассказывал тебе про Мишку, сына декана из медакадемии, который нашего Вовку на джараш подсадил?

– Что еще за джараш?

– Смесь такая, курительная. Джараш, индусик, спайс, смок – много их.

– И что?

Неожиданно нервный, истерический хохот сына разорвал вечернюю тишину:

– Умер Мишка Молотков! Умер, понимаешь?

Борис насутился.

– Это тебе Полина сказала?

– Она. Отец Мишку долго лечил. Потом в Ростов, к родственникам отвез, подальше от старой шоблы. На работу устроил. Каждые выходные навещал, держа на контроле. Полгода вроде все хорошо шло. В прошлую субботу снова встречались. Мишка своими планами делился на будущее. Хотел к жене вернуться, к сыну-малолетке. Вечером проводил отца на поезд. А утром доцент едва успел войти в свою квартиру – звонок из Ростова. Родня сообщила – Мишка умер. – Голос Игоря задрожал. – Как же такое возможно, папа? Его же лечили! Выходит, все это бесполезно?

Борис не был знаком с умершим. Однако смерть молодого человека встревожила его чрезвычайно. В порыве охвативших отцовских чувств он притянул сына к себе и развернул лицом. В ночном полумраке заметил, как заблестели глаза Игоря.

– В жизни всякое с людьми случается, – вымолвил он первое, что пришло на ум. – На то она и жизнь.

– Как же так?! – всхлипнув, в отчаянии повторил Игорь, уткнувшись в грудь отца. – Ведь лечили же.

– Павел как-то говорил, что наркоманы часто умирают от полиорганной недостаточности. Я так понимаю – это когда организм человека так сильно изношен, что начинает отказывать в работе. Но у тебя с этим все в порядке.

Игорь оторвался от отца, коснулся обшлагом рукава ветровки повлажневших глаз и резко встал.

– В общем, ни на какую базу я не поеду. Если мне немного осталось пожить, то проживу, как хочу. Весело проживу!

Он снова неожиданно расхохотался, и смех этот, жуткий по своему звучанию, сковал грудь Бориса леденящим страхом.

– Да с чего ты решил, что все наркоманы непременно умирают? Миллионы людей, пройдя через наркотики, живут и здравствуют. Не стоит хандрить! – Он попытался взбодрить сына: – Не смей ныть! Жизнь наладится. И с Полиной все у вас будет хорошо. Любит она тебя...

– Это уже неважно. – Игорь отошел на несколько шагов, опустив руки в карманы брюк, обернулся. – Мне все равно не жить. Думаешь, если привез в эту глухомань, то спас от смерти? Меня наверняка давно разыскивают.

Борис почувствовал, как вспотели ладони, сжимавшие оружие.

– Кто тебя может разыскивать?

– Люди, на которых я работаю. Работал, – поправил себя Игорь. – Ты же ничего не знаешь. Мы с одним человеком привезли в город партию «азота». Это наркота в таблетках. Должны были раскидать каждый по своим каналам. Я не успел. Вы с Игнатовым помешали. Теперь боссы будут думать, что я сбежал с товаром.

– Боссы, «азот», наркота... Прямо Сицилия какая-то! – недовольно проворчал Борис. – И где тот товар?

– Спрятал в надежном месте.

– Надо вернуть, иначе и в самом деле убьют. Ты брал за это деньги?

– Нет, этим занимается другая бригада.

– Ну, тогда и волноваться не о чем. Вернешь все хозяевам и дело с концом.

– Ошибаешься. Они беглецов не прощают. А я в их глазах... В общем, на базу не поеду. Надоела вся эта хрень-канитель. Мне в город надо. Хочешь стрелять – стреляй!

Борис встал, подошел ближе, едва удерживаясь на ногах.

– Устал я от тебя. От всего устал, понимаешь? Всё так сложно стало в моей жизни: врачи, клиники, твои боссы, наркотики... – Достав из кармана связку ключей, он протянул их сыну: – Я как чувствовал, откопал цепь. Она в багажнике машины. Достань ее, иди наверх и пристегнись к стене. А с твоими «работодателями» я как-нибудь разберусь.

Зубы Игоря блеснули в злобном оскале:

– Крутым себя считаешь? Да они любого в порошок сотрут!

– Разберусь, – повторил Борис, угрожаясь подняв оружие. – Иди, сынок. Думаешь, в ружье снова холостые патроны?

Грязно выругавшись, Игорь швырнул ключи на землю:

– Да пошел ты...

Договорить он не успел. Гулкое эхо разнесло по горам два громких хлопка...

С беспросветного серого неба, застывшего с раннего утра над городом, накрапывал дремотный, душный дождь, временами переходящий в мокрый снег. Природа готовилась к зимней спячке, чтобы, накопив сил, проснуться по весне с новыми красками.

Оставив позади притихшие дома и истреппанные осенними ветрами каштаны, росшие на проспекте Карла Маркса, автомобиль, за рулем которого сидел Павел Игнатов, проскочил мимо здания цирка, свернул влево, к старинному Успенскому храму. Здесь его поджидал сын Олег со своей невестой Катей.

Полчаса спустя белая «Нива» остановилась у ворот старого городского кладбища, прозванного в народе «У танка». Здесь, недалеко от последнего пристанища многих поколений горожан, действительно, стоял, возвышаясь на небольшом пьедестале, знаменитый танк «Т-34» как напоми-

нение о суровых военных годах и победе советского народа над фашистской Германией.

Отыскав глазами стоявшего неподалеку от входа в кладбищенский двор мужчину с большим букетом роз, Павел подошел к нему. Пожимая протянутую для приветствия руку, вздохнул:

– Извини, задержались немного! Пробки! Даже в воскресное утро в городе полно машин. И чего народу дома не сидится?!

Поздоровавшись с подошедшими следом Олегом и его девушкой, мужчина с букетом роз взял Игнатова под локоть и отвел в сторону:

– Спасибо, что откликнулись! Мои, очевидно, тоже где-то застряли в дороге. Подождем несколько минут. А пока расскажи: ты выполнил мою просьбу?

Павел утвердительно кивнул.

– Да, все, как ты просил. Вчера в очередной раз встречался со знакомым офицером из наркоконтроля. Я тебе рассказывал о нем. Это тот, что помогал мне с Олегом, чтобы не посадили за наркотики. Вопрос с твоим сыном будет решен положительно. Его, конечно, немного потрясут. Без этого никак. После этого свяжутся с московскими наркоборцами. В общем, наше местное ведомство очень заинтересовалось этим делом. Они понимают: при удачном раскладе многих будут ожидать награды и повышение по службе. В общем, все будет хорошо.

Едва они договорили, как рядом остановилось такси. Из машины вышли молодой человек и

девушка. В руках парень также держал большой букет роз.

– Ты как-то упоминал, что это были любимые цветы мамы! – подойдя ближе, произнес Игорь и приобнял отца.

Подскочив, Олег, вслед за своим отцом, заключил его в объятия.

– Ну, наконец-то мы познакомимся с твоей второй половинкой! – воскликнул он, расплываясь в улыбке девушке рядом с ним. – Наслышаны-наслышаны! Когда в последнее время наезжали к нему в горы, только о вас все время и говорил!

Несколько смутившись под пристальными взглядами собравшихся, девушка представилась, протягивая руку:

– Полина! – После чего, кинув на Игоря короткий взгляд, добавила: – И я еще не его половинка.

– Да?! – наигранно удивился Олег и по-приятельски хлопнул парня по плечу. – Ты что, до сих пор не сделал ей предложение? Понимаю: боишься взять на себя ответственность!

– Трусоват немного, – подмигнув, согласился с ним Игорь. – Но я справлюсь. Обещаю.

– Смотри, дружище, не опоздай! Кто-нибудь да перехватит эту красоту...

Ведя немудреный разговор, они пошли по главной аллее кладбища, направляясь к могилам жены и младшего сына Бориса Силова.

Воспользовавшись тем, что молодые немного оторвались от них, увлеченно обсуждая намеченную на следующую неделю свадьбу Олега с Катей, Павел поинтересовался:

– Борис, а ты ружье сохранил? Коллеги по работе предлагают съездить с ними на охоту. Может, махнем?

– Не получится, – хмыкнул Силов. – Нет больше ружья. Мы его с Игорем торжественно... кхм... в общем, утопили в Зеленчуке. Решили жить дальше без оглядки на прошлое...

* * *

Когда никто не любит нас,
когда, прищурив третий глаз,
с утра озлоблен, как собака,
а время песенки поёт,
и снег за окнами идёт
такой же, как у Пастернака.

Я сам с собою говорю.
Я так тебя благодарю
за жизнь, разыгранную в
лицах,
за то, что снова будет свет,
за интригующий сюжет
и бесполезные вещицы.

За двор, покрытый серебром,
и бабу с мусорным ведром.
За то, что есть немного денег.
За эту улицу во льду,
за то, что я по ней иду
довольный, как электровеник.

За хлеб и плавленный сырок.
За то, что ты не очень строг,
назад не требуешь билета.
За эти ёлочки в снегу.
За то, что запросто могу
благодарить тебя за это.

**Станислав
ЛИВИНСКИЙ**

Поэзия

Вот идиллия – на речке
курит с удочкой мужик,
у Пирата хвост колечком,
набок вывален язык.

С книжкой Чехова девица
лет, наверно, двадцати,
на неё комар садится
дней, наверно, двадцати.

Бабка внукам что-то вяжет,
кошка вертится у ног.
Облака бегут опять же.
Я б так выдумать не смог.

Дед затарился «Столичной»
в магазинчике «Уют».
А ещё – щебечет птичка,
знать бы, как её зовут.

Как сошлись, кого увидели
и какой разбили сад?!
Это ведь мои родители
сорок лет тому назад

принесли весенним вечером
из роддома плод любви.
Имя дав, очеловечили.
Ну, давай, теперь живи!

Чтобы юная прелестница
оставляла свой засос,
и скрипела в доме лестница,
а ещё – шиповник рос.

Чтоб звала старуха Мурзика,
и готовилась еда.
Чтобы слово стало музыкой
и осталось навсегда.

В саду за хлипкою оградой
живут жуки, сверчки и слизни,
и яблоки на землю падают,
уставшие от сладкой жизни.

Их соберёт в передник грустная
чудаковатая старушка.
Из них варенье выйдет вкусное,
а может – сморщенная сушка.

А может быть, у швейной фабрики,
где рынок возле остановки,
она продаст все эти яблоки
без сожаленья по дешёвке.

В чистом поле – вечный путник
в стольном граде – пешеход,
человек дойдёт до сути
и возьмёт самоотвод.

Он посмотрит, как художник,
не жалеющий белил.
Я бы тоже взял треножник,
кисти с красками купил.

И стоял бы, как Саврасов,
перед новеньким холстом,
чтобы школьник младших классов
не бездельничал потом.

Написал бы лужи эти,
отразил полутона,
облакам и всем на свете
дал свои бы имена.

Дышим воздухом сплошь
загазованным
и не лезем в карман за словцом,
и живём, как Пьеро, с нарисованным
и экзистенциальным лицом.

Уроженцы страны невезения,
расстояний, державных побед.
Там застыл колеса обозрения
ископаемый жуткий скелет.

Виноград, узловатый и жилистый,
весь облеплен с утра мошкаррой,
и деревья вдоль речки извилистой
рассчитались на первый-второй.

Мы ж любовными тешимся ссорами,
наживая рубец за рубцом.
И колючка торчит над заборами,
притворяясь терновым венцом.

Зло вымещая на природе,
лягушек мучают мальчишки.
Глядит задумчиво на воду
рыбак на тракторной крышке.

Огромный сом, смутивший реку,
а с ним комар, попавший в ужин.
Как мало нужно человеку,
как человеку много нужно.

Чтоб сохранить свою улыбку
и находить детей в капусте,
Он на крючок поймает рыбку,
но пожалеет и отпустит.

Это кто там идёт в водолазке,
оставляя следы на песке;
нарезает лучок и колбаску,
самогон остужает в реке;
ловит рыбку – должна ведь ловиться,
голубым трепетать плавником;
не убийца, не самоубийца
с необсохшим ещё молоком?!

Это я, как беспечная пташка,
воспеваю родную дыру.
Если я не родился в рубашке,
то, быть может, в рубашке умру.
Превращусь в бестолковую чайку,
прокричу над речною волной,
распутав головастика стайку,
и по небу отправлюсь домой.

Уже не здесь, ещё не там,
но седины теперь не прячу
и обывательским мечтам
я предаюсь, копая дачу.

Ну да, стал мелочен. Щелчки
в суставах тщательно считаю.
На днях купил себе очки
и первый раз в очках читаю.

Глава, ещё одна глава,
герой расстрелян по ошибке.
Плывут за стёклами слова,
переливаются, как рыбки.

А я глазами их ловлю
и вновь на волю отпускаю,
не потому что я люблю,
а потому что жизнь такая!

МРАМОРНОЕ ОДЕЯЛО¹

**Песнь пятая.
Подземный ёрш**

Широко расставленные серые глаза Агриппины резали воздух, как ножницы. Одеядлов, когда она смотрела на него, чувствовал себя вытащенным из мешка котом. Что дальше? Запихнёт обратно, прижмёт к груди? Последнее вряд ли. «Надеяться – жить без часов», – подумал он.

Рассредоточенные по салфеткам, папиросным коробкам, фантикам и промасленным обёрткам из-под «Ростовско-

¹ Окончание. Полный текст романа опубликован в № 12 2025 г. журнала «Роман-газета».

**Юрий
КОЗЛОВ**

Проза

го гамбургера» семена озорной мудрости Губы ушли в народ, как в благодатную почву, дали всходы. У Одеядлова возникла мысль записать только что придуманный им в духе «казнить нельзя помиловать» афоризм, да... вот хотя бы на лежащем на музейном подоконнике рекламном листке: «Компьютерных дел мастер. Делаю всё. Беру недорого».

Губа тоже был мастером, делал в литературе всё, что хотел, а брал... Тут Одеядлов запнулся, вспомнив царское кожаное пальто на меху. Сведений о возврате Губой отцу девятист советских рублей история не сохранила. Тем более что гарантом долга был определён, если, конечно, это не приснилось Одеядлову, домовою с нерусским именем Лео. Что же касается обещанной отцом Одеядлова Губе славы, то она пришла к нему после смерти, когда государство вдруг объявило его классиком, взялось исследовать каждую написанную им строчку, бросив клич, чтобы в музей присылали всё, что так или иначе связано с Губой.

Одеядлов собирался свернуть рекламный листок в плотный квадратик да и отправить щелчком через рояль расставляющей на столе в актовом зале музея одноразовые тарелки и вилки Агриппине. Там уже появились блюдо с пирожками и тарелка с клубникой. Он был уверен, что шаловливый «эстафет», это слово любил Достоевский, долетит. Но в последний момент передумал. Во-первых, не хотелось выглядеть эпигоном Губы. Во-вторых, он засомневался в интеллекту-

альной и литературной ценности придуманного выражения. Пока оно не тянуло на то, чтобы сделаться «крылатым».

«Вторичность – пауза перед ничтожеством».

Уже лучше, хотя и спорно. Афоризмы росли, как опята на пне. Одеялову показалось, что он добрался до самой сути творческого метода Флорентия Губы. Этот писатель выдёргивал афоризмы, как яркие нитки из серого полотна жизни, а потом обматывал ими «промасленные» человеческими страстями сюжеты. Губа играл на нитях, как на струнах, дразнил читателя, издевался над ним. Потому и не дорожил афоризмами, записывал на чём угодно, оставлял, где попало. Зачем беречь, если читатель, как свинья, всё жадно съест и вытрет губы промасленной бумагой? И читатель ел, восхищался, платил трудовым рублём, аплодировал Губе на встречах и вечерах.

...На исходе перестройки задержанные цензурой, ходившие в самиздате произведения Губы пошли в народ. Молодые журналисты из программы «Взгляд» пригласили его на дискуссию «Литература и власть» в прямом эфире. Русский человек, заявил Губа, живёт внутри насилия, как рыба в воде. Это его историческая среда обитания. Недопустимо, предупредил он, менять в России формулу воды. Если ужесточить, чтобы рвала жабры – стерпят, даже начнут энергичнее, как в тридцать седьмом году при Ежове, размножаться. Если смягчить – выпучат глаза, задохнутся. Литературное насилие над языком, смыс-

лом, приличиями, объяснил Губа, русский народ воспринимает как игру, компенсацию за насилие политическое, поэтому такие писатели, как я, будут всегда популярны. У нас всё, что не идёт от власти, или о чём она молчит – правда!

Союз писателей в ту пору ещё окончательно не задохнулся в смягчённой демократией воде, шевелил жабрами, успел выпучить глаза на Губу, прижать по партийной линии. Что вы от меня хотите, покался тот, есть присказка «губа к горькому тянется», это про меня, ляпнул чего-то спьяну, не помню. Вам до Горького, как до... – хмуро заметил председатель парткома. Самолёта «Максим Горький», радостно подсказал Губа, он разбился в 1935-м году, когда летал над Москвой. До бутылки ближе, вы правы, в этом и беда. Кому как, неожиданно возразил один из членов парткома, вторую неделю не могу отоварить талоны на водку, очередь, как в Мавзолей! Тёща при смерти, что, сухие, как комсомольская свадьба, поминки устраивать? Губе поставили на вид, посоветовали вступить в писательское общество трезвости. Оно как раз заседало в соседней комнате. Тогда по всей стране повсеместно открывались филиалы этого общества.

Губе предложили заняться общественной деятельностью во благо перестройки. Что тот и сделал, организовав при Литературном институте, куда его пригласили вести семинар прозы, курсы ораторского искусства для... слепых. Они существовали недолго, но слепые ораторы шли нарасхват у расплодившихся в то время поли-

тических партий и общественных объединений. Почему люди верят слепым, спрашивали у Губы журналисты. Потому что им неведомо наслаждение зримым, они видят то, о чём говорят, отвечал он, в отличие от зрячих говорунов.

Курсы слепых ораторов остались слепой страницей в биографии Флорентия Губы. По слухам, слепыми, поднимающими народ на борьбу за справедливость и светлое будущее ораторами заинтересовалось то ли доживающее последние месяцы КГБ, то ли какая-то новая тайная служба, занимающаяся изучением нетрадиционных методов воздействия на поведение масс и политическую ситуацию в стране.

По Государственной Думе ходила неизвестного происхождения аналитическая записка с описанием записанных со слов слепых ораторов видений во время произнесения ими речей о будущем России. Все они странным образом видели одно и то же: разрушенные города, бесконечные в государственных флагах кладбища, взрывы, толпы бредущих куда-то людей с рюкзаками и котомками, летающих в воздухе хищных железных птиц. И – одновременно: окружённые высокими стенами дворцы, сады, томно плывущие по тёплым морям яхты-небоскрёбы, золотые гостиные с картинами, изысканно накрытые столы, охранников в чёрных костюмах и торчащих вокруг столов, как свечи, мажордомов в белых перчатках. Мелькал в их видениях и какой-то маленький неопределённого возраста человек, убегающий от преследовавших его людей в чёр-

ных масках по длинному подземному коридору. Безумные выступления слепых ораторов, указывалось в записке, отчасти способствовали обострению политического кризиса в октябре 1993-го года, когда ради предотвращения гражданской войны и сохранения государства власть была вынуждена применить военную силу.

Кто-то из ранних исследователей творчества Губы направил официальный запрос в КГБ-ФСБ и получил, как сообщила Одеялову знакомая с историей вопроса Агриппина, ответ, что документы о слепых ораторах засекречены до 2057-го года, то есть до истечения времени, в какое удалось заглянуть слепым визионерам. На вопросы, а что дальше, они не отвечали.

Многие страницы жизни Губы были написаны невидимыми, как загадочное клеветническое послание на обороте комсомольского письма в будущее, чернилами. До сих пор оставалась неизвестной судьба его романа о подземном полярном городе Солегорске, где заключённые, умирая от лучевой болезни, добывали таинственную радиоактивную соль, а учёные в секретной лаборатории проводили с ней какие-то эксперименты. То ли Губа сжёг его в припадке сумасшествия, как Гоголь второй том «Мёртвых душ», то ли рукопись изъяло КГБ-ФСБ. А совсем недавно Одеялов прочитал на правительственном портале «Культура» статью, где утверждалось, что никакого подземного города никогда не существовало, а полугодовое пребывание Флорентия Губы за Полярным кругом было проявлением его

«эскапизма», сомнений в правильности взятого после XX съезда КПСС курса на борьбу с культом личности и демократизацию жизни страны. Так Константин Симонов, когда его сняли с должности главного редактора журнала «Новый мир» за публикацию романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», демонстративно уехал в Ташкент и жил там, не принимая участия в организуемых властью мероприятиях.

– Водку кто будет, рюмки ставить?» – спросила у Агриппины Щётка.

– Ставь, – ответила та, – водка и Пушкин – наше всё.

Щётка с непроглядной чёлкой, крепким шагом, ворочающимися под майкой (она ходила без лифчика) грудями, всегда готовая дать отпор, смутить неожиданным вопросом, с некоторых пор казалась Одеялову едва ли не более симпатичной, нежели Агриппина, воображающая о себе невесту что. Агриппина плыла над землёй чёрной павой, разговаривала, как сыпала бриллианты, из которых можно собирать подвески для французской королевы. Одеялов подозревал, что она из тех бессознательно приманивающих мужиков дам, у кого, как только до дела, так сразу «болит голова», «сегодня никак», «может быть, на неделе», а то и вовсе без объяснений. Зачем они это делают, он не понимал. Зачем был нужен жене Пушкина Дантес? Зачем кокетничала в Баден-Бадене с каким-то случайным французом Аполлинария Суслова, доводя Достоевского до

сумасшествия? Чем в конечном итоге обернулась «вольность самки», такой недопустимый в гендерном дискурсе термин любил использовать Губа, для русской литературы? Пушкин погиб на дуэли. Достоевский зарезал бы Суслову, если бы в последний момент не вспомнил слова сокамерника-душегуба из омского острога: «Резать легко, жить потом противно». Правда, Достоевский по следам любовных и рулеточных мучений написал роман «Игрок», но из этого произведения великого писателя Одеялов помнил только эпизод, как богатая русская старуха играла в казино, ставя на «зеришку». Даже мудрейший Лев Николаевич Толстой, измученный «вольностью» Софьи Андреевны, грудью вставшей против его решения отказаться от гонораров за литературные труды, ушёл холодной ночью из тёплой, как насиженное гнездо, Ясной Поляны и умер от воспаления лёгких на станции Астапово. А не уйди, глядишь, и пожил бы ещё, и написал нечто судьбоносное, поставившее шлагбаум на пути России в мировую войну и революцию.

Когда Агриппина стояла в музейном коридоре у окна с сигаретой, она казалась Одеялову героиней горестного, но гордого белогвардейского романа. Щётка прыгала по земле мячиком – бросок, отскок – всё логично, действие равно противодействию. Она была девушкой из бодрой песни про встречающее молодёжь прохладой и весёлым пенем гудка утра, которую её поколение не знало. Глаза у Щётки были тёмные с жёлто-зелёными искрами, как земля, когда на траву

падают лучи солнца. Такая земля врать, хитрить, выгадывать не будет. Она всегда в прямом (сельскохозяйственном) и переносном (женско-жизненном) смыслах нарастает, но только для честного, ответственного и, как подозревал Одеядов, идейно-близкого пахаря.

С Агриппиной Одеядов, как Печорин с контрабандисткой из Тамани, плыл ночью в лодке, не зная, кто кого утопит. Со Щёткой – маршировал в колонне радетелей за честные выборы или защиту бездомных животных, стоял с протестным плакатом у входа в избирательную комиссию или живодёрню. Но тянуло его, поверх здравого смысла и тревожных предчувствий, не к Щётке, выметающей из жизни уныние и двоемыслие, а к Агриппине, она же Грипа, заматающей в неё, длинным чёрным веником юбки разные болезнетворные мысли и желания.

– Давай на «ты», – вдруг предложила Одеядову Щётка на импровизированном фуршете в актовом зале с роялем по случаю получения музеем гранта от Президентского фонда культурных инициатив на подготовку сборника материалов о литературном процессе в эпоху «Большого террора» 1937–1939 годов. Тема была с подковыркой, но каким-то образом проскочила, даже без урезания запрашиваемой суммы.

В ноябре 1937-го года, если верить обнаруженному мэром Безуслова в городском архиве доносу, неизвестный злоумышленник написал невидимыми чернилами на обороте обращения комсомольцев к советским людям сороко-

вой годовщины Великого Октября тайное клеветническое послание, про которое каким-то образом узнал молодой коммунист Флорентий Губа. Иначе с чего ему подкапываться под вставший над капсулой ларёк «Союзпечать»? А что если, подумал Одеядов, слушая вступительный о предстоящей коллективной научной работе тост директрисы, Губа вообразил, что он и есть адресат двустороннего обращения? Вдруг ему каким-то образом удалось выкопать гильзу, и он, прочитав оба текста, написал свой, но чтобы потомки откопали не через двадцать, а через сто лет? Похоже, у него был какой-то свой расчёт скорости движения русского колеса истории. За двадцать лет точно не доедет, а за сто, может быть. Но куда?

В первые постсоветские десятилетия у неизвестного, писавшего невидимыми чернилами злоумышленника имелись все шансы превратиться в героя, мужественного подпольного борца против сталинского произвола. Однако нержавеющая снарядная гильза растворилась в земле. Сейчас было не очень понятно, кто этот корректировщик исторического процесса – активный гражданин или раскачивающий государственную лодку «наймит империализма», выражаясь сегодняшним языком, иноагент? Оригинал доноса музейные дамы решили включить в экспозицию, но, учитывая быстро, как картинки в клипе, меняющиеся политические нюансы, на всякий случай отправили на экспертизу в областное отделение военно-исторического общества.

– Не возражаю на «ты», – ответил Одеялов, – старикам это нравится, реанимирует приятные воспоминания и дарит несбыточные надежды.

– Ты не старик, – обещающе посмотрела ему в глаза, как выстрелила сладкой дробью, Щётка, – не молодой, но сгодишься.

– Для чего? – Одеялов вспомнил, что Щётка принципиальная противница алкоголя. И сейчас в стакане у неё пузырилась минеральная вода. Значит, не светский под рюмку разговор. – Или на что?

Её определили в составители сборника. Она оформляла заявку на грант, ей и карты в руки. Тематика совпадала с её диссертацией. По лицам музейных дам Одеялов понял, что их тревожит исполнительское (поверх субординации) рвение Щётки. Ещё и деньги не упали на счёт, и по первой толком не успели выпить, а она уже завела разговор, что если обратное послание существует, его следует считать политическим памфлетом, то есть литературным произведением и обязательно включить в сборник, наряду с обращением комсомольцев к советским людям 1957-го года.

– Место под памятником проверяли металлоискателем, – сказала Агриппина, – там ничего нет. Взрыв был такой, что на трёх улицах стекла вылетели.

– А если есть? Как ты не понимаешь, это же... свет и тень величия страны на одной странице!

– Журавль в небе, – не согласилась Агриппина, – точнее, неизвестно где. У нас синица в

руках – реальный бредовый донос. Поместим его, – повернулась к директрисе, – на стенде, где письма.

– Это не то! – топнула ногой Щётка.

– То! – стукнула кулаком по роялю Агриппина. – Слово народа! Как и другие четыре с половиной миллиона доносов!

– Не было никаких миллионов доносов! Это писатель Довлатов придумал, откуда он знает? – крикнула Щётка, но сдала назад под укоризненным взглядом директрисы, успев, правда, заметить, что если выставить донос на стенде, то все будут спрашивать, нашли ли «Письмо в будущее» и есть ли что на обороте?

– Отобьёмся, – угрюмо пообещала Агриппина. – Выставим всею половиною первой страницы: «Довожу до сведения...», начало второй, где про лютую злобу на партию и товарища Джугашвили, хвост третьей, где дата – 1937 год и штамп «Управление НКВД по г. Демьянску.

– Не слушай её, – шепнула, как поцеловала, в ухо Одеялова Щётка, – она изучает историю по Солженицыну, носит цветы на могилу убитого чекистами в двадцатом году генерала. Говорит, – скосила блестящий круглый, как у пони, глаз на протянувшую руку к бутылке с вином Агриппину, – что это её предок по отцовской линии.

Одеялов дёрнулся было помочь. Негоже женщине наливать себе самой, но Щётка притиснула его горячей грудью, как грелкой, к стене. Стаканыч в это время тонко нарезал на тарелке сало,

ловко поигрывая подозрительно похожим на уголовную финку ножом. Других кавалеров в зале не было.

– За что же евреи расстреляли попа? – поинтересовался Одеялов, заметив, что Агриппина с поджатыми губами и недобро сузившимися глазами отошла с хорошо налитым стаканом от стола. Неужели будет закусывать салом, проводил её сочувствующим взглядом. Насчёт четырёх с половиной миллионов доносов он тоже сомневался, но два, написанные в 1937-м и 1957-м годах, видел в кабинете Иванова своими глазами.

– Он говорил на проповедях, что у евреев и чекистов нет души.

– А ты? – отодвинул Щётку Одеялов. Ему нравилось дышать с ней одной грудью, но не хотелось, чтобы это видела Агриппина.

– Что я?

– Как изучаешь историю?

– У меня прапрадед служил в Первой конной Будённого, а прадед погиб в сорок пятом при штурме Берлина. Я за них.

– А я для чего должен сгодиться? – решил закрыть вечную для России тему белых, красных, евреев и чекистов Одеялов.

– Посмотрим, – сказала Щётка.

– Когда?

– Я знаю, где ты живёшь, – отошла к окну.

Ждали какую-то «Ольку» из библиотеки. Она в заявке на грант переводила презентацию сборника на английский.

...До сих пор собственная работа с «архивом» (на фантиках, папиросных коробках, ресторанных счетах и т.д.) в доме-музее Флорентия Губы представлялась Одеялову водевилем в духе «Свадьбы Кречинского». Водевиль, как лодка, плыл в неизвестном направлении, щедро черпая бортами историческую «воду»: посетившего Демьянск в 1937-м году сталинского наркома Ежова; видимые и невидимые «письма в будущее»; доносы; взорванный фашистами в 1943-м году памятник героям-комсомольцам; заросший бурьяном сад перед домом гражданки Ериной Н.Н. на улице Фабрициуса, где начинающий писатель и молодой коммунист Флорентий Губа якобы зарыл послание русским людям 2057-го года. Одеялов, как озёрный франт с усиками и в канотье пошевеливал вёслами, а в лодке, крутя зонтики от солнца, жеманились Агриппина и Щётка. В дореволюционной России эти зонтики назывались на французский манер парасольками. Агриппина в чёрной юбке на носу лодки напоминала ворону. Щётка в тугих белых шортах на корме – чайку. Нос к носу, вертел головой Одеялов, корма к корме. Обе птицы считались у орнитологов недобрыми, если, конечно, такое понятие как доброта применимо к птицам. Одеялов вспомнил, что жизнь автора водевиля – Александра Сухово-Кобылина – была омрачена многолетним судебным разбирательством: он или не он убил французенку Луизу Симон? Сквозь двойную фамилию аристократа и драматурга на Одеялова смотрели

глаза судьбы. «Сухово», испуганно подумал он, это тонкая, как облетевшая осенняя ветка, длинноногая Агриппина. «Кобылин» – похожая на брыкающегося своенравного пони Щётка. Скорее к берегу! Высекут, забьют копытами! Перевёл дух. В момент испуга воображение рисует картины яркие, но, к счастью, быстро исчезающие.

Одеялову стало неудобно в музейном зале с роялем и широкой под соцреализм картиной-новоделом: «Встреча Н.С. Хрущёва и партийного руководства с деятелями культуры в доме приёмов на Ленинских горах. 1962 год». Был ли там Губа? По одной из версий его привёл Шолохов, прочитавший рассказ «Сныть». Но с чего бы Шолохову тащить сквозь утверждённые списки и охрану малоизвестного автора на встречу с Хрущёвым? И кто бы посадил Губу на скамейку между Симоновым и Твардовским? В последнее время современные художники кормились внезапно возникшей государственной модой на «формирующий новореализм», волшебным преображавший и исправлявший историю, как раньше говорили, на марше, а теперь – в онлайн режиме. После недавней «уточняющей доработки», так называлась эта процедура, из картины исчез Солженицын, стоявший прежде в вышиванке под липой рядом с Берды Кербабеевым.

Водевиль, как и положено живому сценическому искусству, опережал в своём преображении живопись. Поначалу лёгкий, лодочный, шаловливый, он, как оборотень, обрастал похожей на

лагерную проволоку стальной шерстью. Под сценой среди расстрельных костей и черепов томилась гильза, ставшая похожей от долгого пребывания в земле на вытянутого Одеядовым из озера в далёком детстве ерша. Крот истории, подумал Одеядов, роет сам, ерша истории надо тащить сквозь землю за жабры, как тащили в тридцатых годах к грядущим победам Россию Сталин и Ежов, которого отец народов и лучший друг физкультурников ласково звал «Ежевичкой». Это потом «Ежевичка» спился и погряз в пороках, а тогда крепко висел на колючей ветке. Мелькнула даже странная мысль, что применительно к символике времени хорошо бы железному наркомуносить фамилию не Ежов, а Ершов. Тогда были бы «ершовые рукавицы». Они бы повысили градус страха и смятения среди разоблачаемых и затаившихся врагов. Милая, с чёрным пуговичным носиком, мордочка ёжика не идёт в сравнение со свирепой, состоящей из сплошной пасти головой ерша. Безразмерной пастью ёрш хватает значительно превосходящую его по размеру добычу.

«Символ – душа истории», вспомнил Одеядов чудом сохранившееся, косо написанное на обоях съёмной комнаты в полярном Солегорске изречение Губы. Какой-то фанат его творчества прислал в музей чёрно-белую неизвестного срока давности фотографию фрагмента обоев и рваный носок верблюжьей шерсти, будто бы забытый Губой под кроватью. Музейные дамы, вниматель-

но изучив носок, сошлись на том, что он «пахнет эпохой».

Во время хрущёвской «оттепели» в газете «Комсомольское племя» Губа писал, что расстрельная в ключьях засохших мозгов стена в лагерной солегорской котельной говорит об эпохе больше, чем фильмы с Любовью Орловой и сталинские высотки в Москве. Кто читает символы, утверждал Губа, видимо, уже тогда имея в виду инвалидов по зрению, тот видит будущее. Один из уважаемых местных авторов заметил ему на отчётном собрании областной писательской организации, что символ СССР не расстрельная стена с присохшими мозгами, а Гагарин. Судьба символа – тоже символ, ответил Губа, проживём – увидим. Кто какой символ хочет, такой и видит. После таких речей его не избрали в правление, а местное издательство рассыпало набор подготовленной к печати книги рассказов.

На память пришёл и другой, продёрнутый Губой в «оттепельной» печати, тезис: «ничтожная правота».

В перестроечные годы, когда кто что хотел, то и писал, Губа наложил матрицу «ничтожной правоты» не только на шатающийся СССР, но и на христианство, предсказав их неизбежный конец. Христианство не спасёт былая вера миллионов европейцев. СССР не спасут готовые стократно уничтожить мир ядерные ракеты коммунистов. Мир, по мнению Губы, как древнегреческого жреца Лаокоона, душила змея под названием «смерть правды». Ничтожная правота, таким

образом, оставалась единственным плавсредством, за которое мог ухватиться в безумной бушующей акватории «последний человек». Под этим обобщённым определением Губа, видимо, подразумевал тех, кто разделял его рассыпанное по городам, весям и обоям учение. Видимо, к ним относился и тот, или та, кто сфотографировал(а) в Солегорске обои и много лет хранил(а) прохудившийся верблюжий носок.

А ведь Губа прав, подумал Одеялов, любой символ проверяется на прочность и долговечность житейским «поживём – увидим». СССР, как Гагарин, взлетел в космос, и погиб, как Гагарин, в штатном полёте из-за ошибки пилотирования. Наркома Ежова, олицетворявшего очистительный огонь нового великого социального строя, пристрелили как спившегося «кровавого карлика», садиста, сексуального извращенца и, кажется, шпиона всех империалистических разведок. Зато драный, пахнущий эпохой, верблюжий носок Губы оказался в музее.

Одеялов не сомневался, что два зарытых с разницей в двадцать лет послания, как любят говорить политические комментаторы, звенья одной цепи. Оторвав взгляд от сцены, он разглядел в тёмном, уже не в водевильных, а в трагедийных декорациях зале скованных этой цепью зрителей. Кто-то явился на культурное мероприятие в гимнастёрке и сапогах, кто-то – в цивильном. Между кожанкой и блатной кепчонкой обречённо маячила неровно подстриженная седая учёного вида голова в пенсне. Круглые лица комсомо-

лок в белых косынках лампами подсвечивали дешёвые места в амфитеатре. Спутанными засаженными верёвками висели бороды духовных особ. Из зелёной ложи, как из тины, выглянула острая – ершовая! – голова в воротнике с генеральскими цвета венозной крови звёздами на треугольных лацканах. «Ежевичка» приплыл, догадался Одеядов. Ближе к сцене расселись послевоенные граждане: выжившие однорукие фронтовики, колхозники, насупленные трудовые бабы с тяжёлыми морщинами на лбу. На входе в зал в складках бархата портьеры мелькнул ещё не волчий, а, скорее, лисий профиль Флорентия Губы. Лисоволк, вспомнилось Одеядову название зверя из какой-то зарубежной сказки. Губа, если это был он, нарушая общественный порядок, курил в рукав. Все они, с неожиданной болью, как если бы кто-то другой, отзывчивый к народному горю и не отделяющий себя от народа вселился в него, подумал Одеядов, жили, страдали, переживали, умирали, одним словом, мучились вовсе не для того, чтобы я сидел тут как зритель. Каждый (он сам удивился этой мысли), включая отца народов Сталина и раздавленную «Ежевичку», любил Россию, думал о ней, строил планы на будущее. Что Губа? Лисил, волчил, всю жизнь страдал за Россию, от России, ответно её, как говорят сегодня, троллил и хейтил, жонглировал символами. Что Агриппина со Щёткой? Две бабы – две России. Можно по-другому: сколько баб – столько России. С мужиками не так, мужики стандартны, как кирпичи, расходно идут в любое дело.

Одеялов, как проснулся, схватил со стола салфетку, стёр с лица слезу. А потом поверх антенного носа Агриппины, демонстративно развернувшейся кормой к роялю Щётки, наливающего в рюмки водку Стаканыча, снова увидел замороженно уставившихся на сцену из тёмного зала зрителей.

Зачем они пришли? Ту ли пьесу играем? Лопату мне, лопату!

– Ты, парень, как болванка между двух наждаков, – поднёс Одеядову на пластмассовой тарелке рюмку водки, огуречный кружок, пластинку сала и, как из тюремной баллады про столыпинский вагон, «шпроту на хлебу» Степаныч. – Гляди, расточат девки в стружку.

– А и пусть, не жалко, – ответил Одеядов, удивляясь изящной сервировке. Русский человек талантлив во всём! Или, с сомнением посмотрел на Степаныча, часто ходит в рюмочную, пообтёрся на фуршетах. – Шпрота на хлебу есть, – кивнул на тарелку, – столыпинский вагон едет.

– Будет правильный машинист, – значительно чокнулся с Одеядовым Степаныч, – обязательно приедет. Столько сволочи вокруг! Я бы вас всех... – сжал кулак. – Быть добру! – выпил залпом.

Одеялов не стал придирается, кого это «вас», уточнять, какому добру. Недавно овдовевший Степаныч рвался в войска, но его (шестьдесят пять плюс) не брали. Он отправил с музейной почты заявление министру обороны с подпи-

санной директрисой характеристикой, какой бы позавидовал маршал Жуков, и каждое утро интересовался в приёмной, не пришёл ли ответ? Директриса, чувствуя, что Стаканыч своего добьётся, уже невзначай интересовалась у Одеялова, разбирается ли тот в фильтрах для дизельных генераторов?

– Степаныч, – сказал Одеялов потеплевшим от водки голосом, – куда ты лезешь, тебя же сразу убьют!

– Тебе не понять, – налил по второй Степаныч. – Живёшь, как министр. Приехал в Безуслов, зарплата не нужна. Стрижётся за три тыщи, мне Жанка из салона сказала, я ей фен чинил. Девки вон... зыркают. Эту жизнь под таких, как ты, сколотили... – замолчал, косо глянув на Одеялова.

– А под тебя, значит – войну?

– Не под меня, – поморщился Степаныч, – под народ. Иначе вас не скинуть. Она только на вид фанерная – дунь, и нет её, хрен! Она на деньгах, а это... держит вмертвую, ну, ты лучше меня знаешь.

– Так и на войне за деньги, – вспомнил Одеялов плакат у входа в музей.

– На войне народ в своей воле. Всех не убьют, кто-то останется, а волю уже под землю не закопаешь. А здесь я... Биде, – Степаныч кивнул на собравшихся возле принесённого библиотечной «Олькой» круглого и большого, как вокзальные часы, торта дам, – завтра буду регулировать, струя, видишь, бьёт по...

– Твою волю, – не заметив, осушил вторую рюмку Одеялов, – в биде и сольют. Если, конечно, – добавил, – останется, что сливать.

– А и пусть, – передразнил его Степаныч, – лучше в гроб под флагом, чем в биде.

– По-твоему, выходит, только на войне, когда убивают, народ откапывает волю, как этот... меч-кладенец? А когда терпит и тихо вымирает, не нужен ему меч? – продолжил разговор, который (он это чувствовал) лучше было не продолжать Одеялов.

– Вот пристал, – вернулся с рюмками Степаныч. – Что тебе народ? Ему – война, а ты живи, как жил! Так решили.

– Из капитализма выхода нет! – понимая, что и этого Степанычу не стоит говорить, сказал Одеялов. – Дверь заперта, не вырубишь ни мечом, ни топором. Отступать некуда! Придется жить как сложилось. Се ля ви!

Некоторое время Степаныч молчал, видимо, мысленно сопоставляя напоры.

Мы – земля, вспомнились Одеялову слова из рассказа Губы «Сныть». Может, прав «певец народной немоты», как называли его патристически настроенные критики. Земля живёт смертью и жизнью. Всё – в неё, и – из неё. Какого рожна, вдруг разозлился Одеялов, я что, глупый пингвин, прячущий тело жирное в утёсах, а Стаканыч – буревестник в шестьдесят пять плюс?

Губа в своё время призывал забыть дурной лозунг: «Народ всегда прав!». Никогда не прав,

учил Губа студентов в Литературном институте, во все времена выбирал и продолжает выбирать для себя самое непотребное. Вы спросите: что делать, задал он студентам вопрос и сам же ответил: учить и бить! Бить и учить! Кто-то не преминул показать конспект лекции ректору, который от греха подальше уволил Губу по сокращению штатного расписания. Зато кормившаяся в то время при Литинституте научно-политическая дама – бывшая советница президента Ельцина – горячо одобрила скандальный лозунг, стала тыкать им в нос коммунистам, которых называла «русскими фашистами». Полемика ушла в массы. Губа получил в подъезде арматурой по голове, после чего переехал из беспокойной столицы в унаследованный от матери старый дом в Безусловке, на месте которого потом распустил кирпичные крылья мемориальный музей.

– Я тоже народ! – стиснул в кулаке рюмку Одеялов. – Тебе, – расправив плечи, глянул на Степаныча, – семьдесят, а мне пятьдесят семь. Поедем! – Самое удивительное, что в этот момент он и впрямь был готов отправиться на передовую, уже видел себя в окопе и даже не возражал вернуться в чёрном пластиковом мешке, к которому, кажется, флаг не полагался. – Родина-мать зовёт!

– Торт будешь? – спросил Степаныч.

– Нет. Это вредно. Холестерин.

– Никуда ты не поедешь, – сказал Степаныч.

Одеялов вновь ощутил «проклятое смирение» интеллигента перед народом, как определял это состояние Губа, уточняя, что ударение можно ста-

вить как на первом, так и на втором слоге. Как в семнадцатом или в девяносто первом, растерянно подумал Одеялов, мысленно проваливаясь в «чёрную дыру» между всегда неправильным выбором народа и нежеланием тех, кто это ясно видит, учить и бить, бить и учить. Нет, засомневался, всё безнадежнее: куда народ, туда и я. Неправильный выбор – один на всех, един и неделим, как Россия в мечтах милых сердцу Агриппины белогвардейцев. Но тогда... откуда самая большая в мире страна, Толстой с Достоевским, победа в сорок пятом, спутник с Гагариным?

– Почему это я не поеду? – поинтересовался Одеялов упавшим голосом, определяя из угла, где они стояли, длинным, как гипотенуза, взглядом, сколько осталось водки в бутылке на столе.

– Деньги не пустят, – почти дружелюбно пояснил Степаныч. – Тебе ли не знать.

Да, мне ли не знать, подумал Одеялов, нетвёрдо выходя из музея на булыжную улицу Ленина. По обе стороны её шумели летние деревья, вечернее небо светилось чистотой, как тщательно протёртая рюмка. Белый храм с колокольней на вершине зелёного холма маятником качался в прозрачном воздухе. Кресты на куполах горели, как свечи в золотых подсвечниках. Но скоро они погасли, уступив место первым звёздам. Дежурный ангел размечал ими небесную ткань под ночную вышивку созвездий.

Одеялов остановился под деревом, ожидая, что с музейного крыльца спустится тонкая, как

спица, Агриппина, и он пригласит её «на чашку чая» в виде фужера вина. Он вспомнил, как она, не чинясь, наливала себе твёрдой рукой из стоящей на крышке рояля бутылки. Агриппина, действительно, вышла, но не одна, а с директрисой, как только у ворот остановилось вызванное такси. До Одеялова донеслись обрывки оживлённого разговора: «...в смету точно не уложимся...», «...она спятила...», «...зря Олька ушла от этого Егорычева, хотя, козёл редкий!», после чего директриса загрузилась на переднее сидение, а Агриппина, подхватив юбку, спицей воткнулась в заднее. Одеялов решил идти домой, но на крыльце появилась Щётка. Он ощутил себя карточным шулером, который шёл на покер, а попал на переводного дурака. Я, конечно, дурак, спохватился Одеялов, но не переводной. Хотя, вспомнил, мы с ней сегодня перешли на «ты».

Тряхнув чёлкой, Щётка направилась не к выходу, а в хозблок, откуда вскоре выкатилась на сложном, напоминающем скелет маленького динозавра велосипеде с огоньками в колёсах. Лошадиную чёлку она убрала под фосфоресцирующий шлем, как если бы динозавр был с клювом. В безусловском музее природы Одеялов видел картину, изображавшую бегущего по степи на страусовых ногах с разинутым клювом и редкими перьями на лапах уже не динозавра, но ещё не птицу. С убранной чёлкой лицо Щётки казалось каким-то беззащитным и детским. Не тормозя, она лихо ударила ногой в калитку, светящейся кометой понеслась вниз по улице Ленина, только

и видел её Одеялов. И, возможно, она его, потому что Щётка вдруг обернулась и внимательно посмотрела на дерево, за которым он стоял.

«Тебе ли не знать», – вспомнил он слова Степаныча, продолжая размышлять о бегущем с разинутым клювом по степи мутирующем уродце. Это я, вышел на булыжную мостовую Одеялов и тут же подумал об отце, представшим перед ним в образе классического – с башенной шеей, змеиными зрачками и крокодильей пастью – тираннозавра. Я не успею стать птицей, в смятении подумал Одеялов, висащие на мне деньги болтаются, как перья на недоразвитых крыльях, мешают убежать и не пускают взлететь. Ему показалось, что мысленный, как и сейчас, но с последующей глубинной расшифровкой, разговор с отцом у него уже состоялся, причём там, где его точно не было, а именно на похоронах матери.

Отец с окаменевшим от горя и ярости лицом стоял у могилы, куда плавно спускался на перекрёстных никелированных рессорах лакированный, устланный белыми гиацинтами гроб. Одеялов хотел что-то сказать, но отец, провожая глазами гроб, едва слышно прошептал: «Об этом – ни с кем никогда!», а потом ещё тише, одними губами, уже не Одеялову, а неизвестно кому: «Нет!»

Наверное, такое лицо было у древнегреческого лодочника Харона, подумал Одеялов, но потом решил, что вряд ли, слишком многих тот переправил через реку Стикс в царство мёртвых,

притерпелся. А ещё вспомнил, что древние греки запикивали в рот покойнику монету, чтобы тот расплатился с потусторонним водогрёбщиком. Делать деньги – рубить себя, как пузыри, всплыли в памяти случайно услышанные слова отца, сказанные кому-то по телефону. Тот, кому они адресовались, видимо, пытался делать деньги по какой-то другой схеме. Первоначальные монеты рубили из слитков золота или серебра. Глядя на отца, то ли сдавленно рыдающего, то ли нервно трясущегося у могилы, Одеядлов понял, что он рубит себя, как живой слиток из плоти и крови.

Народу на отпевание в храме и потом на кладбище пришло на удивление мало. Отец назвал Одеядлову время и место прощания в последний момент, только бы успеть. Другим, кто знал мать, не сообщил вовсе. Собственно, и хоронили не тело, а установленные в результате анализа ДНК фрагменты «биологического материала», собранного на месте разбившегося в Шереметьево частного самолёта DassaultFalcon 49EX. Внутри белоснежно-шёлкового вспененного чрева просторного гроба покоилась небольшая керамическая капсула с тем, что осталось от матери Одеядлова. Непреднамеренность катастрофы – самолёт столкнулся с выехавшим на взлётную полосу топливным заправщиком – была очевидна. Из-за снежной бури видимость в Шереметьево была почти нулевая, но прилетевший в Москву на DassaultFalcon 49EX старый друг отца – директор швейцарского энергетического концерна

господин Савари – так торопился домой, что распорядился взлетать вопреки предупреждению аэродромных служб. Смерть господина Савари, писали потом, огорчила его деловых партнёров в России. Новый директор концерна немедленно отменил подписанные им в Москве соглашения.

Одеядлов в то время уже давно не жил с родителями. Он только что развёлся, квартировал в коттедже на Истре. Был ли он тогда в курсе отцовских дел? Отчасти да, читал, слышал про схлопывающиеся активы, банкротство каких-то рудников, иски и суды с крупными банками и госкорпорациями. Но отец не плавал на яхтах, не пил заморские вина во дворцах с золотой лепниной и тяжёлыми с кистями портьерами на стрельчатых окнах, не тратил миллиарды на приобретение рукописей Леонардо да Винчи или картин Брейгеля. Да и отрасль промышленности, где он работал, прежде именуемая «средним машиностроением», не давала простора для разного рода прогнозов и предположений. Может, он и впрямь... того, думал Одеядлов, за Родину, за Сталина, жила бы страна родная, кто к нам с мечом! Видимо, и образ сына как оторванного от бизнеса филолога, литературного мечтателя, тихого идиота, был сконструирован отцом, исходя из его представлений о том, как надо вести дела в России, вписывался в схему его отношений с властью, всегда озабоченной вопросами безопасности страны и, в не меньшей степени, своей собственной. «На жизнь тебе и, если сподобишься,

твоим детям хватит до конца, всё предусмотрено, – заметил как-то отец, – что дальше – скажу потом, но тебе же будет лучше, если нет».

А ведь он угадал, подумал Одеялов, глядя на растворяющуюся в вечернем тумане колокольню на травяном холме, я стал таким, как он хотел, потому что мне так было удобно, спокойно и... до поры безопасно. Он посмотрел в небо, увидел степенно летящую к реке лебединую пару. Трудно было поверить, что белые, с длинными шеями, элегантные птицы произошли от существа, изображённого на картине в музее природы города Безуслова. Но ведь произошли, проводил взглядом лебедей Одеялов, летают, хотя, конечно, пальнёт какая-нибудь сволочь, и уже не летают. Иногда деньги тоже казались ему лебедями (по сказке Сельмы Лагерлёф дикими гусями), готовыми в любой момент унести его, как маленького Нильса, туда, где хорошо, по Хемингуэю – «чисто и светло». Иногда – настигающим его свирепым отродьем с разинутым клювом и острыми перьями на лапах. Сущности были неуловимы и бесконечны в любую сторону, вспомнил песню подзабытого ныне поэта Булата Окуджавы Одеялов.

После смерти матери отец перестал ставить кого-либо в известность о своих планах и перемещениях в пространстве. Прежде Одеялов мог спросить у охранников, но после того, как отец сменил русских на колумбийцев, этот канал связи перестал действовать. «Почему?» – позвонил он отцу, узнав о катастрофе. «Я!» – ответил отец и отключился.

«Почему?» и «я!» были пограничными шлагбаумами в «серой» зоне, где люди делали деньги и рубили себя. А может, наоборот, рубили деньги и делали из себя тираннозавров. Но и за тираннозаврами ходили по пятам специально обученные рубщики. Удачным выходом из замкнутого круга «делать-рубить» было выскользнуть из жизни недорубленным, то есть при правильно расщедоточенных деньгах и своей смертью. Слово «смерть» было жёстким, как мраморная плита. Определение «своей» – гигиеническим матрасом на этой плите. Но и здесь всё было непросто, как в китайской игре «Го», где, в отличие от шахмат, отсутствует такая категория как «ничья». «Я!» означало, что отец должен был лететь в Женеву вместе с матерью на самолёте старого друга господина Савари, с которым он вёл дела в Европе. За пятнадцать минут до вылета специальные люди перекрыли дорогу в аэропорт, пересадили отца в непроницаемый для электронной разведки лимузин, где фельдъегерь вручил ему «высшую правительственную» телеграмму, вызывающую отца на экстренное совещание в Совет безопасности. На «почему?» ответ знали люди, отправившие телеграмму.

После похорон отец надолго исчез из страны, предоставив Одеялову возможность самому нелегально пересечь границу «серой» зоны, где делали и рубили, рубили и делали. Сначала он решил, что отец заигрался, повредился рассудком. Обе версии – официально-протокольная, что водитель топливного заправщика находился в момент

выезда на взлётную полосу в «состоянии сильно-го алкогольного опьянения по случаю очередной годовщины Октябрьской революции», и конспирологическая, что ЦРУ, МИ-6 и Моссад угробили швейцарца, подписавшего, конечно же, в результате предъявленного ему компромата выгодные для России контракты – показали Одеялову вполне логичными. Отца, как и господина Савари, как любого человека в любой стране, могли прикончить в любой момент, не перекрывая движения на Ленинградском шоссе, не разбивая топливным заправщиком дорогостоящий бизнес-джет, не выводя из строя на несколько суток взлётно-посадочную полосу.

«Я понимаю, – сказал Одеялов отцу спустя годы, когда тот стал не то чтобы откровеннее, но, что было несколько неожиданно, сентиментальнее, – тебя вызвали на горящий ядерный ковёр. Но почему ты не позвонил, чтобы она вышла из самолёта?» – «Оттуда не позвонишь, – ответил отец. – Шесть уровней вниз на лифте сквозь особую воду, свинец и бетон. Ей позвонили из службы охраны, сообщили, что я смогу вылететь в Женеву сразу после совещания, объяснили, что оно началось позже по причине опоздания главного участника, сказали, что мне будет предоставлен его личный борт, предложили подождать меня в аэропорту». – «Как ты всё это выяснил?» – «Неведение – праздник, который всегда с тобой, береги его, – усмехнулся отец, – ты давно живёшь в раю, но я больше не сторож ему». Отец

любил литературные, но ещё больше библейские стилистические обороты.

Какому раю ты не сторож, подумал Одеялов, в какой сам меня определил, или – в какой попадут исключительно граждане России, а все прочие сдохнут?

«Я удостоился личных соболезнований, – продолжил отец. – Мне предоставили записку, я слышал её голос, она сказала, что за окном метель, а в самолёте тепло, ей уже принесли вино, а шубу убрали в шкаф, она встретит меня в Женеве. Всё совпадало. Мне даже в виде исключения объяснили причину опоздания главного участника совещания, чего никогда не делается». – «Тогда, что означало твоё «Нет!» на кладбище?» – «Надо же, – удивился отец, – расслышал. Это был ответ на переданное через топливный заправщик предложение. От него нельзя было отказаться, но я сумел, хотя и с издержками». – «Мать – это издержки?» – ужаснулся Одеялов. «Я увозил её из страны, – ответил отец. – Она должна была исчезнуть, раствориться в частном пансионате в альпийской глуши. Акция в аэропорту – резолюция по итогам совещания. Не верил, что они успеют. Они не могли знать заранее, как яотреагирую на их предложение. Я недооценил доступную им степень управления реальностью. Они работают с заранее заархивированными на «да», «нет», «отложить» вариантами. Человек так не может. Это делает искусственный интеллект». – «Переиграть его ты не мог, – констатировал Одеялов, –

на что же тогда рассчитывал?» – «На паузу, чтобы успеть её эвакуировать. Просил дать время подумать и вроде бы получил согласие, но они, или он, не знаю, не поверили. Я бы на его или их месте тоже не поверил». – «Но почему она, а не ты?» – «Она – единственное, что было для меня важнее и дороже того, что они хотели получить. Они точно определили точку моего когнитивного диссонанса, по их схеме – точку принуждения к торгу. Я путал следы, затеял канитель с разводом, мы стали жить отдельно, завёл эту... ну, которая пела про штангенциркуль в штанах. Даже с тобой перестал общаться, ужал твои доли, вывел из правлений. Я их недооценил, – упавшим голосом повторил отец. – Они вели меня, как собаку на поводке» – «А... я?» – задал глупый вопрос Одеядлов. «Извини, – развёл руками отец, – она всегда была мне дороже тебя». – «Сволочь! – сжал кулаки, чуть не бросился на него Одеядлов. – Я не верю, что у тебя хотели отобрать всё! Ты мог отдать, сколько просили, и спокойно дальше жить, с ней бы ничего не случилось!» – «Кто сказал – отобрать, отдать? – отступив, выставил вперёд руку отец. – Я отказался взять!» – «Взять?» – Одеядлов понял, что отец живёт в мире, где земля плоская, часы идут вспять, всемогущие спецслужбы и искусственный интеллект правят всеми на свете балами, власть не отнимает, а даёт, а кому даёт, тот гордо отказывается. Ему захотелось обнять его, успокоить, но в ушах звенело: «Она всегда была мне дороже тебя», и он передумал.

Одеядлову вспомнился случай из детства. СССР был в силе. Ленин твёрдо стоял на каждой площади. Отцовский завод производил «изделия», которые обеспечивали «мир во всём мире». Летом они жили на служебной даче в подмосковных угодьях охраняемого санатория Минсредмаша. «Наша жизнь от съезда к съезду» были первыми словами, самостоятельно прочитанными Одеядловым. Они с матерью часто гуляли по аллее, где стоял стенд с фотографиями новых корпусов санатория, бассейна, передовой медицинской техники в кабинетах диагностики, сообщениями о культмассовых мероприятиях для отдыхающих.

В тот день Одеядлов, сидя у открытого окна за столом на первом этаже, рисовал цветными карандашами мать, качавшуюся в белом платье на садовых качелях. К ней подошёл отец. Это не понравилось Одеядлову. Чёрный отцовский пиджак заслонил белое платье. Сначала они о чём-то говорили, потом мать встала с качелей, а отец вдруг ударил её по лицу. Одеядлов выскочил из-за стола, подбежал к ним, но вцепиться зубами в отцовскую руку не успел. Отец отбросил его в сторону, молча ушёл за ворота. «Ты моя, моя!» – прижался к матери Одеядлов. «Твоя, твоя, – вытерла себе слёзы, а ему – нос мать, – и больше ничья».

Через много лет он спросил у неё, что тогда произошло в саду на качелях. «Чепуха, – махнула рукой мать, – он приревновал меня к адмиралу. Я приехала из Ленинграда на «Красной стреле» в двухместном купе, моим соседом там оказал-

ся адмирал. Отец встречал на вокзале. Ему не понравилось, как адмирал со мной прощался, и ещё, что от меня пахло коньяком. Он бы полез в драку, но адмирала встречала команда моряков». – «Сильно пахло?» – поинтересовался Одеядлов. – «Самую малость, – засмеялась мать, – но твоему отцу хватило».

И ещё одно давнее воспоминание не давало покоя Одеядлову.

Возвращаясь с кладбища, он остановился у изысканной могилы с литой стеклянной женской фигурой. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь деревья, наполняли её, как шампанским, золотым искрящимся светом, и женщина словно взлетала над белой мраморной плитой. Глядя на неё, Одеядлов подумал, что не зря врачи когда-то поили умирающих пациентов шампанским. Великий писатель и опытный врач Чехов, умирая, тоже просил шампанского, надеясь, что смерть будет лёгкой, как вскипающие в бокале воздушные пузырьки. А когда стеклянная женщина, как лампа, погасла, и на землю вернулись тени, Одеядлов увидел идущего ему навстречу по песчаной дорожке человека. Плечи человека тряслись, а руки закрывали лицо. Он шёл напролом сквозь кладбищенские кусты, отчего казался, а, может, и был пьяным. Человек вдруг круто свернул на другую дорожку, отвернулся, поднял до ушей воротник пальто. Потом остановился, вытащил из кармана бутылку. Запрокинув волчью голову, допил. Зарывав, швырнул бутылку в урну. Это

был Флорентий Губа. Одеядлов хотел его догнать, но он исчез среди деревьев и могил.

...Одеядлов сам не заметил, как миновал утонувший в бурьяне и одичавших ягодных кустах бесхозный дом гражданки Ериной Н.Н. Злой павлин в этот раз не озаботился его поздним проходом вдоль прибрежной усадьбы обувного фабриканта, хотя, в отличие от сонных собак, всегда был начеку. Войдя на территорию коттеджного посёлка, Одеядлов специально задержался у мусорных баков, испытывая терпение филина, но и тому, похоже, в эту ночь было не до него.

Зато в доме Одеядлова горел свет, а дверь была приоткрыта. Он удивился победительной наглости воров или явившихся по его душу государственных людей, вспомнил про спрятанный под крыльцом топор, но успокоился, увидев прислонённый к дереву знакомый велосипед, мигающий затухающими огоньками.

В холле на кожаном диване, не касаясь спиной подушек, сидела, плотно сдвинув колени, Щётка.

Как на собеседование явилась, подумал Одеядлов. С женского «языка поз» напряжённое сидение со сжатыми коленями переводилось как «неуверенность и скрытое волнение».

– Я принесла ключи. Они мне больше не нужны. А ещё я хочу получить плату за аренду. Знаешь, сколько набежало за четыре месяца? – тревожно вскинув чёлку, спросила Щётка. Одеядлов догадался, что в голове её, как на экране кальку-

лятора, прыгают и путаются цифры. – Сколько же набежало... – она с надеждой посмотрела на Одеялова, но тот молчал. – Деньги нужны, врать не буду.

Одеялов продолжал молчать. Ему хотелось выглядеть серьёзным, но, похоже, не получилось.

– Что ты хихикаешь? – не выдержала Щётка. – Да, нужны, но не мне, а... нам на одно дело, ты понял?

– Давать не значит любить, – вспомнил Одеялов помадный девиз.

– Это не входит в программу! – покраснев, вскочила с дивана Щётка.

– Я про деньги.

– Как это... – растерялась она.

– Я пошутил.

– Дурак! – на всякий случай обиделась Щётка. – Это серьёзно! От этого зависит... всё!

Песнь шестая.

Чистописание по чернозёму

Прошлой ночью над Безусловым были замечены большие, как брёвна с недорубленными ветками, беспилотники. Один удалось свалить над вокзалом, другой упал на центральной площади. Место падения обнесли запретной пластиковой лентой, но народ всё равно глазел и обсуждал событие, слабо реагируя на просьбы разойтись и не мешать. Площадь опустела, только когда из подкатившей пожарной машины выбрались

пожарники со шлангами. В местных телеграм-каналах писали, что на площадь придут инновационные роботы-гуманоиды, поэтому народ был несколько разочарован.

Придя утром в музей, Одеялов узнал, что директрису, Агриппину и Щётку вызвали в мэрию на совещание. Он сначала обиделся, что его не позвали, а потом подумал, что Иванову сейчас не до него.

Одеялов вспомнил электрическую бабу из рассказа Флорентия Губы, когда к нему в кабинет заглянула вернувшаяся с совещания Агриппина. Светит, греет, но если закоротит, может убить. Она была в длинной рыжей юбке и серой архаусной кофте с нитяными ягодками на груди. Сцепив на затылке руки, Агриппина встала у окна спиной к Одеялову, демонстрируя гибкую, как осенняя в синих ягодах и рыжих листьях ветка бузины, фигуру. Он был уверен, что за окном ничего достойного внимания не происходит. Агриппина играла с ним в вечную игру: хороша, да не про тебя, но ты старайся! Приходя в музей, Одеялов всегда мысленно щёлкал выключателем, проверяя, горит ли свет, на месте ли Агриппина? Свет души моей, импровизировал он в духе эротической библейской лирики, дай припасть к твоим кружевным розеткам, хочешь – согрей, хочешь – убей, только не мучай!

Когда она зашла, он размышлял над очередным артефактом литературного наследия Губы. На сей раз это была тёмная с едва угадываемым

ликом икона с выцарапанными на оборотной стороне словами: «Господи, прости меня за то, что Ты меня терпишь». Икону принёс в музей студент экономического колледжа, как выяснилось, правнук известного безусловского художника-пейзажиста. Парень сказал, что Губа отдал её прадеду на реставрацию, да так и забыл, а прадед не напомнил. Завалилась за книги, объяснил студент, выносили на помойку, нашли.

«А что надо было с ней сделать, прадед не говорил?» – на всякий случай спросил Одеялов. «Да он давно помер, я его не очень и помню. Мать вроде вспоминала, что типа подрисовать голову, – неуверенно ответил студент. – Видите, тут оклад содрали, остались следы от гвоздиков. Голова получилась лысая, как огурец. Может, корону?». Не этот ли прадед, задумался Одеялов, нарисовал бегущего по степи крылатого динозавра? Он хотел материально поощрить интересующегося литературой молодого человека, но тот отказался, заметив, что «мем» Губы с иконной «обратки» собрал в их «авоське» (социальной сети, не сразу догадался Одеялов) полторы тысячи «комментов».

– Это про меня, – сказала Агриппина, взяв со стола икону.

– И про меня, – добавил Одеялов.

– Про всех нас, – вынесла окончательный приговор человечеству Агриппина.

– Зачем царапал, – спросил Одеялов, – почему не написал чернилами?

– Потому что, – скользнула длинным под жемчужным лаком ногтём Агриппина по едва заметным пятнам вокруг надписи, – окунал шило в кровь.

– Это что же... стигматизация? – тупо уставился в икону Одеялов. Губа не уставал открываться ему с неожиданных сторон.

– Скорее, вульгарное, как у Горького, нищество, – сказала Агриппина. – Из всего написанного люблю только то, что пишется своей кровью, кажется, так говорил Заратустра. Пиши кровью – и ты узнаешь, что кровь есть дух! Пафосно, но... пусто и... неприменимо к действительности.

– А как быть с этим? – Одеялов снял с полки том из собрания сочинений Губы, открыл на нужной странице: «Деньги – кровь души твоей. Пролей её, и ты узнаешь себе цену»? Тоже пусто и неприменимо?

– Всего лишь рефлексия на беспредел российского капитализма времён повальной приватизации. Рассказ «Алтарь», девяносто пятый год, опубликован в альманахе «Если», – как отличница на экзамене, отрапортовала Агриппина. – Диалог старца и олигарха в разрушенном храме. – Положила на стол икону, взяла у Одеялова том, задержав, но может это только ему показалось, свою руку на его руке дольше, чем следовало. – Олигарх не пролил кровь своей души, не стал восстанавливать храм, построил развлекательный центр, который, кажется... – пролистнула

несколько страниц, – да, точно, сгорел вместе с посетителями. Как «Зимняя вишня».

– Или «Хромая лошадь», – Одеялов перехватил её руку, но Агриппина ловко и чувствительно чиркнула его жемчужным ногтём по запястью.

Я никогда не напишу о нём книгу, вдруг понял Одеялов.

– Есть предположение, что Флорентий Исаакович, как Горький, только не в юности, а в относительно зрелые годы, пытался покончить с собой, – положила книгу на стол рядом с иконой Агриппина. – Горький стрелялся, а Губа резал вены. Спасла соседка-медсестра, он с ней жил, как с женой в Солегорске, потом уехал, на её письма не отвечал. Но она всё равно писала, только не отправляла, складывала в тумбочку, где документы, поэтому после смерти нашли, сдали в местный архив, те переслали потом в ЦГАЛИ. Других, кроме писем медсестры, подтверждений нет. В больнице ему сделали переливание крови. Она убралась в комнате, вынесла пустые бутылки, поговорила с милицией, устроила, что записали как травму на производстве. Губа же официально от журнала «Новый мир» приехал собирать материалы о подземном городе, спускался туда на секретном лифте, ходил с фонарём. Вот и напоролся случайно на острый камень в шахте. Только города, о котором в Солегорске знали все, как позже выяснилось, никогда не существовало, – строго посмотрела на Одеялова Агриппина, словно это он распорядился его засекретить. – Счи-

тается, что Губа придумал подземный город, как Горький – встречу с чёртом, а Достоевский – разговор с Иисусом Христом. Да, кстати, он описал эту икону в очерке «Старая часовня», помните?

– Смутно, – признался Одеялов.

– Очерк опубликован в первом номере учреждённого в 1959-м году журнала «Наука и религия» и больше не переиздавался. Сюжет такой: бульдозер должен раскатать на брёвна часовню возле сожжённого скита. Только что освобождённый по берьевской амнистии батюшка уговаривает пьяного бульдозериста дать ему помолиться в часовне. Тот не возражает. В куче мусора батюшка находит ободранную икону, долго смотрит в неё, потом прячет в ватник, кричит: «Ты – тьма!», бросается на бульдозер, как Дон Кихот на мельницу. Бульдозерист вылезает, бьёт его бутылкой по голове. Батюшка падает. Бульдозерист сносит часовню.

– И всё?

– Священник в лагере работал на лесоповале. Он приходит в себя, нанимается в леспромхоз, становится бригадиром и передовиком труда.

– Странный финал, – заметил Одеялов.

– Как жизнь, – вдруг пристально посмотрела в глаза Одеялову, как ударила током, Агриппина. – На вопрос, что именно тьма, ответа нет. Вы точно не читали?

– Могу перекреститься. – Агриппина казалась ему уже не веткой бузины, а электрическим скатом с острыми ногтями.

– Там интересные рассуждения о тьме как первостроительном атоме бытия – основе сущего, вещего и высшего.

– Что-то припоминаю, – сказал Одеялов, – правда, из другой оперы. Точно! Из либретто оперы «Божественный растворитель» по его рассказам. В арии Смерти, Пугачёва в чёрном балахоне исполняла, есть про атом, который зачистит мир. В чреве хаоса зреет звезда... Тра-та-та-та... Губу ещё критиковали за вторичность, цитировали, что сказал Толстой о Леониде Андрееве: «Он пугает, а мне не страшно».

– Я не понимаю, зачем учёные с таким упорством гонятся за этой античастицей, если она способна превратить в чёрную дыру, растворить, стереть наш мир? – задала риторический вопрос Агриппина. – В «Старой часовне» священник, когда пришёл в себя, тоже бормотал... тра-та-та-та... – передразнила Одеялова, – про «ластик Бога», который всё сотрёт. Странно, да? Ведь у Губы не было технического образования.

– Наверное, – предположил Одеялов, – наслушался псевдонаучной галиматии в Солегорске. Там ведь не только зэки кайлом рубали радиоактивную соль, но и физики сидели в шарашках, чего-то с этой солью делали. Сталин далеко смотрел.

– Губа тоже, – сказала Агриппина. – Странно ещё и то, что батюшка в рассказе, когда был в беспамятстве, увидел «ластик Бога» не в коллайдере, который появится только через семьдесят лет, а в какой-то жестяной трубе.

– Губа и по тайге бродил, искал в скитах и затворах просветлённых отшельников. Один раз чуть концы не отдал, мох с шишками ел, потом стихотворение написал: «Блуждал пять дней за блуд, но блуд не одолел». Что он имел в виду? – Одеялов подумал, что сильно выпивавший и, как выяснилось, сильно блудивший в ту пору Губа мог увидеть «ластик Бога» где угодно.

– Вот и разбирайтесь, не зря же вы к нам приехали, – подёрнула нитяную ягодку на свитере Агриппина. – Литературоведение – это смелость и интуиция, дерзайте! Но я пришла к вам, господин хороший, – взявшись кончиками пальцев за юбку, присела в книксене, – по другому поводу.

– Весь к вашим услугам, – встрепенулся Одеялов.

– У меня пренеприятнейшее известие...

– Неужели к нам едет...

– Уже.

– Ещё один прилетел? – вспомнил про дрон Одеялов.

– Мэр считает, что для поднятия духа населения и отвлечения его от ненужных мыслей мы должны устроить над Уловом фейерверк с лазерным шоу!

– Он спятил? – Одеялов выскочил из-за стола, чтобы ухватить её за... что получится, он был уверен, что она не вывернется, но Агриппина, махнув юбкой, стремительно отступила к двери.

– Распечатаю для вас сценарий праздника. Скоро вернусь, – выскользнула из комнаты, как загадочная тёмная античастица. Через секунду

открыла дверь: – Милый друг, ведите себя прилично! – наморщив длинный, как шило, нос показала Одеялову язык.

Хорошо, хоть не раздвоенный, подумал он.

Министерство культуры объявило приближающееся столетие со дня рождения Флорентия Губы памятной датой, выставило его биографию на государственных порталах, затребовало от музея программу мероприятий и даже пообещало выделить какие-то средства. Во всех библиотеках, носящих имя Губы, начались «флорентийские недели», в прессе замелькали позитивные статьи о его творчестве.

Причин неожиданного «культа личности» неоднозначного и противоречивого писателя, каким был Флорентий Губа, Одеялов не понимал, но знал наверняка, что те, кто дал команду, Губу не читали. Его было трудно подверстать под новую, точнее, модернизированную старую «самодержавие-православие-народность» идеологию. Или наоборот, легко. Губа не любил СССР, презирал постсоветскую РФ, был равнодушен к императорской России, то есть был как народ! Так что никакого вреда триаде: «Глава государства – национальные (по согласованию) традиции – безнациональное (по умолчанию) население» он причинить не мог. Напротив, своей народной расхристанностью Губа выгодно оттенял главных исторических государственников – Владимира Святого, Ивана Грозного и Иосифа Сталина, наглядно демонстрировал, с каким человеческим

материалом им пришлось иметь дело. Как тут без перегибов, без опричнины, без летящих выше дерева щепок?

Памятники трём великим воспитателям ставили повсеместно. Самый большой Ивану Грозному установили перед воротами Псковско-Печерского монастыря, где царь-государь самолично снёс саблей голову вышедшему его встречать настоятелю – игумену Корнилию. В руках, однако, литой, в короне поверх монашеского клобука, царь держал не саблю, а огромную свечу, долженствующую, как писали толкователи-искусствоведы, осветить путь в мир без греха и насилия. Они называли памятник «Русской свечой».

Пересохший было родничок поступающих в музей артефактов под воздействием, как выразилась Агриппина, «официального губаславия», оживился, забулькал. Степаныч несколько дней назад принёс с почты два конверта. Один директриса отдала Агриппине, другой – Щётке. Одеялов хотел спросить, что прислали, но забыл. Если что-то интересное, давно бы прибежали, решил он.

Не прибежали.

Зато Одеялова позвала директриса. Она долго жаловалась на задавившую музей бюрократию, алчность подрядчиков, устанавливающих в залах интерактивные мониторы. Потом скорбно предложила расписаться в ведомости за деньги, которые всё это время начислялись Одеялову по договорам ГПХ, но как-то незаметно расходились на другие нужды.

Накануне ему позвонил финансовый консультант Михаэль, сообщил, что счета, карточки и прочие активы разблокированы. «Я, возможно, на днях буду проездом в ваших краях. Зайду лично вас поздравить, ждите». Не дожидаясь ответа Одеялова, что не стоит тратить время, когда существуют ватсап и телеграмм, Михаэль переключился на другой разговор, кажется, на испанском языке. Как же он меня найдёт, удивился Одеялов, но потом подумал, что для такого человека, как Михаэль, это не составит труда.

Он предложил директрисе сделать благотворительный взнос в любой удобной для неё форме, но директриса, испытующе посмотрев на него, заметила, что шила в мешке не утаишь, это создаст нездоровую обстановку в коллективе. «Давайте по старинке, – пододвинула бумаги Одеялову. – Даже за это, – добавила, пока он, путаясь в отмеченных цветными ленточками страницах, расписывался за какие-то незначительные суммы, – могут прищучить, если захотят».

– У тебя письма? – спросил у Одеялова сгребавший с газона веерными граблями листья Степаныч, когда тот, не дождавшись Агриппины, спустился в сад.

– Из министерства обороны? – Одеялов обратил внимание на пятнистые военные штаны и высокие шнурованные ботинки Степаныча. – Дали добро?

– Тянут, суки, – сказал Степаныч. – Племянник подарил, – похлопал себя по накладным кар-

манам. – Ему малы стали, разожрался в этом своём, как его... Газпромвоенпродукте. Ты, вот что, Одеяло, конверты обратно аккуратно заклеи и отдай мне, отнесу на почту.

– Не понял. Какие конверты?

– Такие! – вдруг разозлился Степаныч. – Иди наверх, – кивнул на окна директрисы, – спрашивай. Теперь почта не в музей идёт, а... куда надо.

– Адрес перепутали?

– Сами разбирайтесь! – отвернувшись, взялся за грабли Степаныч. – А хочешь, – ухмыльнувшись, повернулся к Одеялову, – иди сразу к майору.

Одеялов, как олень, повёл носом, но чист был воздух. Стеканыч или плотно заел, или был трезв.

Воистину, подумал Одеялов, умом Россию не понять. Почему Степаныч (шестьдесят пять плюс) рвётся на верную смерть, а не радуется, что дожил до пенсии и всё ещё, пусть с регулировкой биде и веерными граблями, но при деле? Почему директриса отвергла благотворительный взнос, многократно превосходящий копейки, за которые он расписался в липовой ведомости? Почему Агриппина, которой (он чувствовал) хочется сильнее, чем колется, бежит от него, как античестица, несёт чушь про «ластик Бога», не разрешает платить за неё в кафе, каждый раз возвращает деньги за капучино и пирожки, которые он приносит из пекарни в музей? Получается, что это она, а не он, угощает коллектив. Почему Щётка, когда он собрался перечислить на её номер плату за аренду коттеджа, вдруг передумала. «Не

вздумай переводить!» – вырвала у него телефон. А ведь я, с обидой вспомнил Одеялов, хотел добавить, сама же сказала, что деньги нужны. Зачем тогда приходила?

Это город Безуслов, дом-музей Флорентия Губы, подумал он, слезинка, стекающая с лица России. Деньги здесь бессильны и неприличны. Братъ – не значит любить. А не братъ – значит... ненавидеть? Кто же тогда разворовал страну? Какой капитализм, ужаснулся Одеялов, карету мне, карету! Может и впрямь, вышел за ворота, забить на всё и смыться, пока не отобрали заграничный паспорт? Или... подождать? Но почему я должен куда-то бежать, подумал вдруг с неожиданным ожесточением, в чём и перед кем я виноват? Я такая же Россия, как они, частица, или... античастица, не важно, общенародной слезы! Да, рубанул рукой воздух, античастица, потому что устал терпеть и бояться, хочу свободы и счастья!

В спину ему вдруг уткнулось что-то твёрдое. Неужели прямо здесь пристрелят? Так быстро? Ещё и додумать не успел! Оглянувшись, Одеялов увидел Щётку, прицелившуюся в него расчёской.

– Вы арестованы! – дунув под чёлку, засмеялась она. Щётка пахла яблоками, лицо её светилось девичьей отвагой, когда мир у ног, а что будет, то будет. Она уже не боится и свободна, подумал Одеялов, а счастье дело наживное. Значит, шанс есть. Если, конечно, вся молодёжь такая. В этом он, глядя на лица экскурсантов в музей, впрочем, сильно сомневался.

– У нас так не шутят, – отвёл в сторону пистолет-расчёску.

– А так у вас шутят? – сильно толкнула его упругим плечом Щётка.

– Вам, Галина, замуж пора, – бьющая через край энергия Щётки озадачила Одеялова.

– Возьмёшь? – она вдруг остановилась, посмотрела ему в глаза.

– Надо подумать.

– Думай, – сказала Щётка, – только недолго.

– Сколько?

– До четверга.

– Согласен. Поедем вместе!

Щётка, как выяснилось, направлялась в мэрию за какой-то срочной бумагой, но ему удалось затащить её в кафе «У башни», где часто, точнее, в первые дни после зарплаты, обедали музейные люди, и где Агриппина, когда он к ней подсаживался, требовала, чтобы им считали врозь.

– В среду спать не ложись, – отмахнулась от предложенного официанткой меню Щётка. – Я не ожидала, что так быстро, но шанс упускать нельзя.

– Это ты про детей?

– Дурак! – покраснела Щётка. – Это о чём мы говорили, когда я приходила к тебе.

– Ты мне ничего не объяснила, – сказал Одеялов. – Я хотел перечислить деньги за аренду, чтобы ты переправила, не знаю, как вы договаривались, этому... кому давать не значит любить, а ты...

– Прекрати! Ты ничего не знаешь, это... – сжала кулаки Щётка, в глазах появились слёзы.

– Понятно, другое, – на всякий случай отъехал на стуле подальше Одеялов. – Хороший парень, просто ему не повезло, так сложились обстоятельства, его подставили, обманули, у него не было другого выхода... Ладно, прости, – погладил её по руке, – это не моё дело.

– Да нет, ты прав, – потухшим голосом произнесла Щётка. – Но это ничего не меняет.

– Меняет, – возразил Одеялов. – Не надо делать из меня идиота. Что будет в среду?

– Сюрприз, – пришла в себя Щётка. – Не забудь приготовить наличные.

– Прямо сейчас сниму в банкомате. Сколько тебе надо?

– Не мне! Только сколько должен за аренду.

– Ладно, – махнул рукой Одеялов, вспомнив, что ближайшее отделение Сбербанка на центральной площади. – Вино будешь? Извини, забыл, не пьёшь.

– В среду, – посмотрела на часы Щётка, – если получится. Или... не получится. – Глаза высохли. Перед Одеялом сидела уже не обманутая заезжим хлыщом красавица, а знающая себе цену, независимая в творчестве и личной жизни аспирантка с большим академическим будущим. – Я побегу, они там могут уйти, а мне нужно.

– А если меня не будет дома?

– Будешь.

– Уверена?

– Да!

– Почему?

– И не вздумай пить!

– Помешает зачатию?

– Ладно, – поднялась из-за стола Щётка. – Потерпи. Я не могу рассказать, потому что ты можешь проболтаться. Сам знаешь кому! – вскинула чёлку.

Ответка за халат, догадался Одеялов.

– Не веришь мне?

– Верю, – сурово и проникновенно ответила Щётка, как если бы была комиссаром партизанского отряда, отправляющим на «дело» не до конца проверенного бойца. – Хочешь, скажу почему? – Одеялов, сделав серьёзное лицо, кивнул, и она продолжила: – Я не верю, что всё можно купить, что деньги решают всё, что если ты такой умный, почему такой бедный и так далее. Я предпочитаю общаться с теми, кто живёт, а главное, относится к другим, ведёт себя так, словно денег вообще не существует. Кого не купишь, не продашь, кто не товар, а... не знаю, как назвать.

– Святая простота, – подсказал Одеялов. – В Средние века был ещё термин «простецы».

– Можно без определения «святая», – сказала Щётка. – Это не простота, а правда! У кого «да» – это «да», а «нет» – это «нет». Таким людям я верю, а они... – вдруг замолчала и, словно вспомнив что-то хорошее, улыбнулась, – почему-то верят мне. Последний раз спрашиваю: да или нет?

– Да! – рявкнул Одеялов. – Только я не живу так, словно денег не существует. Скорее, наоборот, – вспомнил про звонок финансового консультанта, – живой до сих пор именно потому, что они существуют. Но ты сама, – подумал, что зря сказал, не её это дело, – велела приготовить наличные. Зачем?

– Поэтому тебя ловят, – сказала Щётка, – а могут и убить. Считай, что я тоже святая простота. Ладно, трусишка, я пошутила, так бабы в музее сплетничают. Не факт, что наличные понадобятся, но лучше взять. Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, – бросила второй камень в огород лермонтоведки Агриппины. – В общем, готовься!

– Оружие брать? – шёпотом спросил Одеялов.

– Гранатомёт! – округлив глаза, и тоже шёпотом ответила Щётка. Помахала рукой и пошла к выходу.

– Подожди, – догнал её Одеялов. – Что за история с письмами? Куда их должен нести Степаныч?

– Письма? А... – заморгала, якобы не понимая о чём речь, Щётка. Святая простота хоть и проявила проницательность насчёт «ловят» и «убить», врать не умела. – Звонили сверху, велели сделать копию архива Губы, включая каракули на фантиках и салфетках, передать всё по описи в юбилейную комиссию для подготовки академического собрания его сочинений. Знаешь, кто будет готовить научное сопровождение? Искусственный интеллект! Да, и на почте теперь специальные люди просматривают всё, что при-

сылают в музей про Губу. Мы же объявили на сайте, что нам дорого любое воспоминание, что память о нём – национальное достояние России.

– Эти... почтовые люди, – загрустил Одеялов, – они уже здесь?

– Вряд ли, – сказала Щётка, – они где-то в Москве, туда теперь корреспонденцию со всех отделений пересылают. Иванов на совещании сказал, что вчера вышло специальное распоряжение по «Почте России».

– А если что-то интересное придёт по электронной почте?

– Ну, это, – удивлённо посмотрела на него Щётка, – даже для ребёнка не проблема. Для искусственного интеллекта, сам понимаешь. Он и сейчас, – кивнула на моргающий на столе одеяловский смартфон, – наверное, в курсе.

– Я с тобой, – Одеялов подумал, что предстоящий ночной визит Щётки – милое развлечение, какая-то девичья чепуха. – Поговорю с Ивановым и заодно деньги сниму.

– Не суетись, вон официантка идёт, – окоротила его Щётка. – Он к губернатору уехал, только завтра будет. Повёз смету по фейерверку и реставрации масонского храма в Лудовой Пустоши. Мэр всё-таки расколол нашего обувщика. На него дело завели, задержали прямо в аэропорту за неуплату налогов. Иванов в Москве просил за него, обещал, что тот профинансирует работы в Лудовой, а потом, если дело не закроют, добровольцем на СВО! Может, павлина с собой заберёт? – дёрнула Одеялова за рукав Щётка. – Он уже рычать нау-

чился, как собака. Залезет на забор, увидит кого, и как ножом по кастрюле. Я вчера чуть с велосипеда не упала! – Святая простота явно решила перевести разговор на другую тему.

– А письма, которые недавно пришли, – не поддался Одеялов, – уже отнесли... майору?

– Отнесли-отнесли, – заморгала Щётка, не спросив, что за письма и какому майору. – Мы с Грипкой даже посмотреть не успели.

Не отнесли, понял Одеялов, и посмотрели.

Вечерний Безуслов был красив, как конь в синей сбруе под расписным седлом. Играл булыжным в яблоках крупом, бил копытом по осенним листьям, встряхивал белым султаном колокольни на пожелтевшем холме под медовой ковригой луны. Ноги сами понесли Одеялова из кафе в музей, где он надеялся застать Агриппину.

По Безуслову ходило много красивых женщин, но они были для него, как воздух, которым дышишь, не чувствуя. Воздух обретал плоть и пьянящую глубину, когда он видел тонконосую, как цапля, Агриппину. Её длинные юбки казались занавесом, скрывающим манящую тайну. При этом Одеялов понимал, что тайна живёт, пока занавес крепко сдвинут, а как раздвинется – гуд бай. Стирающий-растворяющий волю и разум у мужиков ластик-растворитель стирал-растворял в одну сторону. Хотя случались, Одеялов вдруг подумал о Щётке, исключения. Он недавно читал, что искусственный интеллект, переводя фразу Гёте: «Слияние двух тел и душ»,

выдал: «Совместное принятие душа после полового акта». Станным образом, в «совместном принятии» Одеялов видел себя с Агриппиной, а в «слиянии» – со Щёткой. С Агриппиной натурально, а со Щёткой умозрительно и, скорее, даже не себя, а кого-то более достойного.

А ещё воздух оживал, кружил голову, когда Одеялов шёл по улице Фабрициуса мимо брошенного дома номер семь, где когда-то у гражданки Ериной Н.Н. квартировал молодой писатель и кандидат в члены КПСС Флорентий Губа. Калитка на участок была условной, но туда почему-то редко кто заходил. Безусловцы уважали частную, пусть и заброшенную собственность. Только доживающая свой век в выстроенном для неё внуком – начальником областного ГИБДД – кирпичном дворце старуха однажды остерегла Одеялова: «Не ходил бы туда, сынок». – «А что там, мать?» – поинтересовался он, но старуха только махнула прозрачной рукой.

Одеялов вторгался в дикий еринский сад, чтобы поесть крупной чёрной смородины, красного волосатого крыжовника, внутри которого прозрачные жилки дрожали, как вольфрамовые нити внутри живых съедобных лампочек. Слива тоже росла – жёлтая, размером с грушу, но к ней было не пробиться сквозь репейник и крапиву в человеческий рост. Упавшими в острую, как иголки дикобраза, степную траву сливами лакомилась осы и зелёные навозные мухи. Их присутствие огорчило Одеялова, но падалью нигде не пахло.

Он сам не понимал, какая сила заставляла его врубаться в заросли возле дома номер семь, урча, пожирать с куста пыльную, брызжущую соком смородину, рвать с колючих веток крыжовник, обжигая руки о крапиву, тянуться к лопающейся в руках перезревшей малине. Горничная исправно приносила ему ягоды с фермерского рынка. Они казались безвкусными. Ягоды портились и вскоре оказывались на помойке, где хозяйничал филин.

Он выбирался с участка Ериной Н.Н., как насосавшийся крови вампир с перепачканными губами, в репьях и колючках, истерзанный крапивой, с неуловимыми насекомыми в волосах и (он чувствовал) на теле, но странно умиротворенный, словно всю жизнь мечтал забраться в чужой сад, наестся невымытых ягод. Их терпкий греховный вкус сводил его с ума, как и запах одичавшего, путающегося под ногами клейкого рододендрона. Среди тонких слив, веток чёрной смородины, кривых яблонь, бурьяна, крапивы, малины, слоновых ушей лопухов ему, как Адаму, мерещилось длинное белое тело, не знающей стыда наготы Евы-Агриппины. Или знающей, но не считающей наготу стыдом.

Недавно, заглянув в кабинет к Иванову, Одеядлов застал его и неизвестного лысого в очках, склонившихся над дореволюционной с ятями и ижицами «Картой почв и грунтов г. Безуслова». «Гляди-ка, – сказал Иванов, – что-то вымеряя на карте линейкой, – песок, глина, тут... болото, а вот и чернозём! – показал Одеядлову изо-

гнувшуюся гусеницей заштрихованную полосу. – Ползёт вдоль дороги, и опа! языком под дом Нинки Ериной. Понятно, почему у неё всё росло, как из пушки, вёдрами баклажаны на рынок таскала. И ведь знала, хитрюга, но врала, что по науке удобряет, блюдёт заветы дедушки Мичурина. А то бы согнал колхоз с участка, поставил теплицы. А все про неё – колдунья, ведьма, лешего приманивает!»

Всё растёт.

Подходя к музею, Одеядлов подумал о неправдоподобно густой лошадиной чёлке Щётки. У Агриппины длинные волосы стрелами падали на плечи, а Щётка в холод ходила без шапки, или как в шапке, примяв буйные полукудри. Люди тоже, как почва, вспомнил старинную карту Одеядлов, кто – песок, кто – глина, кто – болото, а кто – чернозём, где всё растёт. Вот только что?

Однажды он наведёлся в городскую библиотеку – посмотреть интервью с Губой в давно исчезнувшей газете «Русский иностранец». Станным образом в Безуслове сохранились подшивки этой, призывающей россиян уезжать из России пока не поздно газеты. В пустом читальном с компьютерами зале он заметил обложенную книгами и ксерокопированными страницами Щётку, увлечённо читавшую с экрана (Одеядлов своим глазам не поверил) работу Ленина «Государство и революция». Она не просто читала статью столетней с лишним давности, но и делала из неё выписки в блокнот. Щётка вскинула на него чёлку, гото-

вая немедленно дать отпор, защитить Ильича, но Одеялов уважительно поднял вверх большой палец и проследовал в хранилище за подшивкой. А после устроился за дальним столом, дабы не отвлекать аспирантку от изучения статьи вождя мирового пролетариата.

Потом он застал Щётку с томом Плеханова на скамейке в фонтанном скверн, а спустя какое-то время заметил на её столе в музее брошюру родоначальника народничества Николая Михайловского «Борьба за индивидуальность». Одеялов долго пытался вспомнить хоть что-то из литературного наследия этого борца за народное счастье, но вспомнил единственную строчку, которую сам же когда-то и воткнул в очередную юбилейную статью о Губе: «Смерть может быть в иные эпохи признаком и доказательством жизни».

Михайловского в советское время изучали выборочно, но лозунг «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» явно перекликался с его мыслью о смерти как источнике, если не биологической, то политической точно, жизни. Изучающая отвергнутые временем (возможно, не навсегда) труды о разных путях к народному счастью живая юная Щётка была наглядным тому подтверждением. Она рвалась просвещать молодёжь, но директриса упорно ставила её на экскурсии с группами, где преобладали пожилые люди, приезжающие в музей на автобусах «Российское долголетие».

Щётке (Одеялов имел возможность убедить-ся) это не нравилось.

«Они только о пенсиях, ценах, врачах, моче, санаториях и завещаниях, – жаловалась Щётка директрисе, пока подаренная мэром кофемашина, гудя и похрустывая, цедила в чашку кривую струйку. – Час им талдычу, а в конце экскурсии: «Объясните, красивая девушка, этот... Щека, он... кто? Нулевой эффект. Старую жизнь забыли, как пролы у Оруэлла, новую не понимают, хорошо, если дети кормят. Пусть Грипка водит, ей всё равно! Разве я не права? – обернулась Щётка к заглянувшему на кухню Одеялову. – Хотя, – махнула рукой, – вы такой же!» – «Галя!» – пристыдила её директриса, но Щётка, расплёскивая кофе, выбежала из кухни. – «Я бы разрешила, но с молодыми она... дерётся, – объяснила Одеялову директриса, – мальчишку с накрашенными губами и в серьгах указкой по ушам, мать – жалобу, еле уладили. Учит их жизни, – понизила голос, – про коммунизм, про Сталина рассказывает! Дался ей этот СССР! Вы бы с ней поговорили, нас она не слушает». – «Меня тем более», – сказал Одеялов. – «Мой одноклассник, – доверительно продолжила директриса, – здесь у нас главный коммунист, секретарь горкома, что ли, понятно, без власти, без финансов, одно название. В подвале бывшей спортшколы сидят. Так вот, он мне звонил, она к ним ходила, узнавала, как вступить». – «Приняли?» – Куда там, разругалась с ними, и программа буржуазная, и сами они перерожденцы-приспособленцы. В общем... – выразительно посмотрев на Одеялова, директриса покрути-

ла пальцем у виска. – А девчонка умная, хорошая. Где она всего этого набралась?» – «Может, дома?» – «Я родителей знаю. Мать – отоларинголог в детской поликлинике. Отец – в библиотечном коллекторе работал, сейчас историю искусств ведёт в частной гимназии. Хвалят его, знающий специалист, зарплату недавно повысили. У него, помню, при СССР даже выговор был без занесения за книжку Солженицына. То ли он дал почитать, то ли ему дали. Живут неплохо, дался ей этот СССР!»

...Окна в музее горели. На крыльце толпилась молодёжь, дорвавшаяся до смартфонов и планшетов, пользоваться которыми во время экскурсии не разрешалось. Увидев в окне на втором этаже ажурный, как на белой бумаге (он забыл, как называется эта техника), силуэт Агриппины, Одеялов бросился, расталкивая молодёжь, вверх по лестнице.

Агриппина сидела за компьютером в больших круглых очках. Когда она их надевала, нос становился почти незаметным. Без очков – строгая учительствующая цапля, в очках – кроткая трепетная голубица.

– Посмотрите, вдруг что-нибудь предложите в духе национальных традиций, – не отрываясь от экрана, Агриппина протянула Одеялову скреплённые степлером страницы: «Сценарий народного праздника на реке Улов». – Вас включить в список? Я как раз составляю.

– В список? – удивился Одеялов. – Я думал, на праздник вход свободный.

– Я про выезд в масонский храм в Лудовой Пустоши на подписание договора о реставрации. Мероприятие высокого уровня, – подняла указательный палец вверх Агриппина. – Городское начальство, бизнес-сообщество, пресса, местная элита. Осмотр, обсуждение плана, торжественное подписание, банкет. Всё, как положено. Ночью концерт и танцы в старинных одеждах при свечах. Утром обратно.

– С ночёвкой, что ли?

– Да, там уже всё подготовлено. Будет гусь с тушёной капустой и персиками по-безусловски. Фирменное блюдо, Демьян Бедный уважал.

– А Губа? – зачем-то спросил Одеялов.

– Губа... – задумалась Агриппина. – Есть! – хлопнула ладонью по столу. – Стихотворение, посвященное неведомому «О». Кстати, вполне возможно, что вашему отцу, или даже... вам, он же знал вас ребёнком: «Змеёй ползти, гусём лететь, всё потерять и не иметь. Какая скука, брат, до стука земли о доску умереть».

– Это точно про меня, – сказал Одеялов.

– Да ладно, я пошутила, – поправила на носу очки Агриппина, – сочинено до вашего рождения.

– Значит, бабе посвятил.

– Если бы, – не согласилась она. – Это суровая мужская лирика, Бадам Губа не верил.

Я тоже, хотел сказать Одеялов, но удержался:

– Иванов мне ничего не говорил про масонский храм.

– А у него сейчас золотая осень, весь в мыле. Поехал в епархию выбивать из митрополита православную копейку. Тут ещё из минкульта пришло гарантийное письмо, оплатят внутреннюю отделку. Чудеса! До других храмов дела нет, а в масонский – с деньгами в очередь. Вот она, мировая закулиса! Вас в договоре как спонсора не согласовали, но не расстраивайтесь, будете задействованы в благотворительном фонде.

– Это называется свободная бухгалтерия, – усмехнулся Одеялов. – Вы тоже поедете?

– Конечно, – сказала Агриппина, – буду перелистывать ноты у приглашённого пианиста, я же училась в музыкальной школе.

– Записывайте! – подошёл к столу Одеялов. – Найдётся местечко?

– Вовремя зашли. Последнее осталось, список закрывается. Отъезд на двух минивэнах от музея в тринадцать тридцать в среду. Едем с сопровождением, просьба не опаздывать.

– В среду... – застонал, вспомнив про Щётку Одеялов. – Я не смогу.

Он, отвлекшись, не уследил, как Агриппина легко поднялась из-за стола, приблизилась к нему, тесно, так, что у него задрожали колени, прижалась длинным телом, мягкой грудью хрипло прошептала: – Не переживай. Будет тебе фейерверк с уловом, обещаю!

От нечего делать Одеялов полистал сценарий народного праздника на реке Улов. Хорошо бы, вспомнил Одеялов пожелание Агриппины, что-нибудь предложить в духе национальных традиций, выпустить из воды дядьку Черномора с тридцатью тремя богатырями, или саму её в белой юбке с надписью «Россия», нет, лучше «Святая Русь», пустить царевой-лебедь на дельтаплане, а за ней – дрон в чёрных перьях. И чтобы узнаваемый Финист-Ясный сокол (тут надо подстраховаться, чтобы обойти запрет на пропаганду квадроберства) сразил бы коршуна. С царём Додоном тоже можно поиграть, разошёлся Одеялов, вспомнив косо зачёсывающего остатки волос на череп, не без оснований полагающего, что мэр Безулова его подсиживает, губернатора. Иванову хорошо бы наскочить на него золотым петушком. Хватит царствовать, лёжа на боку! Вот тебе и кадровая революция. Креативные созидатели идут на смену боязливым бюрократам!

Пушкин неисчерпаем, как... Ленин, вдруг подумал Одеялов, а Ленин – как Россия. Ему давно казалось, что Ленин с «весь мир насилья мы разрушим» русским людям милее Сталина с экономическими программами, языкознанием, «Кратким курсом истории ВКП(б), делом врачей и борьбой с безродными космополитами. Русский человек долго спит, а проснувшись, ломает кровать, идёт на мир, как на медведя с рогатиной, пока его кто-нибудь снова не уложит, но уже на

голый пол, потому что кровать, матрас и бельё украли.

Достоевский – гений, Одеялов в этом никогда не сомневался, но провозглашённая им русская «всечеловечность» как духовно-нравственная категория имела не только возвышенно-светлое пушкинское, но и зловеще-тёмное смердяковское измерение. Тёмный вненациональный межгосударственный всечеловек вышел за пределы России, растворился в мироздании, и не было на Земле силы, способной вырвать из его рук «булатный нож», о чём ещё двести лет назад предупреждал юный Лермонтов. Над вечной темой размышлял и Есенин в поэме «Чёрный человек»: «Я взбешён, разъярён, и летит моя трость прямо к морде его в переносицу». Губа, вспомнил Одеялов, в середине девяностых, когда Россия лежала под Западом, как наложница, предупреждал в каком-то интервью, что добром это не кончится, сравнивал летящую в переносицу чёрному человеку трость с межконтинентальной баллистической ракетой, а разбитое зеркало с тем, что останется от человеческой цивилизации после ядерной войны. Сегодня спорили только о том, чей, уже не булатный, а ядерный нож от Бога, а чей от Сатаны. О зеркале речь не шла, его судьба была решена.

Жаль, что меня не привлекли к составлению сценария, подумал Одеялов, я бы им такие картины нарисовал! Он, как когда-то Анна Ахматова за Иосифа Бродского, порадовался за Иванова. Ахматова заметила в дни суда над «литератур-

ным трутнем» – будущим лауреатом Нобелевской премии: «Какую биографию делают нашему Рыжему!» Иванов фейерверком и лазерным шоу тоже делал себе биографию. Хотя, даже если и было получено неопределённое, типа «на ваше усмотрение», «добро» сверху, он всё равно рисковал. Могли и наверху отыскаться перестраховщики, ждуны, противники праздника любви к Отечеству, охотники погасить «нашего Лазерного», такую товарищескую кличку придумал Одеялов своему старому другу. Всё растёт, вспомнил он фразу-ключ к любой общественно-политической двери. В мэрии Иванова рос, как бамбук, патриотический креатив. Чем плох фейерверк?

Всё, конечно, растёт, постарался отогнать противные мысли, но куда само хочет. Канувший в Лету СССР, к примеру, прорастал в Щётке, как смородина и крыжовник в «языке» чернозёма на огороде гражданки Ериной Н.Н. На музейной страничке Щётки «В контакте» Одеялову попала на глаза её детская фотография. Высунув от старания язык и склонив голову, она что-то писала в тетрадь. Урок чистописания, вспомнилась ему известная советская фотография. Спустя много лет, в другой эпохе он снова увидел сосредоточенную русскую девочку с густой чёлкой, большими круглыми глазами и, хоть и милым, но неожиданно упрямым выражением лица. Когда они перешли на «ты» и стали больше общаться, слушая Щётку, он часто вспоминал это давно изгнанное из школьного обихода и уже непонятное молодёжи слово – чистописание. В тетрад-

ке Щётки не было помарок. Жизнь, как строгая учительница, диктовала ей сложные тексты. Она писала, как чувствовала.

Заходя к нему в кабинет, Щётка постоянно заводила разговоры об СССР, слушала Одеялова, распахнув глаза и приоткрыв рот. Ему казалось, что он, как Баян на холме, перебирая струны на гуслях, поёт ей летописную «Повесть советских лет». И ведь не сказать, что пел о квартплате, отпусках, пенсиях, санаториях, бесплатном образовании, стипендиях, ценах на железнодорожные, авиационные и театральные билеты, хлеб, молоко и обеды в рабочих столовых. Нет, всё больше об утопленных священниках, расстрелянных в сталинских застенках выдающихся людях, беспаспортных колхозниках, парткомах, зелёных, пахнущих колбасой, электричках из близлежащих городов в Москву и обратно, неперспективных деревнях, продуктовых распределителях и двухсотой секции ГУМа, где отоваривалась номенклатура.

Интерес Щётки к СССР его удивлял, настраивал на юмористический лад, но постепенно он входил в образ советского Баяна или баяниста, не важно, ведь это была его жизнь, начинал петь с чувством. «Ты счастливый», – однажды сказала Щётка, мечтательно глядя сквозь него куда-то вдаль. «В чём же моё счастье?» – нервно поинтересовался Одеялов, еще не отошедший от рассказа о километровых очередях за бензином и водкой, пустых полках в гастрономе возле их дома, талонах за сданную макулатуру, по которым

он приобрёл два тома романа Пикуля «Слово и дело». Иначе было никак. «Ты жил полной жизнью», – посмотрела на него, как на героя, Щётка.

Возможно, и жил, но пальцем не пошевелил, чтобы защитить СССР, хотел ответить Одеялов, но промолчал. Лучшие годы его поколения уложились в худшие для страны годы – конец СССР и становление новой России. Он принадлежал к убитому историей поколению.

Пусть так, но «Всюду жизнь», вспомнил Одеялов знаменитую картину Ярошенко, на которой ссыльный народ кормил сквозь железную решётку в окне столыпинского вагона божьих птиц – голубей. Ностальгия – лучшее средство от тоски, вспомнилась ему следом фраза из фильма «Матрица». Особенно, под качественную выпивку, гораздо раньше и оптимистичнее высказался на этот счёт американский писатель О. Генри. Но это для меня, подумал Одеялов, почему она тоскует по тому, чего не знает? Какие, интересно, были представления о счастье у Софьи Перовской, Веры Фигнер, Геси Гельфман и прочих страдальцев за народ? Вряд ли они ностальгировали по Петру Первому, Ивану Грозному или Владимиру Святому. Они ностальгировали по будущему. Чем закончилось их девичье чистописание? Почему ностальгия по будущему в России всегда кровь и страдания? Потому что будущее нельзя сделать, оно вырастает само. Россия, подумал Одеялов, выстаивала и крепла, когда терпела и ждала, как в трёхсотлетнее татаро-монгольское иго, или при Сталине, и ломала себе хребет, когда

отказывалась терпеть и ждать, как в семнадцатом или девяносто первом годах прошлого века. Россия – да, но русский человек не мог вечно терпеть и ждать. Отчаявшись, он искал счастья в смерти, и это противоречие было не устранить!

Народный академик Трофим Денисович Лысенко, тоже, кстати, один из символов СССР (а куда деваться?), увязывал природу «всё растёт» с особенностями окружающей среды. Да, чернозём, если верить старинной почвенной карте, залез языком на участок Ериной Н.Н., поэтому у неё не было проблем с овощами и фруктами. Наверное, и самодельное вино лилось рекой, вспомнил Одеялов сладко-жгучий вкус чёрной смородины.

ЖАВОРОНОК

Пилит небо жаворонок
звонкий
В бесконечной синей глубине,
Льётся песня ручейком
тонким
Ранним утром в милой
стороне.
Милой – и ему, и мне до боли,
Как пахучий полевой рассвет.
Глянешь в небо – и в груди
заколет:
Ничего дороже этой птахи нет.
Только где-то полыхают
войны,
Засуха всё стёрла в порошок.
Разве люди этого достойны?
Отчего же – что ни день, то
шок?
Пилит небо жаворонок
звонкий.
Я гляжу с восторгом в небеса
И хочу, чтоб в нашем мире
тонком
Вечно были птахи,
солнце и роса...

**Александр
МОСИЕНКО**

Поэзия

ПОДСОЛНУХ

Надо мною в полнеба подсолнух.
Лепестки – будто солнца лучи,
Но достать это вкусное солнце
Не могу.
Не дорос – хоть кричи.
И в беде моей нету подмоги:
Мама в поле, отец на войне.
Я стою аистёнком, поджавшим ногу.
Ох, как хочется семечек мне!
Но, соблазном своим озадачен,
Наглотавшись слюнок сполна,
Я кому-то шепчу, чуть не плача:
– Пусть растёт себе.
На семена...

ВСЁ ОСТАЛОСЬ, КАК БЫЛО

Светлой памяти сына

Всё осталось, как было:
и солнце, и травы,
И улыбки друзей, щебетание птиц
и бодрящий рассвет,
И гитара его, и его золотые октавы,
Всё осталось, как было,
Только сына Серёженьки нет.
Был он славным ребёнком,
Позднее – мужчиной.
Жил друзьями, а дружба
превыше всего для него.

Он не думал о близкой
банальной кончине
И недугом своим не хотел
огорчать никого, никого...
Всё осталось, как было:
и небо, и солнце,
и живые родные,
И друзья, и бодрящий рассвет,
и октавы его золотые,
Только сына Серёженьки нет.

ХЛЕБУШЕК

Маме

Паук – и тот тощал на кухне.
Нам крошки хлеба негде взять.
Мы голодали.
Молча пухли,
Стыдясь о немощи сказать.
И, голодая, твердо знали:
До лета выживем едва ли,
Я помню праздник наш престольный –
Мать принесла кусок жмыха.
Грызём его и так довольны:
Обид и жалоб не слышать.
У всех глазёнки заблестели –
Жизнь пробуждалась в хилом теле.
Сидим втроём на печке русской.
А жмых тот слаще леденца.
(Мне и сейчас бывает грустно,
Как вспомню детство без отца).

О, детство, детство грозное,
Голодное и роковое.
Однажды, за Победой вскоре,
Мать испекла нам новый хлеб.
Он был из радости и горя
И самый вкусный на Земле,
Хрустящий, с корочкой горячей.
Мать подаёт его и плачет:
«Вот и дождались...ешьте, ешьте».
Был славный сорок пятый год.
Эх, папка, папка. Где ж ты? Где ж ты?
Мы знали: папка не придёт.
Я ж с той поры, где ни живу,
Хлеб только хлебушком зову.

ОБЕЛИСКИ У ДОРОГ

Обелиски стоят у дорог
Горькой памятью прошлой войны,
Чтоб никто не посмел и не смог
Осквернить её страшной цены.
Той цены, что в рубли не сложить,
Не измерить валютой любой:
Миллионам хотелось жить,
Только бросили их на убой.
И с одной, и с другой стороны
Миллионы в боях полегли.
Неужели нельзя без войны?
Призадумайтесь, люди Земли.
Океан материнских слёз
День и ночь, не смолкая, штормит
И не только у русских берёз

Омывает печальный гранит.
Обелиски стоят у дорог –
Горькой памятью прошлой войны,
Чтоб никто не посмел и не смог
Осквернить её страшной цены.

УРУПСКИЙ ВОДОПАД

С Урупа вниз, игрива, как девчонка,
Порой журча, порою грохоча,
Бежала безымянная речонка
Искать свою судьбу или причал.
И всё бы завершилось тривиально:
Она слилась бы с бурною рекой,
Так и оставшись речкой безымянной,
Так и оставшись речкой никакой.
Но вдруг обрыв,
и – чудо превращения:
Речонка превратилась в водопад!
Теперь кругом все жаждут с ним общенья
И с радостью
на встречу с ним спешат.
А он шумит, прохладу рассыпая,
Играет жемчугами, чародей,
И радуга, его душа живая,
Не уставая, радует людей.
Так неприметная, безвестная речонка,
Сквозь страх обрыва на пути,
Однажды обернулась
Водопадом звонким,
Куда всегда так хочется идти!

В ГОРЫ ДАЛЁКИЕ, СИНИЕ

Вот и опять отложил я зачётку:
Кончилась сессия, лето зовёт.
Но поезда с расписанием чётким
Мне не нужны – ухожу я в поход.
В горы далёкие, синие,
В горы, что вечно в снегу.
Тех, кто погиб за Россию,
Я позабыть не могу.
Там среди скал и холодного фирна
В сорок втором лютовала война.
Но и сегодня на родине мирной
Горько вздыхает о муже жена.
Мать о безусом сынишке тоскует,
Что на Кавказе без вести пропал...
Может, немного собою рискуя,
Снова на поиск рюкзака я собрал.
В горы далёкие, синие,
В горы, что вечно в снегу,
Тех, кто погиб за Россию,
Я позабыть не могу.

МАМИНА КАЛИТКА

У этой калитки не раз я прощался,
Оставив за ней одинокую мать,
И сколько бы по свету я ни мотался,
Магнитом тянуло её повидать.

Бывало, на пару денёчков приеду
И вновь тороплюсь под свои паруса.
А ты улыбнёшься: «Пора пообедать...»
И вдруг упадёт на клеёнку слеза.
Сидим за столом.
Я её успокою,
К себе на житьё насовсем позову.
«Спасибо, сыночек... Я рада, не скрою,
Но лучше я дома ещё поживу».
Теперь её нет. И не будет – я знаю.
Её не вернёшь, не заменишь другой,
Но я никогда не забуду, родная,
Как ты у калитки всё машешь рукой.
Как счастьем душа моя там наполнялась –
Мне было к кому иногда приезжать.
А нынче калитка моя поломалась
И некому больше встречать, провожать.

* * *

Я каждый день без усталости пишу,
Пока российскими болячками дышу,
И в этом вижу
крепкий гвоздь поэта,
Которым бесконечно дорожу.

Алексей КРУГОВ
Олег ПАРФЕНОВ

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ¹

3

*«Я люблю людей, и это
возвращается мне
бумерангом...»*

Эмиль Зигель... Он прожил долгую и непростую жизнь, длиной в 97 лет. Многие повидал на своем веку, значился в расстрельном списке, чудом спасся от смерти. Его отца и мать расстреляли нацисты под Минеральными Водами осенью 1942 года. Три сводных брата погибли на фронтах Великой Отечественной. Сестра Вера, выпускница Ставропольского (Ворошиловского) медицинского института, прошла с боями от Сталинграда до Берлина, осталась жива.

¹ Начало в №1 2025 г.

Краеведение

– Меня часто спрашивают, что такое счастье?.. По-моему, это любовь к людям. Я люблю людей, и это возвращается мне бумерангом...

Трудно сказать, насколько исправно работает этот закон, но в случае с Эмилем Зигелем – безукоризненно. Судьба подарила ему встречи, дружбу с Расулом Гамзатовым и Махмудом Эсамбаевым, Анной Герман и Клавдией Шульженко, Вольфом Мессингом, Юрием Левитаном, Ираклием Андрониковым, ...Тесные отношения много лет его связывают с легендой Кисловодска, музыковедом и писателем Борисом Розенфельдом. Эмилю Генриховичу Зигелю, который не мыслит себя без музыки, посчастливилось аккомпанировать великому Марку Бернесу.

Музыка – его страсть и сама жизнь! В детстве Миля (так его звали в семье) мечтал стать врачом, но стал профессором по специальности «музыкальное искусство» и лауреатом всевозможных Всесоюзных фестивалей. Вдобавок к этому, он – Почетный радист Советского Союза и России, судья Международной категории по радиоспорту, академик Международной Академии духовного единства народов мира, академик Международной Академии научных открытий и изобретений, академик Ганноверской (Германия) Академии... Человек потрясающей силы духа и безграничного обаяния!

Сколько же надо отдать тепла собственной души, чтобы господь заметил тебя и вознаградил?..

Там, где цветы, – всегда любовь

21 июня 1941 года в Днепропетровской школе № 33, где учился Эмиль, прозвучал последний звонок. Счастливые мальчишки и девчонки договорились увидеться на пляже на следующий день поутру, а встретились возле репродуктора. Из сообщения Юрия Левитана узнали о том, что началась война.

Гитлеровцы терзали город непрерывными бомбежками, стараясь уничтожить два стратегических моста через Днепр и промышленные предприятия. Семье Зигелей пришлось покинуть город, эвакуироваться на юг. Как оказалось, вовремя. Осенью нацисты уничтожили в Днепропетровске практически все еврейское население. Их расстреляли в оврагах Долгой балки... 12 тысяч человек! Там погибли практически все родственники, друзья, соседи Зигелей. Спаслись единицы...

Эмиль вспоминал:

– Я отчетливо помню этот день 12 августа 1941 года... Наш эвакопоезд с беженцами из Днепропетровска прибыл на станцию Минеральные Воды. Здесь нас ждали подводы, все было четко организовано. Отвезли в станцию Боргустанскую. Наша семья из четырех человек жила в простой казачьей хате, где нам выделили комнату. С сестрой Верой работали в колхозе, снопы подавали в молотилки... Здесь я впервые узнал, что такое настоящий крестьянский труд! Первый военный урожай... Его собирали все, кто не ушел на фронт. Бились за каждый колосок!

Позднее Зигели перебрались в Кисловодск. В этом курортном городе, считавшимся глубоким, недосыгаемым для врага тылом, центром высокой театральной и музыкальной культуры Кавказа, семья Зигелей до этого бывала уже не раз. Мама Эмиля болела астмой, летом ездила в Крым, но помогал ей только целебный кисловодский воздух.

В эвакуации семья поселилась на улице Красноармейской. Мама вела домашнее хозяйство, отец устроился в обувную мастерскую. Эмиль пошел учиться в 7 класс 4-й средней школы, где сегодня располагается православная Свято-Никольская классическая гимназия. Никто даже представить не мог, что гитлеровцы так быстро дойдут до предгорий Северного Кавказа. Все прибывшие с Украины были уверены, что Кисловодск – это самое безопасное место на земле.

Летом 1942 года Эмиль, хорошо играющий на пианино воспитанник Дома пионеров в Днепропетровске, с родителями пошел в Кисловодскую филармонию на концерт. На сцене блистательно выступал джаз-оркестр Северо-Кавказского военного округа под управлением Иосифа Тельмана. Именно тогда впервые на публику была исполнена «Цветочница Анюта» на слова Георгия Строгонова и музыку Модеста Табачникова.

Зайдите на цветы взглянуть, всего одна минута!

Приколет розу вам на грудь цветочница Анюта!

Там, где цветы, – всегда любовь, и в этом нет сомненья.

Цветы бывают краше слов и лучше объяснения.

Немцы на Кавказ ворвались стремительно. Представьте: солнечный август, город переполнен ранеными красноармейцами. «Самолетики», как называли тогда перебинтованных советских воинов, которые не могли ходить, а только лежали с вытянутыми перебинтованными руками, полностью заполнили привокзальную площадь под открытым небом. Когда немцы перерезали железную дорогу, эвакуироваться им было некуда.

3

Личный связист генерала Катукова

Эмиля родители укрывали в семье его одноклассницы, армянки Бэлы Исыхановой. С 6 по 9 сентября на Кавказских Минеральных водах у стекольного завода на окраине города прошли массовые казни евреев. В расстрельном списке значился и Эмиль [1, с. 6]. Избежать страшного приговора парню удалось благодаря грузинам Сергею Метревели и его другу Ивану Гугешашвили. Они собрали группу, с которой готовились уйти в Грузию. Эмиль рвался повидаться с родителями, но Сергей не пустил его.

С Метревели семья Зигелей познакомилась случайно. Эмиль, уже в юные годы виртуозно играющий на пианино, время от времени подрабатывал на танцах в кисловодском парке, исполняя джазовые композиции. В один из таких

летних вечеров к нему, прихрамывая, подошел молоденький офицер – в петлицах два кубаря:

– Здорово играешь! А «Землянку» сможешь?

– Конечно!

Лейтенанта звали Петя Рабинович. После концерта он затянул Эмиля к себе домой, познакомил с родителями – мамой Ольгой Львовной и папой Аркадием Мироновичем, работавшим в винном магазинчике у Серго. Вскоре Метревели повел свой отряд горными тропами в Закавказье, в родовое село Уцера. Голодные, оборванные, изможденные, за шестнадцать суток они преодолели почти пятьсот километров. По дороге Эмиль тяжело заболел тропической малярией. Едва добрались до места, юноша свалился заживо и пролежал несколько недель в доме Метревели под присмотром его родных.

После выздоровления Зигель отправился на Урал, где жили его родственники. По дороге у него украли мешок с вещами, деньги и дорогие сердцу фотографии близких. Остались только часы, что незадолго до расставания подарила мама. Чтобы купить билет до Орска, где у Эмиля жили двоюродные сестры, часы пришлось продать. К тому времени родственники уже знали о трагедии под Минеральными Водами. Когда Эмиль предстал перед двоюродными сестрами, они восприняли его как посланника с того света. На два месяца Зигель был принят в местную воинскую часть сыном полка, а зимой 1943-го по призыву отправился в Ленинградское училище связи, расквартированное в Уральске. Служ-

бу начал в Белоруссии, где поступил под личное начало командующего 1-й гвардейской танковой армией Катукова.

О нем он всегда отзывался с большим уважением

– Достойный командир, настоящий маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза, воевал на 14 фронтах... В 1941 его 4-я танковая бригада стояла насмерть на подступах к Москве. Она преградила путь к столице самому Гейнцу Гудериану, которого считали танкистом вермахта номер 1... Мог бы еще пожить. «Беломорканал» его сгубил, выкуривал по три пачки в день! Какое сердце выдержит...

Зигель закончил войну в Берлине. Остался на четыре года в должности командира радиовзвода в составе группы советских войск в Германии.

– Я по жизни интернационалист. В моем подразделении служили солдаты 17 национальностей и я, еврей, командир.

Встречи, оставшиеся в памяти навсегда

Зимой 1944 года курсанта Зигеля срочно вызвал начальник политотдела военного училища связи.

– Эмиль, тут накладка вышла... В общем, тебе предстоит отстаивать честь училища.

Еще не зная, о чем идет речь, выпалил: «Есть!»

– А теперь слушай. К нам приехал Марк Бернес. Будешь ему аккомпанировать. Сам понимаешь, подвести нельзя...

К тому времени Эмиль уже выступал и с оркестром, и один. Но Бернес! В голове все смешалось, однако обладания не потерял. Зигеля провели в зал, где его дожидался знаменитый артист. Марк Наумович удивленно взглянул на стриженного, в залатанной гимнастерке, вместо сапог – обмотки курсанта. Осторожно поинтересовался, смотрел ли он фильмы с его участием.

– Конечно! Все до единого: «Истребители», «Человек с ружьем», «Два бойца»...

– Да что ты поделаешь, – всплеснул руками Бернес, – ноты забыл! Похоже, конец концерту...

– Ноты мне не нужны, я без них сыграю, – так же неожиданно выдал курсант, вызывая у артиста своей уверенностью все большее подозрение. Бернес внимательно взглянул на своего нового знакомого и произнес только:

– Ну, давай.

Репетировали час. Концерт прошел на «ура». «Темную ночь» исполняли на «бис» трижды. От начальника училища курсант Зигель получил личную благодарность, а от Бернеса – приглашение на ужин.

...Шел 1968 год. В Клайпеде на стадионе «Жальгирис» состоялся большой концерт с участием Лидии Руслановой, Эдиты Пьехи, Александра Броневицкого и... Марка Бернеса. Служивший тогда в Литве Эмиль Зигель пропустить такое грандиозное культурное событие никак не мог. А после концерта директор Клайпедской филармонии представил его артистам.

– В свободный от выступлений день гости захотели съездить в соседний курортный городок Палангу, и директор филармонии попросил меня сопроводить их, – вспоминал Эмиль Генрихович. – Я, понятно, согласился. Меня все время терзал вопрос: «Узнает меня Марк Наумович или нет?». Не узнал... Много с той нашей первой встречи минуло времени, да и встреч таких у большого артиста не перечесть сколько было!

В янтарный музей Бернес не пошел, и мы с ним присели на лавку. Тут я и напомнил ему о январском вечере 1944-го. «Так это вы тот самый курсант, который играл мне в училище на Новый год?!»

Обнялись, как старые друзья, на глаза выступили слезы. Вечером в ресторане Бернес первым поднял тост:

– За здоровье гвардии подполковника Зигеля, который не дал сорваться моему концерту в годы войны!

А когда выпили, Бернес попросил Эмиля Генриховича сыграть ему, как прежде.

– Что споете, маэстро?

– А давай... Давай «Темную ночь»!

Не всем мемуарам можно верить

Мирное небо над головой, Днепропетровск, 1949 год. Встречи, театры, концертные залы, застолья... Очередной отпуск подходил к концу, и Эмиль решил по традиции созвать друзей на «отвальную» в ресторан Дома офицеров.

– Миля, зачем нам ресторан, родителей пригласили на свадьбу – дом в нашем распоряжении. Двор, беседка, пианино подтащим к дверям, будем музицировать и веселиться! – вдруг предложил давний друг Володя Коганович.

Зашли в гастроном, отоварились и направились к Володе. По дороге встретили двух девушек, которых Эмиль не знал. Одну звали Галей, другую Милой. Тут же решено было идти всем вместе. Уже на вечеринке Эмиль узнал, что Галя – дочь первого секретаря обкома Леонида Ильича Брежнева. Гуляли до утра, Миля играл на пианино, все пели, танцевали, шутили. Утром молодого офицера шумной компанией проводили в аэропорт, откуда он улетел в Москву, а из Москвы – поездом в Берлин. В следующий свой отпуск Эмиль узнал от Милы, что Галя вышла замуж, а ее отца перевели в Молдавию первым секретарем республиканского ЦК. В 1956-м гвардии капитан Зигель поступил в Военную Академию связи в Ленинграде. После окончания получил назначение в Прибалтийский военный округ на должность начальника школы радиоспециалистов в Риге.

Нередко друзья детства и юности приезжали к нему погостить, рассказывали, что с помощью Галины Брежневой стали москвичами. Достаточно было ей заглянуть к председателю Мосгорисполкома Промыслову – и прописка готова. Ну не мог отказать тот дочери председателя Президиума Верховного Совета СССР!

– Галя была хорошим другом, отзывчивой и не забывала друзей, – делится Эмиль Генрихович. – Как-то я приехал в Москву по службе, договорились с друзьями встретиться в ресторане «Советский». И там после долгого перерыва мы вновь увиделись с Галиной. Вспоминали Днепрпетровск, общих друзей-товарищей... Потом не раз еще встречались с Галей у Игоря Кио.

С начала 1970-х Эмиль Зигель служил в Литве. Как-то звонит ему директор Дома отдыха Совета Министров республики и просит срочно приехать, но зачем, упорно держит в секрете, сюрприз, мол. Зигель приезжает в Палангу, а там его ждет Галина! Обнялись, долго не могли наговориться. Тогда же Галина представила Эмилю своего мужа – генерала Юрия Чурбанова.

– У нас было много еще встреч с Галей, – вспоминает Эмиль Генрихович, – и у меня об этой женщине остались самые теплые и нежные воспоминания. Я много читал о ней в прессе и в мемуарах, но... всякий раз мне казалось, что речь идет о ком-то другом. В моей памяти Галя навсегда останется человеком светлым, верным себе и друзьям.

Сначала разыскал своего спасителя

Начиная с 1945 года, каждый свой отпуск Эмиль Зигель начинал с поездки в Минеральные Воды, где у стекольного завода в противотанковом рву вместе с тысячами других советских граждан лежат его мама и папа. Несмотря на преклон-

ный возраст, он ежегодно посещал это скорбное место. Любил повторять, что **«свое сердце он навсегда оставил в Кисловодске...»** Этому городу Эмиль Генрихович посвятил песню:

*При каждом о тебе воспоминании
Душа и сердце тают словно воск,
Прими же скромное мое в любви признание,
Жемчужина Кавказа – Кисловодск!*

Семью Сергея Метревели благодарный Эмиль Зигель разыскал сразу, как только вырвался из Германии на родину в первый свой отпуск. Связь они поддерживали до 1991 года, когда Сергея Васильевича не стало. Зигель добился присвоения своему спасителю звания «Праведник народов мира».

До января 2004 года среди двадцати тысяч награжденных этим званием, грузин не было. Сергей Метревели – первый из них. Его имя выгравировано на Стене Почета в израильском мемориальном комплексе «Яд Вашем», ставшем символом вечной памяти и благодарности еврейского народа.

Среди гостей торжества присутствовал известный в Кисловодске, многолетний заведующий кардиологическим отделением городской больницы, заслуженный врач России Абели Сергеевич Метревели – сын дяди Серго, спасшего от расстрела 16-летнего еврейского мальчишку.

Эмиль Генрихович Зигель участвовал в открытии на территории Ставропольского края нескольких памятников казненным в годы войны евреям, – эвакуированным старикам, женщи-

нам, детям. У каждого обелиска молитвы прочитали раввин и православный священник. В селе Донском на траурной церемонии Эмиль Зигель произнес такие слова:

– Моих родителей зверски убили нацисты, а меня спасли добрые люди. Я воевал и закончил войну на развалинах Берлина. В эти дни я, старый еврей, которому уже за девяносто, прилетел сюда за тысячи верст, чтобы своими глазами видеть, как люди умеют беречь память. Открытие памятников – это добрый знак, он подает надежду, что страшные события прошлого больше не повторятся. Дети! От вас зависит будущее Северного Кавказа и России. Заклинаю вас, берегите мир!

О сестре только с любовью!

В его памяти постоянно всплывали сюжеты, связанные с семьей. Вспомнились замечательные слова Габриэля Гарсиа Маркеса: «Жизнь – это не то, что было, а то, что ты об этом помнишь и как ты об этом рассказываешь». Рассказывать Эмиль Генрихович умел, многое помнил и ясно излагал. Он всегда с особой теплотой отзывался о своей сестре Вере, они были очень дружны.

Их было 389 выпускников 1942 года Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института. Среди них Вера Генриховна Зигель. В списке выпускников она значилась двадцать первой [2, с. 86; 3, л. 43]. Вера оставила брату свои военные воспоминания о Сталинградской

битве. Она, пожалуй, единственная выпускница мединститута 1942 года, которая прошла горнило Сталинградской битвы. От начала до конца.

Лето 1942 года. Пыльное и очень жаркое. Ставрополь, окраина города. Хрупкая девушка на обочине дороги, ведущей в Невинномысск. Из вещей только самое необходимое. Вере Зигель, только что окончившей Ставропольский (Ворошиловский) медицинский институт, было всего 22 года. Любимица отца, единственная дочь в семье. Летом 1942-го она выбиралась из города в потоке беженцев. Ей повезло, помог его величество случай. Рядом проезжала полуторка с военными, она показала офицеру диплом врача, и ее взяли с собой.

Так Вера оказалась на Сталинградском фронте. Ее первая должность – младший врач 979-го артиллерийского полка 173-й стрелковой дивизии (впоследствии 77-й гвардейской), которая входила в состав 24-й армии. С осени 1942 года дивизия участвовала в Сталинградской битве, ведя оборонительные и наступательные бои северо-западнее Сталинграда и в самом городе.

Оказание медицинской помощи защитникам города на Волге строилось по следующей схеме: первая медицинская помощь оказывалась санинструктором роты, доврачебная помощь – фельдшером батальона, первая врачебная помощь – врачами полкового медпункта (ПМП). Вот в таком ПМП начала свою службу Вера Зигель, в перерывах между боями вела записи, вспоминала о своих родных, которые остались «под гитлеров-

цами» в Кисловодске. Позднее ей сообщат, что ее отец, мать и брат расстреляны вместе с тысячами других евреев в противотанковом рву под Минеральными Водами у стекольного завода.

– Представляете ее состояние, когда она получила известие из Кисловодска о смерти всех ее родных?! – вспоминал Эмиль Генрихович, – Верочка! Что ей пришлось пережить!? Красивая, умная, добрая старшая сестра, такой она навсегда осталась в его памяти.

Это сейчас врачи работают в комфортных условиях, в их арсенале сотни препаратов. Во время Сталинградской битвы они трудились в прямом смысле в полевых условиях – без электричества, без отопления, не хватало медикаментов. Часто приходилось недоедать, недосыпать, быть под обстрелом и бомбежками немецких самолетов.

О себе Вера писала мало, больше о своих друзьях-товарищах. Что видела? Чудовищно разрушенный Сталинград, горящую Волгу, каждодневные подвиги солдат и офицеров.

Из воспоминаний В.Г. Зигель: «Все солдаты и офицеры Сталинградской битвы были героями, – писала Вера Зигель. – Мне хочется вспомнить артиста МХАТа Ивана Семеновича Морозова, заместителя командира по политической части одного из дивизионов нашего полка, который, будучи одновременно ранен в левое плечо и бедро, отказался уйти с поля боя. Когда погиб пулеметчик, подполз к пулемету и повел огонь по врагам. Командира орудия А.А. Каба-

нова осколок тяжело ранил в лицо – была рваная рана. После оказания первой помощи мужественный командир не оставил свой боевой пост. Орудие било без перерыва, пока вражеская атака не захлебнулась. За время боев на подступах к Сталинграду расчет Кабанова уничтожил 265 гитлеровских солдат и офицеров, две автомашины с пехотой, пять подвод с грузом, подбил два орудия, разбил 4 блиндажа и один ДОТ. У Саши Мироненко, 19-ти лет, была рваная рана бедра. После оказания помощи я отправила его в тыл. Трижды он убежал из медсанбата в бой, а после возвращался ко мне на перевязку... Раненые солдаты и командиры с поля боя не уходили, если держались на ногах, не теряли сознание и могли продолжать бой. Каждый из них был герой. Покидали поле боя те, кого приходилось вытаскивать на волокушах, на руках и носилках» [4].

Среди ее коллег по госпиталю 4405 были военврачи Фейгина Тамара, Клейн Дора, Фингерова Зинаида, ее непосредственный начальник майор медицинской службы, рижанин Давид Борисович Шмуэльсон. Она всегда с теплотой отзывалась о своих сослуживцах-медсестрах Носковой Вере, Денисовой Кате, Алексеевой Анне.

Из воспоминаний В.Г. Зигель: «А девушки нашего полка! Девятнадцать милых красивых девушек 17–19 лет, почти детей, некоторые удрали из дому... Таня Горднещина, 17-ти лет, совсем ребенок, была бесстрашной разведчицей полка, линию фронта переходила бесчислен-

ное количество раз. Красавица Кима Иванова, 18-ти лет, была радисткой, уходила с разведчиками за «языками». Девушки были санинструкторами в батареях, фельдшерами в дивизионах. И все бесстрашно делали свое благородное дело. А кончался бой, своими тоненькими ручками перестирывали белье свыше тысячи солдат личного состава полка».

Войну Вера окончила в Берлине, награждена орденом Отечественной войны и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» После войны вернулась в Днепропетровск, окончила курсы рентгенологов, работала в областной детской поликлинике железнодорожников.

Эмиль Генрихович Зигель... Мы встречались с ним в Кисловодске несколько лет, записывали его воспоминания. В свои годы он сохранил бодрость духа и ясную память. Помнил имена всех своих близких родственников. Говорил, что жизнь дается всем, а старость только избранным. Повторял, что с удовольствием отпразднует вековой юбилей в Кисловодске...

– Мне уже без трех сто! Почтенный возраст! Каждое новое десятилетие добавляет мудрость и желание жить.

Николай БЛОХИН

ЭРА ОСТРОВСКОГО В СТАВРОПОЛЕ

I

Заслуги Александра Николаевича Островского, двухвековой юбилей которого уже отметила Россия, перед русской драматургией, перед отечественным театром объективно оценил выдающийся русский писатель Иван Александрович Гончаров: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой

Культура

русский национальный театр. Он по справедливости должен называться «Театр Островского».

Островский начал печататься в 1847 году. Из-под пера Александра Николаевича вышли сорок семь оригинальных пьес, семь пьес в соавторстве с другими драматургами и более сорока пьес он перевел с иностранных языков. В произведениях Островского литературовед Е. Холодов насчитывал 728 персонажей.

До Островского состояние репертуара русских театров, по оценке доктора филологических наук А.И. Ревякина, определяли «переводы пустых, легкомысленных водевилей и душещипательных мелодрам, сотканных из ужасов и преступлений». Водевиль и мелодрамы того времени, страшно далекие от жизни, заполнили российскую театральную сцену, уводили читателей и зрителей от противоречий и социальных проблем общества. Один из персонажей «Театрального разезда после представления новой комедии» Гоголя так говорит о водевилях: «Нет, брат, на водевиль и калачом не заманишь. Знаем мы эти пьесы, которые даются на закуску: лакеи вместо актеров, а женщины – урод на уроде». А о комедиях другой персонаж высказался следующим образом: «...поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пьесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его оттуда за ногу». В «Петербургских записках 1836 года» Гоголь сказал о мелод-

раме еще жестче: «Где же жизнь наша? где мы со всеми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отражение ее видели мы в нашей мелодраме? Но лжет самым бессовестным образом наша мелодрама...»

Мало сказать, что появление пьес Островского оказало огромное влияние на развитие русской драматургии и отечественного театра. Пьесы Островского, писал А.И. Ревякин, «круто повернули драматургию и театр к жизни, к ее правде, к тому, что истинно трогало и волновало людей непривилегированных слоев населения, людей труда». Автор пришел к мысли о том, что заслуга Островского заключается в том, что он завершил начатое Фонвизиним и продолженное Грибоедовым, Пушкиным, Гоголем и создал русскую национальную драматургию. На ролях в его пьесах выросли великие русские артисты. Достаточно вспомнить актера Малого театра Прова Садовского, актера Александринского театра Александра Мартынова, актрису Александринского театра Полину Стрепетову, актрису Малого театра Марию Ермолову... Не стоит сбрасывать со счетов ещё один немаловажный факт: с постановкой пьес Островского значительно улучшилось и материальное положение российских театров. В письме от 25 августа 1879 года редактору журнала «Русская старина» Михаилу Ивановичу Семевскому драматург признавался: «...уж давно не проходит ни одного дня

в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2-х миллионов...»

Спектакли по пьесам Островского ставили не только в Москве и Петербурге. Его пьесы разошлись по всей России, по всем театральным труппам того времени. Так создавался национальный театр, о котором Островский писал, что он «есть признак совершеннолетия нации так же, как и академии, университеты, музеи. Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий язык – значительный и незначительный, самостоятельный и несамостоятельный».

II

Первой пьесой русского драматурга А.Н. Островского, поставленной на театральной сцене Ставрополя, оказалась комедия «Последняя жертва» с трогательным драматическим сюжетом. Написанная в 1877 году, увидевшая свет на сцене Александринского театра в ноябре того же года и опубликованная М.Е. Салтыковым-Щедриным в январском номере журнала «Отечественные записки» за 1878 год, она стала доступной российским театральным труппам.

В Ставрополь ее привез Николай Синельников, оставивший о себе память как режиссер, актер, театральный деятель, удостоенный в советское время

звания «Народный артист РСФСР». «Последнюю жертву» он поставил с актерами труппы Николая Песоцкого, гастролировавшими по России. В те годы в Ставрополе не было своего театра. На сцене работали заезжие артисты. Одни задерживались на годы, а другие и сезона не выдерживали. Город небольшой. Население малочисленное. Редкий спектакль шел по два-три раза. За год театр давал до сорока новых постановок.

Труппа Николая Саввича Песоцкого успешно отработала на театральной сцене Ставрополя три сезона: 1878–1879, 1879–1880, 1880–1881 годы. Именно ей выпала историческая миссия открыть драматургию Островского публике Ставрополя. Премьера спектакля по комедии Островского «Последняя жертва» состоялась осенью 1878 года. «Зрителей поразили простой, естественный тон исполнителей, – отмечали исследователи истории развития театра в России, – новым было и то, что монологи герои произносят, обращаясь друг к другу, а не к зрительному залу. И, наконец, было совершенно необычным то, что на сцене появилась как бы четвертая стена, а потому артисты порой оказывались спиной к зрителям, что в старом театре считалось совершенно недопустимым. Раньше актер, даже при уходе со сцены, не имел права показывать зрителям спину, а потому уходы допускались только в боковые кулисы». Позднее Николай Синельников поставил спектакль

ли по пьесам Островского «Дикарка», «Лес», по сказке «Снегурочка». В 1935 году Н.Н. Синельников издал книгу воспоминаний «60 лет на сцене», оставив в ней несколько трогательных слов о Ставрополе: «...молодой актер южных театров по обычаю того времени стремился хоть один сезон прослужить в Ставропольском театре. Публика этого города с издавна имела репутацию понимающей, любящей театр и очень требовательной». Интерес к пьесам Островского у зрителей Ставрополя поддерживали и другие гастролировавшие на Северном Кавказе труппы.

В 1896 году театральные режиссеры стали обладателями бесценного десяти томного издания Полного собрания сочинений А.Н. Островского. Это редкое для нашего времени издание есть в фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. В десяти томник издатели включили пятьдесят наиболее известных пьес драматурга. Издание вышло под редакцией артиста императорских театров М.И. Писарева. Про Модеста Ивановича пишут, что он – дальний родственник русского публициста и литературного критика Дмитрия Ивановича Писарева, один из организаторов «Товарищества русских актеров», был женат на русской актрисе Полине Антиповне Стрепетовой.

Первого октября 1910 года в Ставрополе произошло историческое событие, которое даже спустя сто с лишним лет вызывает восхищение. На

Николаевском проспекте открылся торгово-зрелищный центр «Пассаж». Его левое крыло заняли драматический театр на шестьсот мест, кинотеатр – на двести. В этом здании актеры проработали пятьдесят пять лет, пережив две революции, Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную войны.

Театральный сезон в новом помещении открыли актеры труппы Ивана Ивановича Судьбинина постановкой спектакля по пьесе Островского «Снегурочка». Поставил спектакль известный режиссер того времени Арнольд Маркович Самарин-Волжский – гордость русского и советского театров, награжденный в 1939 году орденом «Знак Почета». На двадцать первое ноября того 1910 года был заявлен утренний спектакль еще по одной пьесе известного драматурга «Доходное место» в постановке Самарина-Волжского. Вечером состоялся показ спектакля по пьесе М. Горького «Васса Железнова».

В двадцатых–тридцатых годах Ставрополь пережило несколько административных реорганизаций: от Ставропольской губернии до Северо-Кавказского края, переименованного в 1937 году в Орджоникидзевский. Переименовывали улицы, районы, города. Центр края находился то в Ростове-на-Дону, то в Пятигорске, с мая 1937 года – в Ворошиловске (Ставрополе). Ставрополь в эти годы выполнял роль округа, района и, наконец, снова стал центром края. Все эти реорганиза-

ции сказались на судьбе театральной сцены Ставрополя.

В двадцатых годах театр «Пассаж» переименовали в центр имени Ленина, затем в Первый Ставропольский имени В.И. Ленина. В двадцатых годах на сцене работали, в основном, гастролирующие артисты. Им, как говорится, не до Островского. В репертуаре пьесы революционной направленности. Лишь однажды, в октябре 1922 года, как сообщала газета «Власть Советов», на сцене театра «Пассаж» состоялась премьера спектакля по пьесе Островского «Лес». Новый спектакль по пьесе Островского зрители Ставрополя увидят через тринадцать лет, в 1935 году. В театре имени Ленина впервые поставили спектакль по пьесе Островского «Без вины виноватые», пожалуй, самой живучей мелодраме драматурга, к тому времени пятьдесят лет не сходившей со сцены русских театров.

При подготовке историко-документальной выставки «Театр. История, творчество, жизнь», открывшейся в Ставрополе в рамках мероприятий, посвященных 100-летию государственной архивной службы России, в фондах Государственного архива Ставропольского края обнаружен документ, содержащий сведения о зимнем сезоне театра им. Ленина с 27 ноября 1928 года по 1 марта 1929 года. Судя по архивному документу, первенство по посещаемости занимали спектакли, поставленные по пьесам «нового времени»: «Человек с

портфелем» А. Файко, «Рельсы гудят» А. Киршона. Список замыкали спектакли по пьесам «Горе от ума» А. Грибоедова, «Ревизор» Н. Гоголя. И ни одного спектакля по пьесам А. Островского.

В тридцатых годах в Ставрополе начала складываться постоянная театральная труппа. Театральная афиша нового сезона 1936–1937 года извещала зрителей, что в репертуаре Ворошиловского городского театра драмы и комедии, возникшего в апреле 1930 года, будут спектакли и по произведениям Островского. В ноябре зрители увидели спектакли по пьесам Островского «Доходное место», «Гроза». В январе шел спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», в марте – «Лес». В 1937 году у театра новый статус и новое название – Орджоникидзевский краевой драматический театр.

В его репертуаре значился спектакль по пьесе Островского «Волки и овцы», поставленный режиссером Зинаидой Михайловной Славяновой. В истории русского театра она значится как первая женщина – режиссер театра. Ее судьба сложилась печально. В 1937 году она попала в опалу за связь с «врагом народа» И.П. Уборевичем.

III

В годы Великой Отечественной войны в репертуаре театра оставались спектакли по пьесам Островского «На всякого мудреца довольно про-

стоты», «Без вины виноватые». Премьера спектакля по пьесе «Последняя жертва» состоялась в 1944 году. Актеры показали его впервые воинам 1-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

В первые послевоенные годы на сцене Ставропольского краевого драматического театра поставлены спектакли по пьесам Островского «Таланты и поклонники», «Доходное место», «Поздняя любовь». «Поздняя любовь», как признавался сам Островский, одна из его любимых пьес. Этот спектакль не сходил со сцены театра целый год.

В пятидесятых годах ставропольская сцена сделала драматургию Островского достоянием тысяч жителей края. В эти годы театр обращался к пьесам Островского «Сердце не камень», «Последняя жертва», «На бойком месте», «Богатые невесты».

В 1973 году на Ставрополье широко отметили 150-летие со дня рождения А.Н. Островского, чье творчество, как писал председатель Ставропольского отделения Всероссийского театрального общества, заслуженный артист РСФСР Борис Васильевич Дымченко, «гордость не только русского народа, но и всех народов нашей многонациональной Родины».

В юбилейные дни зрители Ставрополя посмотрели новые постановки по пьесам А.Н. Островского: в Ставрополе – «Доходное место», в Ессентуках – «Не все коту масленица», в Кисловодске – «Поздняя любовь», в Черкесске – «Таланты и поклонники». «Стремление выявить непо-

вторимое своеобразие каждой из пьес драматурга отличает нынешний этап сценической жизни его произведений», – писал Б.В. Дымченко в статье «Торжество драматургии А.Н. Островского», опубликованной редакцией газеты «Ставропольская правда».

К драматургии Островского ставропольские актеры обращались и в восьмидесятых годах. Играли спектакли по пьесам «Лес», «Конец – делу венец» (больше известной как «Женитьба Белугина»), «Банкрот» («Свои люди – сочтемся»). В девяностых шли спектакли по пьесам Островского «Правда – хорошо, а счастье – лучше», «Без вины виноватые».

IV

168-й театральный сезон Ставропольского академического театра драмы имени М.Ю. Лермонтова открылся премьерой спектакля по пьесе А.Н. Островского «Без вины виноватые». Поставил спектакль режиссер из Тольятти Владимир Хрущев. Прежде чем взяться за постановку, он посмотрел фильм Глеба Панфилова по этой пьесе и сделал следующий вывод: «Картина Панфилова мне не понравилась. Да и сам он не раз признавал, что это далеко не лучшая его работа. В этой постановке должна присутствовать некая степень иронии. Сейчас Островского нужно ставить в современном стиле – даже отказываться от теа-

тральных костюмов. Я понимаю, что люди приходят в театр посмотреть на классические постановки «а-ля Островский», но ритм жизни изменился, надо даже текст быстрее говорить на сцене».

В апреле 2021 года на Ставрополье принимали актеров театра «Сатириконт» имени Аркадия Райкина. «Сатириконовцы» открыли гастролы спектаклем по комедии А.Н. Островского «Шутники» в постановке Евгения Марчелли. Свой выбор для показа на Ставрополье этого спектакля режиссер объяснял так: «Спектакль – парадокс по малоизвестной пьесе, в которую, тем не менее, уместился весь мир Островского. Главного персонажа – чиновника Оброшенова – играет народный артист России Константин Райкин. Но в наш сюжет вошли титульные герои еще четырех русских знаковых пьес: «Грозы», «Бесприданницы», «Леса» и «Снегурочки». Комедия поменяла объем и вышла в бескрайний космос театра Островского. Здесь всё игра и шутники абсолютно все, в том числе и высшие силы, давшие человеку такое сложное и любопытное явление как жизнь. Сюжет комедии, на первый взгляд, довольно простой: небогатый чиновник выдает дочь замуж. Денежные унижения ему легче вынести под маской шута. Дело идет к свадьбе, но на сцене возникают разные модели любви: от счастливой до продажной, от безответной до трагической. История про любовь и деньги в красочном эпическом спектакле, имя которому – Островский».

После выступления на сайте «Сатириконт» появилась трогательная запись о том, что спектакль прошел на сцене старейшего на Северном Кавказе Ставропольского академического театра драмы имени М.Ю. Лермонтова со «стопроцентным» (ура!) зрительным залом».

Самую знаменитую и загадочную пьесу А.Н. Островского «Гроза» театр поставил к 195-летию со дня рождения драматурга. Премьера спектакля состоялась 13 февраля 2018 года. По оценке режиссера этого спектакля народной артистки России Натальи Зубковой, история «Грозы», являющейся вершиной творчества А.Н. Островского, и сегодня может вызвать добрый отклик у зрителей. «Гроза» в постановке ставропольского театра – это история любви и измены, греховности и раскаяния, веры и неверия.

Не менее заметным событием в истории ставропольского театра стал спектакль «Женитьба Бальзамина» в постановке заслуженной артистки России Ирины Баранниковой.

Театральная эра Александра Николаевича Островского, на одной из пьес которого Литературно-театральный комитет, существовавший в России при Дирекции императорских театров с 1855 года, поставил гриф: «Не одобряется к представлению...», продолжается!

Литературное Ставрополье

Альманах № 2 (2025)

Отпечатано в ООО «СЛАВЯНОЧКА»

394026, Воронеж, пр-т Труда, д. 46Д, помещ. 1, ком. 3

Подписано в печать __.07.2025

Тираж 1000 экз. Заказ № __